

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

И.М. Рагимов

ПРЕСТУПНОСТЬ И НАКАЗАНИЕ

Санкт-Петербург
Издательство «Юридический центр»
2018

УДК 343.2; 343.97

ББК 67.408

P14

Редакционная коллегия

*Ю.В. Голик (отв. ред.), М.Т. Агаммедов, Н.А. Винниченко,
И.Х. Дамения, И.Э. Звечаровский, А.В. Земскова,
А.В. Коновалов, С.Ф. Милюков, А.В. Сальников,
А.В. Федоров, А.А. Эксархопуло*

Рецензенты:

*А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, генерал-полковник юстиции,
Председатель Следственного комитета РФ*

*Ю.В. Голик, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ*

Рагимов И.М.

P14

Преступность и наказание. — СПб.: Издательство «Юридический центр», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-94201-767-5

В монографии освещены нетривиальные вопросы о природе и причинах преступности, сущности, формах и видах уголовного наказания, о пределах справедливости при назначении уголовного наказания и роли государства в обеспечении законности при его реализации. Свое исследование автор строит на прочной методологической основе: подробно рассматривает исторический аспект понятия и значения уголовного наказания, демонстрирует философские подходы древних к данной проблеме, раскрывает основные подходы представителей различных школ и научных направлений.

Книга будет интересна не только специалистам в области уголовного права и криминологии, юристам, философам и социальным психологам, но и найдет отклик у широкого круга читателей.

УДК 343.2; 343.97

ББК 67.408

ISBN 978-5-94201-767-5

© И.М. Рагимов, 2018

© Издательство «Юридический центр», 2018

Оглавление

Введение	4
Глава I. Понятие и значение наказания в контексте причин преступности: исторический экскурс.....	11
1. Философы древности.....	17
2. Религия о наказании.....	24
3. Классическая школа: Ч. Беккариа	30
4. Антропологическая школа: Ч. Ломброзо	39
5. Уголовная социология: Э. Ферри.....	50
6. Социалистическая советская школа.....	62
Глава II. Преступность и эффективность наказания	71
1. Цель наказания	—
2. Средства достижения цели.....	101
3. Эффективность наказания: «Цель — Результат»	150
4. Причины преступности и объективные возможности наказания.....	169
5. К вопросу о «кризисе наказания».....	195
Глава III. Проблема наказания и теория прогнозирования.....	209
1. Прогностическая сущность наказания.....	—
2. Прогнозирование в законотворческой деятельности	232
3. Прогнозирование и проблемы назначения наказания	246
4. Индивидуальное прогнозирование	295
Закключение. Не «кризис наказания», а «кризис общества»	317
Приложения	321
Рецензии.....	341
Об авторе.....	349

Светлой памяти моего Учителя,
известного советского–российского учёного,
прекрасного человека, профессора
Николая Александровича Беляева

*Учителя, которым дети обязаны
воспитанием, почтнее, чем родители:
одни дарят нам только жизнь,
а другие — добрую жизнь.*

Аристотель

ВВЕДЕНИЕ

Полагаю, что всякий, кто намеревается исследовать ту или иную научную проблему, долгое время раздумывает о предмете, о котором он хочет писать. Очень важно также изучить то, что уже было сказано по этой теме прежде. Если на исследовательском пути встретится тот, кто исчерпывающим и удовлетворительным образом рассмотрел интересующую проблему, то этому следует только порадоваться. И это вполне нормально и естественно. Радость эта связана с тем наслаждением, которое получаешь в результате познания новых, неведомых до того тайн интересующего вопроса. Удивляешься потому, что любая проблема не имеет границ познания, ибо в противном случае данная область науки не смогла бы дальше развиваться. Не менее важно и то, как представляешь себе цель исследования: историю развития вопроса, проблему, которая не только заинтересовала, но и глубоко взволновала. Как говорят, надо, чтобы исследователь «заболел» этой проблемой, иначе не будет успеха. С полной уверенностью можно

констатировать, что вопросы, связанные с учением о наказании, относятся к числу тех, которые имеют древнюю исследовательскую историю и которые на сегодняшний день остаются остро дискуссионными. И это ещё раз подтверждает важность, сложность и актуальность этой проблемы не только для юристов, но и для философов, политиков, психологов, социологов и даже математиков и генетиков. Я вовсе не отрицаю, а, наоборот, подтверждаю, что это не новость, что об этом говорили довольно часто прежде, и в этом мы убедимся в процессе рассмотрения вопроса. Поэтому моя цель состоит не в том, чтобы сделать какое-то открытие или же обнаружить нечто новое, напротив, я получаю удовольствие от того, что могу размышлять над теми вопросами, которые веками волновали выдающиеся умы человечества и которые на сегодняшний день кажутся совсем простыми и ясными.

Мы, естественно, не претендуем на то, что способны дать правильный и исчерпывающий ответ. Наша задача на базе уже известного материала высказать своё суждение по волнующим юридическую науку вопросам. Речь идёт, в первую очередь, о роли и значении уголовного наказания в нашей жизни, о его социальной функции и борьбе с преступностью, поскольку эта проблема в настоящее время приобрела особую актуальность в связи с настойчивым требованием некоторых теоретиков права и практиков, особенно на Западе, отказаться от этого института уголовного права и перейти на альтернативные меры воздействия на преступников некарательного характера. Всё чаще говорят «о кризисе наказания», советуют «меньше надеяться на тюремное заключение и обратить больше внимания на общественное исправление»¹. Даже появилось и развивается движение

¹ *Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle R; var, 1997. P. 542.*

аболиционистов, ратующих не только за отмену смертной казни, но и за переход от «возмездного» наказания к «восстанавливающему». Знакомство с историей уголовной политики свидетельствует о том, что в разное время различными школами и направлениями значение и специальная роль уголовного наказания оценивались неоднозначно, а порой совершенно с противоположных позиций. Одни его боготворили, другие отрицали в принципе, а третьи исходили из того, что наказание — не единственное и даже не самое совершенное средство борьбы с преступностью. При этом все они критерием оценки совершенно правильно рассматривали преступность, её причины и состояние. И это соответствовало схеме, которая известна медицине: на первом плане стоит вопрос о причинах и происхождении болезни — этиология; затем — о внешних признаках её — симптоматология; далее — диагноз, отличие её от других болезней — дифференциальный диагноз, и, наконец, — *терапия*. Если рассматривать преступление как зло, как болезнь, то необходимо и логично наказание считать средством лечения этой болезни.

Многие философы древности, а также поздних времён, представители теологических направлений, Ч. Беккариа и его сторонники исходили из непоколебимого убеждения, что почти единственным средством в борьбе с преступностью является наказание. Противники наказания, наоборот, ссылаясь на долговременный опыт, утверждают, что наказания ничему не помогли, а лишь навредили, предоставив свободно развиваться преступности, ибо они борются с призраком, с произведением воображения, вместо того чтобы принимать действенные меры против распространения преступности среди населения. И наконец, центристы полагают, что наказание само по себе совершенно естественное явление и что, следовательно, нелепо утверждать, будто оно

бесполезно и бессильно. Речь идёт о малой действенности наказания как препятствия к совершению преступления.

Мы уверены в том, что теоретически спор о необходимости или бесполезности наказания можно отнести, как правильно подчёркивал А.Ф. Кистяковский, к числу столь же праздных, сколь праздны споры, необходимо ли жить человеку в обществе¹. Н.А. Неклюдов в своё время сказал прекрасные слова: «Противники наказания забывают, что диссонанс может быть уничтожен только гармонией, что, следовательно, прежде всего, надо сравнивать вершину горы с её подошвой, т. е. сделать невозможными преступления, а в таком случае нечего будет плакать о наказании, оно исчезнет само собой»². Поэтому сегодня общество не может существовать без уголовного наказания, ибо эта мера есть одна из тех, которые предназначены служить предупреждению преступлений. Конечно, нет ни одного наказания, которое удовлетворяло бы всем требованиям, и изобрести таковое законодатель не в силах.

Как отмечал Э. Ферри, в практической медицине, когда опыт показывает, что известное средство, считавшееся действенным против определённой болезни, на самом деле непригодно для этой цели, от него отказываются и ищут другие средства³. Мы не знаем, каково было бы состояние преступности в случае отказа от данной меры воздействия на эту социальную болезнь. Для того чтобы убедиться в положительной роли наказания в нашей повседневной жизни, необходимо в качестве эксперимента на определённый период времени на определённой территории отказаться от

¹ Цит. по: *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1890. С. 71.

² *Неклюдов Н.А.* Уголовно-статистические этюды. М., 2010. С. 7–8.

³ См.: *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 2005. С. 35.

этой меры и заменить её некарательным воздействием на преступность. А до тех пор, пока мы не имеем каких-либо сравнительных данных, пока никто не предложил реальных, практических (а не только теоретических) альтернативных вариантов, которые заменили бы уголовное наказание в борьбе с преступностью, общество должно довольствоваться тем, чем располагает, и идти по пути повышения эффективности воздействия этой меры.

Наказание — феномен, охватывающий различные сферы нормативного регулирования. Именно благодаря этому качеству проблема наказания всегда волновала общество, и особенно ярко это проявлялось в XX веке. Поэтому ведущие социологи и философы не могли не откликнуться на потребность осмысления наказания. Важная задача не только уголовного права, философии, психологии, социологии, педагогики, но и точных наук на сегодняшний день заключается не в попытке оправдать или очернить наказание как сложное явление, а в стремлении найти более эффективные, научно обоснованные возможности его использования в социально полезных целях. Ведь именно наказание служит средством восстановления нормального порядка в обществе, устранения конфликта между обществом, государством и личностью, возникшего в связи с совершением противоправных действий. Надо помнить, что благоприятная правовая и нравственная обстановка в обществе и государстве зависит от глубины понимания социальной природы наказания и от верного его практического применения. Изучение возникновения и эволюции теорий о наказании будет способствовать правильному пониманию его роли в обществе.

Представление о наказании в общественном и индивидуальном сознании было сформировано, в том числе, благодаря популяризации юридических, социологических, психологических, философских и религиозных трактовок этого

понятия. На протяжении веков в процессе развития общества представления эти неоднократно менялись, но само понятие наказания так же старо, как и само человечество, а институт наказания встречается во все времена и у всех народов. Изучение наказания позволяет постичь прошлое, понять сущность и содержание нравственной культуры как необходимой предпосылки формирования гражданского общества. Ч. Беккариа справедливо отмечал: «Суровость наказаний должна соответствовать состоянию самой нации»¹. Поэтому для того, чтобы осмыслить тот или иной вид наказания или же всю его систему, необходимо понять породившую его эпоху. Понимание наказания зависит от уровня культурного развития общества, а также от превалирующих в обществе идеологических установок. Из этого следует, что наказание, его сущность и цели в период Средневековья и Нового времени, т. е. в период цивилизации и гуманизма, не могли быть поняты одинаково. Взгляд на тот или иной период, эпоху с точки зрения практикующего в них наказания позволяет лучше узнать эпос, мировосприятие народа, выявить уровень развития той или иной науки и т. д. Кроме того, через действующий в конкретно-исторических условиях институт наказания можно увидеть, как он оценивался современниками, поскольку наказание — это ещё и ценностно окрашенная реакция на нарушение правильных норм.

Таким образом, подобное уникальное положение делает наказание одним из ценных свидетельств истории, а также явлением, важным для оценки общественных процессов настоящего. Учение о наказании имеет древнюю и богатую историю и судьбу. Сегодня это сумма ценных и глубоких идей, исследований великих умов древности, канонистов Средневековья, выдающихся представителей периода Гуманизма и Просвещения, а также известных и талантливых

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 156.

юристов современности. И каждый из них, независимо от того, какую науку представлял, вносил свой неоценимый вклад в изучение этой проблемы и, тем самым, способствовал познанию неизвестных тайн этого сложного явления. Однако сейчас нас больше волнует состояние преступности и та роль, которая определена наказанию в выполнении поставленной обществом задачи. Какова эффективность уголовного наказания сегодня? Каковы объективные возможности его в достижении поставленной цели? Каково будущее наказания? Можно ли говорить о «кризисе наказания» и замене его мерами некарательного воздействия? Вот неполный круг вопросов, которые, как представляется, сегодня ждут своего рассмотрения. И нам также хотелось бы высказать свои соображения по этим проблемам.

Глава I

Понятие и значение наказания в контексте причин преступности: исторический экскурс

*Я есть то, что есть, что было, что будет,
и никто не познал моего существа.*

Надпись на одном из древних храмов

Автор «Положительной философии» О. Конт высказал глубоко верную мысль о том, что всякая концепция может быть правильно понимаема только тогда, когда известна её история¹. Слово «наказание» в реальной жизни употребляется во многих значениях и во многих областях — в области морали, религии, воспитания, поскольку с ним связывается представление о том, что оно настигает кого-либо за содеянное им и обязательно приносит известные неприятности. В уголовном праве «наказание» становится термином, употребляемым в законодательстве для обозначения определённых правовых норм. Следует заметить, что в современном русском языковом сознании у концепта наказания есть два дублетных концепта: *кара* и *возмездие*.

Семантические структуры лексем этих понятий частично совпадают: у слов общая архисема и ряд ядерных дифференциальных сем, а разграничение идёт по периферийным и

¹ Цит. по: Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2010. С. 204.

функциональным семам. Так, смысловая структура концепта *кара* совпадает со структурой концепта *наказание* в таких компонентах, как болезнь, тяжёлая смерть, пожар, смертная казнь; отмечен уникальный когнитивный признак — испытание, тяжёлая участь. Концепт *наказание* более актуален для обыденного и правового использования. Именно поэтому уголовное право пользуется этим словом. В английском языке наказание близко понятиям правосудия, судебной власти. Наказание — это последствие уголовного преступления, которое осуществляется по всей строгости закона. Концепт *возмездие* имеет такие когнитивные признаки, как справедливое возмездие, расплата, месть, суд, награда, а также конкретные формы — изгнание, страдание, смерть, разрушение.

Таким образом, лексемы *наказание*, *наказать* имеют более широкий круг сочетаемости, употребляются по отношению и к церковной, и к мирской жизни, тогда как лексемы *кара*, *карать*, *возмездие* более последовательно связаны с идеей божественного воздаяния, с религиозными постулатами. Филологи заметили, что в тексте романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского лексема *наказать* и её дериваты встречаются 4 раза, лексема *возмездие* — 1 раз, лексема *кара* и её производные не встречаются.

В отличие от русского языка в азербайджанском языке слово «наказание» переводится как *джаза*. Дублетных концептов этого лексона не существует, т. е. и кара, и возмездие охватываются понятием *джаза*, что переводится на русский язык как *наказание*. Поэтому в уголовном законодательстве и в обыденном сознании используется концепт *джаза*.

Если исходить из Божественных писаний, то наказание — изначально установленное Богом средство воздействия на созданное им человеческое существо. Когда же человек стал использовать наказание как средство воздействия на преступность, неизвестно. В связи с этим А.Ф. Кистя-

ковский отмечал: «Прежде чем в человеке блеснула первая искра уразумения, почему и для чего существует наказание, оно давно уже существовало и действовало»¹. Ш. Летурно в своём труде «Эволюция права» выводит первые зародыши того, что мы называем наказанием, из явления биологического — из отражённого движения, или рефлекса, служащего основой инстинкта самосохранения, из происходящего без обсуждения автоматического ответа на раздражение, последовавшее извне, из живой впечатлительности, непосредственно отвечающей на внешнее возбуждение отражёнными мускульными сокращениями².

Значение слова «наказание» изменялось во всех фазах его эволюции. Э. Ферри считает, что наказание (под этим словом разумеется совокупность юридических мер, употребляемых обществом в борьбе с преступностью) до настоящего времени прошло четыре фазы в своей эволюции: от *элементарной* фазы (оборонительной и мстительной реакции, индивидуальной и общественной, непосредственной и отложенной) оно перешло к фазе *религиозной* (божеского воздействия), затем — к фазе *этической* (средневекового искупления) и, наконец, к фазе *юридической* (в смысле отвлечённого и априористического права классической школы). В настоящее время, полагает он, необходимо осуществлять *социальную* фазу, в которой, благодаря новейшим данным антропологии и уголовной статистики о происхождении преступления, наказание перестанет быть соразмерным воздаянием за нравственную вину (фаза этико-юридическая), а явится совокупностью превентивных и репрессивных социальных мер. Последние, отвечая природе и происхождению преступления, гораздо лучше и в то же

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1890. С. 764.

² Цит. по: Дриль Д.А. Указ. соч. С. 215.

время гораздо гуманнее обезопасят общество от преступных посягательств¹.

По мнению И.Я. Фойницкого, на первоначальных ступенях истории уголовного права карательная функция принадлежала частным лицам, потерпевшим от преступных деяний. Место наказания занимает месть. Постепенно общественные кружки сосредоточивают власть наказания всецело в своих руках и сами расправляются с обидчиками. Личная месть и личность потерпевшего отодвигаются на второй план. В современном правовом строе цивилизованных народов объединение общественных кружков привело к тому, что право наказания принадлежит единственно и исключительно государству как его субъекту². Превращение частной мести в публичное уголовное наказание Гегель связывал со временем возникновения государства³.

Следует подчеркнуть, что наказание и сейчас принадлежит к числу тех понятий, которые представляются, на первый взгляд, достаточно простыми и ясными для всех. Однако, как верно замечает Ф. Лист, «мы часто не даём себе ясного представления о тех трудностях, которые представляют для науки точное описание этого, по-видимому, ясного понятия, в особенности его отграничение от других общественных мер охраны. И в этой области мы находимся ещё на первых ступенях научной работы»⁴. И действительно, Лист прав, ибо даже самому слову «наказание» не только в житейском языке, но и в научной литературе, и даже в уголовно-правовой, придают

¹ См.: Ферри Э. Уголовная социология. М., С. 363–364.

² См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 18.

³ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1953. С. 146.

⁴ List F. Die Ausgabe und die Methode der Strafrechtsnis. Strafrechtliche Ansätze und Mortäge. 1905. B. 11. S. 293.

весьма разнообразное значение. Вот почему наказание остаётся столбовым существом со многими ликами и немногими постоянными именами. История и действительность свидетельствуют о том, что с момента появления наказания в качестве средства воздействия на преступные проявления человек размышлял о сущности и значении этого понятия.

Работая над разрешением важнейших проблем бытия, видные представители философской, религиозной, юридической мысли занимались одновременно и вопросами о причинах преступного поведения человека, а значит, и о желательной организации, существе и целях наказания для предотвращения подобных негативных для общества явлений. Надо признать, что не существует всеми признанной, единой для всех времён и народов теории наказания. И это вполне естественно, поскольку в разные периоды истории человечества господствовали отличные друг от друга идеологии, которые непосредственно влияли на понимание и значение роли уголовного наказания в обществе. При этом в деле формирования института наказания первое место всегда занимало положение личности человека в государстве — личности человека вообще, независимо от его политического статуса. Как справедливо подчёркивал Н.Д. Сергиевский, «или человек, с личными его интересами и личным счастьем, поглощается государством и его интересами, так что государство заботится о личности лишь настолько, насколько эта личность представляет собой материал служебный для государственных интересов; или, наоборот, человек с его личными интересами занимает самостоятельное место в сфере забот государственных, так что благо отдельных лиц, само по себе взятое, является одною из целей государственного управления»¹.

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1890. С. 102.

История наказания, несомненно, есть история представлений человека о причинах преступности и значении наказания в борьбе с этим явлением. Несмотря на различия во взглядах и направлениях, их объединяло одно: стремление найти и понять причины преступного поведения человека и стремление предупредить эти проявления, сделав из наказания целесообразное и эффективное орудие борьбы с преступностью. При этом значение и роль наказания определялись принципиальной позицией относительно главных корней преступности. Поэтому не случайно, что с момента своего зарождения все проблемы уголовного права концентрировались вокруг именно этих двух институтов. На эту тесную взаимосвязь и взаимозависимость указывал ещё К. Маркс: «Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определённую меру наказания»¹.

Что наказывать и как наказывать — вот те вопросы, на которые всегда искали ответ виднейшие философы, юристы политики всех времён, а также обычные, простые люди. При этом совершенно обоснованно проблемы наказания ставились на первый план. Так, А.Ф. Кистяковский писал: «Если учение о преступлении с научной точки зрения занимает в уголовном праве первое место; если оно является главнейшей его составной частью, то с точки зрения сущности и цели уголовного права, как общественного института, первенствующее место в уголовном праве, несомненно, принадлежит наказанию. В нём выражается душа, идея уголовного права»². Французский писатель Э. Боссир также заметил, что «одно наименование карательного права, данное уголовному праву, показывает, что вопрос о наказании является вопросом первым, если не в порядке фактов, то, по крайней мере, в порядке логическом»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 124.

² Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 696.

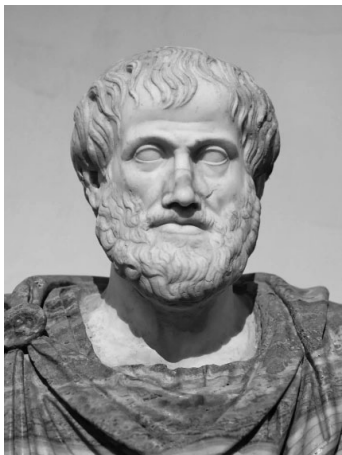
³ Beaussire E. Les principes du droit, 1888. P. 125.

Без сомнения, вопрос о наказании всегда был и остаётся основным вопросом уголовного права, ибо от определённости или неопределённости одного этого понятия зависит истинность или ложность, последовательность или непоследовательность всей теории, устойчивость или шаткость практики. Именно наказание определяет уголовную политику любого государства в борьбе с преступностью. Однако нельзя забывать, что учение о наказании всегда находилось в определённой зависимости от понятия преступления и причин преступности. Социальное значение, цели и функции наказания не могут быть глубоко и всесторонне исследованы без уяснения и определения сущности и причин преступного поведения человека. Не только потому, что наказание является следствием преступления, что оно как бы вторично по отношению к этому явлению, но и потому, что наказание определено именно с целью борьбы с этой болезнью, причину которой и сегодня мы четко определить не в состоянии. Иначе говоря, наказание как средство борьбы появилось только благодаря преступлению. Поэтому виды, система и содержание наказания всегда изменялись в зависимости от изменений характера преступности и условий, способствующих их появлению.

1. Философы древности

Как известно, на поставленные человечеством вопросы первыми всегда дают ответ именно философы. Не был исключением и вопрос о наказании. Надо помнить, что основу многих теорий, школ, научных направлений по проблемам наказания составляют идеи философов древности. Как справедливо отметил М.П. Чубинский, «Древний мир уже наметил многие из тех великих идей, пышный расцвет которых через много веков повёл к корен-

Аристотель

ному изменению уголовно-политического мирозерцания и радикальной реформе уголовного законодательства»¹.

Как известно, теория возмездия принадлежит Канту и Гегелю. Однако, разрабатывая эту теорию, они опирались на идеи Пифагора и других философов древности. Так, определяя справедливость как воздаяние равным за равное, Пифагор и его школа признавали, что за злом, причинённым преступлением, не-

пременно должно следовать одинаковое зло для преступника, т. е. наказание². А выдающийся криминалист А. Фейербах построил свою теорию психологического воздействия на идеях Аристотеля. Древнегреческий философ считал, что наказание есть акт необходимости: так как польза всего общества есть высшее благо, к которому стремится политика, а осуществление наказания приносит реальные выгоды честным гражданам и всему обществу, то отсюда и вытекает справедливость наказания. Во всяком случае, идея общего блага должна доминировать над идеей частного интереса³.

Как и следовало ожидать, наказание рассматривалось как явление философское. Считалось, что такие элементы наказания, как зло, добро, страдание, кара, возмездие, справедливость и т. д., входят в область этики. А этика, как

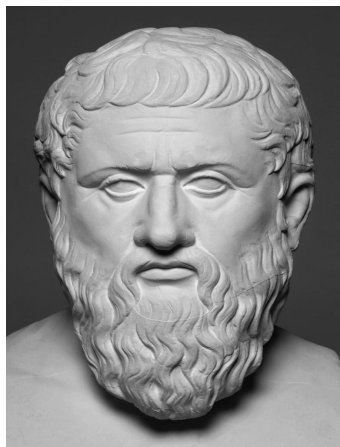
¹ Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2010. С. 106.

² О школе Пифагора см.: Aristote. Mozale Nicomague. Oevzes trad. Par I. Barthe lemy Saint Hilaire, 1856. T. I. L. V, ch. V. P. 152.

³ См.: Oevzes d' Aristote trad a par I. Barthe'lemy Saint Hilaire. T. I. Mor a Nicomague L. I, ch. V. I. P. 38–39; L. II, ch. III. P. 73–77.

известно, категория философская, а не юридическая. Без сомнения, вопросы познания добра и зла являются важными во всех общепринятых религиях, а также составляют важнейшие философские вопросы, хотя и сегодня они до конца не определены для самого общества, как, впрочем, и многие философские категории. И это вполне естественно, поскольку философия, как мы знаем, не является конкретной наукой. Поэтому она служит на-

Платон

учной базой, основой для исследования конкретных проблем других наук. В нашем случае глубокое изучение понятия наказания, его сущности, цели, само собой разумеется, невозможно без философского анализа таких категорий, как «добро» и «зло». Представление о них складывается в процессе освоения, преобразования, осмысления человеком окружающего мира и самого себя. Вот почему эти понятия, как и другие нравственные категории, всегда занимали умы. В философии Сократа зло является случайностью, которую человек совершает по незнанию, путая добро со злом. Средством против зла Сократ считает знание. Значит, чем человек больше знает, тем он меньше совершает зла, и наоборот. Если полагать, что Сократ под понятием «знание» понимает воспитание, то можно с ним вполне согласиться, ибо практика показывает, что хорошо воспитанные (в широком смысле слова) люди меньше совершают противоправные действия. По Платону, добро и зло одинаково реальны. При этом добро относится к миру идей, а зло — ко всему чувственному, видимому, изменчивому. Обычно в моральном сознании истинное добро понимается как что-то полезное, нужное, необходимое

для всех, а зло — то, что разрушает жизнь и благополучие человека. Следовательно, зло есть противоположность добра. Исходя из этого, поступки людей оцениваются как добро или зло соответственно тому, способствуют они или препятствуют удовлетворению потребностей общества в целом, отдельных его членов или групп.

Зло существует в трёх видах. **Первый вид** физическое или природное зло. Это все естественные стихийные силы, которые разрушают наше благополучие. Совершенно очевидно, что этот вид зла никакого отношения к понятию наказания не имеет. **Вторым видом** объективного зла является зло в общественных процессах. Оно совершается с участием человеческого сознания, но всё-таки во многом помимо его воли. И в этом случае человек не имеет намерения причинить зло кому-либо или обществу в целом. Значит, и это зло не может быть рассмотрено в аспекте понятия наказания. **Третий вид** — зло субъективное по происхождению, нравственное, т. е. такое зло, которое совершается при непосредственном участии человеческого внутреннего мира — его сознания и воли. Это зло, происходящее и творимое по решению самого человека, по его выбору. Основная причина такого зла, наряду с различными причинами социального характера, коренится в самом человеке. Вот почему человек несёт прямую ответственность за такое зло, ибо, в отличие от физического и объективного зла, он его совершает своим сознательным волевым поведением. Такого зла он желал добровольно, оно совершалось не против, а при активном участии его воли. Следовательно, за такое зло человек должен нести соответствующую ответственность.

Итак, совершено зло, которое следует устранить, а также не допустить его повторения. Эта функция принадлежит наказанию, которое, с одной стороны, устраняет зло, а с другой — совершает добро. Однако, устраняя зло, наказание в то же время само причиняет зло тому, кто его совершил.

Это выражается в лишении его определённых благ, свобод, а также в причинении ему страданий и переживаний. Всё это делается как в интересах самого человека, совершившего зло, так и в интересах всего общества. В этом смысле наказание, естественно, рассматривается как добро.

Но наказание перестаёт быть наказанием тогда, когда оно воспринимается не как зло, а только как благо, ибо наказание утрачивает в этом случае самую существенную свою черту: оно перестаёт быть злом. Поэтому мы согласны с А.А. Жижиленко, когда он особо подчёркивает следующую мысль: «Не подлежит никакому сомнению, что наказание есть зло, и поскольку мы всякое для нас нежелательное явление квалифицируем как зло и в особенности квалифицируем подобным образом такое явление, которое заключает в себе причинение известного осязательного вреда, постольку мы наказание, как и всякое иное принудительное правоохранительное средство, можем определить как зло»¹.

Сознание недостаточности определения наказания как зла побудило некоторых юристов уточнить, в чём зло проявляется. Само собой разумеется, что оно проявляется в причинении наказуемому более или менее чувствительного страдания, без которого наказание потеряло бы всякий смысл. Но и понятие страдания также непригодно для нас, юристов, при исследовании понятия наказания как правового явления, как и понятие зла, так как и оно не заключает в себе указания на юридический момент. По словам Ф. Берольцгеймера, «наказание как зло соответствует греховному промаху, а не правонарушению»².

В самом деле, называть зло или страдание наказанием недопустимо формально, так как ни «зло», ни «страдание»

¹ Жижиленко А.А. Наказание. Пг., 1914. С. 33–34.

² Berolzheimer F. Sistem der Rechts-und Wirthschaftspilosophie. B.V. 1907. S. 202.

не являются юридическими понятиями, и фактически ошибочно, ибо не только объективно, но очень часто и с субъективной точки зрения наказуемого наказание представляется благом. В связи с этим А.А. Жижиленко совершенно справедливо отмечал, что «определение наказания как зла не затрагивает юридической стороны исследуемого явления. Зло и его коррелят — добро — понятия из области нравственности, а не права. Сказать, что наказание есть зло, ещё не значит указать на его юридическую природу»¹.

Философия права обращает внимание на институт наказания с точки зрения его места и роли в общественном механизме, оправдания или осуждения его юридической природы с позиций этических норм, духовно-нравственных ценностей².

Поскольку наказание имеет социальную и нравственную сущность, использование философских категорий в исследовании данного понятия является аксиомой. «Юриспруденция, — говорил Гегель, — является частью философии»³.

Таким образом, изначально учение о наказании, как и многие другие явления науки, было предметом философской мысли. Поэтому на протяжении многих веков вокруг этого понятия шли оживлённые дискуссии, в результате которых появилось большое количество различных концепций, учений, теорий. Говоря о наказании, мы, юристы, должны, бесспорно, рассматривать это понятие как правовое, а не философское, т. е. нас должна интересовать юридическая сторона этого вопроса. Поэтому при определении понятия наказания юрист не может обойтись без элементов, имеющих чисто юридическое значение, а не характеризующих наказание как явление философское, социологическое или психологическое. В то же

¹ Жижиленко А.А. Указ. соч. С. 34.

² См.: Сыч К.А. Уголовное наказание и его классификации: опыт теоретического моделирования. СПб., 2002. С. 75.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 17–18.

время следует помнить, что разрешить проблему наказания никогда не удастся, если отделять право от реального мира фактов и явлений, на почве которых оно выросло. А это означает, что нельзя переоценивать роль юридических признаков при определении понятия наказания.

Изучая взгляды и идеи мыслителей Древнего мира, нетрудно заметить, что они рассматривали преступление как социальное зло, а наказание — как неизбежный результат преступления. ***Они видели в наказании пользу для общества и поэтому высоко ценили его роль в борьбе с преступностью как социальным злом и болезнью.***

Наказание у древних рассматривалось как акт необходимости. Они были глубоко убеждены в том, что оно приносит реальные выгоды как обществу в целом, так и отдельному гражданину и поэтому возлагали на наказание большие надежды в борьбе с преступностью, предлагая использовать его целесообразно, с максимальной пользой и выгодой для общества. При этом следует особо подчеркнуть, что мыслители древности стремились найти и понять причины преступности с целью предупреждения преступлений. Необходимо отметить, что они выступали против превращения наказания в месть преступнику, против излишней его жестокости.

Для них вопрос об ответственности за преступное поведение был совершенно очевиден, ибо поведение человека оценивалось с точки зрения таких философских категорий, как зло и добро, справедливость и честность и т. д. Поэтому и на наказание за совершённое зло древние смотрели с позиций справедливости. Исходя из этого даже самые жестокие наказания для них считались справедливыми, если они способствовали достижению благородных общественных целей. Следует отметить, что философы древности предлагали различные пути повышения эффективности наказания как средства воздействия на преступность, однако преступность не уменьшалась, болезнь оставалась неизлечимой.

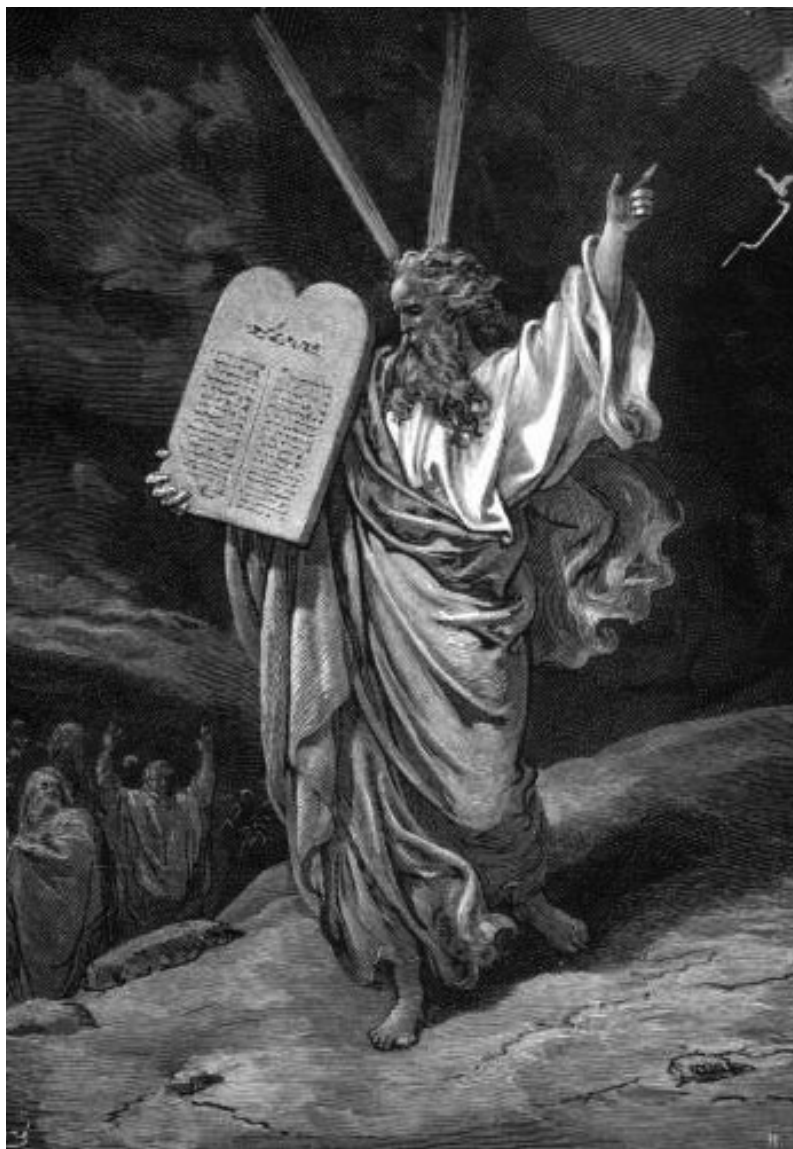

Между тем от её лечения наказанием они не отказывались, ибо не были в состоянии изобрести что-либо взамен. Тем не менее мы должны быть благодарны философам древности за то, что они оставили нам богатое идейное наследие, которое было впоследствии положено в основу многих учений о преступлении и наказании.

2. Религия о наказании

Религия как нормативно-этическая система образует основу и неисчерпаемый резерв развития права в целом и уголовного права в частности.

Вопросы наказания занимают особое место во всех признанных мировых религиях. Принято считать, что первые теологические теории о наказании базировались на постулатах Ветхого Завета: наказание — воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона — «око за око, зуб за зуб» (Втор. 19–21). Известно, что после окончания потопа Ноем был заповедан принцип: «Кто прольёт кровь человеческую, того кровь прольётся рукою человека; ибо человек создан по образу Божьему» (Быт. 9:6). Среди религиозных источников, имеющих историческое значение, следует выделить законодательство Моисея — Закон, переданный еврейскому народу Богом через Моисея. По своему характеру этот Закон является правовым. Он обладает рядом показателей, свойственных уголовному закону. Наиболее важными из них являются установления, касающиеся вины, наказания и обстоятельств, исключающих ответственность. В законодательстве Моисея отсутствует понятие вины в современном понимании. Законодатель признаёт психическое, субъективное основание ответственности наряду с объективным, т. е. лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо ещё установить характер его психического отношения к содеянному. Наказание — неотъем-

Гюстав Доре. Моисей со скрижалями Завета. Гравюра.

лемый компонент законодательства Моисея; оно освящено Богом, принято еврейским народом как должное. Наказание рассматривается как изначально установленное Богом средство воздействия на созданное им человеческое существо. И установлено оно для того, чтобы не стал вечным сотворённый Адамом грех (на юридическом языке — преступление), не укоренился и «не стал жить вечно» (Быт. 3:22)¹.

Следует иметь в виду, что, говоря об отношении религии к наказанию и её влиянии на развитие этого института, нельзя обойти вниманием то значение, которое придавалось в области правосудия учению Христа, а также мировоззрению Моисея, получившему развитие в период Средневековья в идеях канонистов, т. е. представителей церкви. М.П. Чубинский отмечает, что «влияние канонических идей на дальнейшее развитие уголовного права было настолько серьёзным, что некоторые исследователи по отношению, например, к германскому праву считают это влияние едва ли не более существенным, чем влияние рецепции римского права»².

Христос «раскрыл идеал Бога, Отца людей, который хотел не смерти грешника, но его исправления в жизни, и... изложил теории любви и снисхождения к ближнему»³. Канонисты же в Средние века и в последующие периоды учение Христа заменили более отвечающим их идеалам мировоззрением Моисея, и потому оно не могло оказать серьёзного влияния на формирование новых представлений о понятии, значении и целях уголовного наказания. Всё это привело к тому, что, проповедуя публичный характер наказания и его целесообразную организацию, канонисты одновременно санкционировали жестокие казни. Было объявлено, что право наказания принадлежит лишь Богу и что без его полномо-

¹ См.: Христианское учение о преступлении и наказании. М., 2009. С. 70.

² Чубинский М. П. Указ. соч. С. 110.

³ Кистяковский А. Ф. Указ. соч. С. 67–68.

чия никто, даже общество, не имеет права налагать руку на человека, на его свободу и жизнь. Утверждая, что право отпущения принадлежит лишь Богу, канонисты в то же время допускали делегирование этого права духовным и светским властителям. Наказание рассматривалось не в качестве меры безопасности, а именно в смысле возмездия. Например, Фома Аквинский утверждал, что наказание по естественной человеческой склонности преследует цель возмездия и восстановления порядка¹. Многие из канонистов (Хризостом, Исидор Пелусиотский, Теодорот и др.), увлекаясь идеями Моисеева законодательства, доходили до защиты и пропаганды талиона². Следует особо подчеркнуть, что первые христианские писатели больше заботились о чистоте и распространении веры, чем о расширении власти церкви. На первый план они ставили цель исправления преступника и признавали её столь важной, что почти не обращали внимания на идею возмездия и не возводили её в принцип наказания. Так, Лактанций выступал категорически против смертной казни и жестоких наказаний, в частности, за преступления религиозного характера. «Религия, — отмечал он, — не должна быть защищаема казнями... ибо если кто-либо пожелает защитить её с помощью мучений и пролития крови, то он не защитит, а, напротив, запятнает ее и принесёт ей вред»³.

Таким образом, канонисты внесли в учение о наказании и провели в жизнь идеи вредные и несостоятельные, что на долгое время бросило на правосудие мрачную и отталкивающую тень, породило невероятную жестокость и погубило массу невинных людей. В то же время, придавая наказанию характер публичности, канонисты вступили в плодотворную

¹ См.: Kohlek Zur Lehze von der Blutzeche, 1885. S. 27–30.

² См.: Helzel. Die Todesstrafe in ihzes Kutturgeschthlichen En twicklung, 1870. S. 74–76.

³ Ibid. S. 71–73.

борьбу с кровной мстью и частноправовыми взглядами на преступление, характерными для общества того времени.

Суть наказания, по Корану, — только часть значительно большего интегрированного целого. Оно считается неотъемлемой частью понятия правосудия. Значение и функции наказания определяются, прежде всего, отношением к понятию преступления. Хотя наказание, по Корану, и является по своему существу возмездием, тем не менее оно предназначено для того, чтобы поддерживать в членах данного общества чувство справедливости, публично осуждая те действия, которые выходят за установленные Аллахом границы.

Итак, Законы Всевышнего, т. е. и Библия, и Коран, дают нам возможность сделать некоторые принципиальные выводы относительно значения и роли наказания в обществе в целом и в борьбе с преступными проявлениями в частности с точки зрения религии.

Во-первых, преступное поведение основывается на свободе воли человека. Господь запретил Адаму есть от «древа познания добра и зла», но не исключил вовсе такую возможность. Он предоставил Адаму самому выбирать, как ему поступать. Во-вторых, Бог видит действительный источник поступка Адама — это сатана в виде змеи, который и наказывается в первую очередь. В-третьих, наказание — это врачумление, несущее в себе доброту, сострадание и излечение, это устрашение в целях предупреждения совершения новых преступлений. Наказывая Адама путём лишения доступа к древу жизни, Господь проявляет сострадание к нему: нельзя допустить, чтобы тяжёлая участь, определённая Адаму и Еве, длилась вечно. «Сделал же сие для того, чтобы животворный дар не послужил к их бедствию, а принятие от древа жизни не принесло им большего несчастья, в сравнении с тем, какое принесено им деревом познания»¹. В-четвёртых, право наказа-

¹ Творения Святого Ефима Сирина. Ч. 6. 4-е изд. Сергиев Посад, 1901. С. 250.

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Изгнание из рая. Гравюра

ния принадлежит только Богу, ибо Он — Творец и строитель Вселенной. На протяжении всех книг Библии, от Бытия до Откровения, а также Корана неоднократно проскальзывает указание на то, что суд — это дело Божье. «Аллаху принадлежит всё в этом мире, он наказывает и прощает так, как пожелает» (Коран. Сура 3). Бог является единственным Законодателем и Судьёй над всеми. Именно на этой идее построена теория Божественного происхождения права наказания. Вместе с законами физического строения Вселенной даны Творцом и основания строя нравственного, поэтому право есть откровение воли и разума Предвечного, распределяющее и упорядочивающее нашу жизнь и деятельность. Преступник, посягая на заповеди Божьи, совершает грех, заслуживающий наказания.

Как видим, теория Божественного происхождения права наказывать ищет основы карательного права не в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого общения, в законах мироздания. Она требует разбора скорее богословского, чем юридического. Государство же имеет право наказывать только как наместник Божий. Подобно тому как Бог в своём вечном царстве судит духов и осуществляет внутреннюю справедливость, так и государство, созданное им, осуществляет правосудие. «Усмотри из всего народа людей способных, людей боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним...» (Исх. 18:21). Таким образом, правители суть представители и посланники Бога на земле. Первая их prerogativa, первый атрибут их власти должен состоять в том, **чтобы истреблять преступников, чтобы использовать наказание и пользоваться правом жизни и смерти во всей его строгости.** Понятно, что такое понимание значения наказания в борьбе с преступностью не могло не привести к его ужесточению и публичному характеру. Однако преступность росла, несмотря на то, что религия использовала наказание с максимальной жестокостью и коварством, не для «лечения больных», а для устрашения других, чтобы и они «не заболели этой болезнью», т. е. не стали бы преступниками. Нужно было время, нужны были другие идеи.

3. Классическая школа: Ч. Беккариа

Появление новых уголовно-политических учений самым тесным образом было связано с двумя великими явлениями — Гуманизмом и Реформацией. Хотя чрезвычайно трудно указать точные границы эпохи, составляющие переход от средневековых воззрений к воззрениям нового времени, но следует согласиться с мнением профессора

А.Ф. Кистяковского, который считал, что лишь с XVII века в европейских обществах мало-помалу начинают развиваться элементы нового устройства вообще и начала, положенные в основание улучшения уголовного права, в частности¹. Гуманизм расшатал устои средневековой жизни: он проложил путь для новых формаций и подготовил ряд крупных социальных реформ и научных открытий. М.П. Чубинский совершенно справедливо отмечает, что, не будь Гуманизма и Реформации, не могла бы возникнуть и та естественно-правовая доктрина, которая привела к расцвету новых уголовно-политических учений².

Политика церкви в области борьбы с преступностью посредством жестоких и несоразмерных преступлений карательных средств, основанных на теории Божественного происхождения права наказания, себя не оправдала. Преступность не уменьшилась, а росла и видоизменялась. Политики, философы и юристы стали задумываться о новых подходах к проблеме причин преступности и роли наказания в борьбе с этим явлением. Но это было непросто. Требовались громадная энергия, смелость и просвещённый ум, чтобы бросить вызов существующим представлениям о наказании и предложить новый порядок правосудия, освобождённого от пережитков Средневековья.

За 250 лет до появления на свет трактата Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», который по сегодняшний день рассматривается как идеологическое основание построения уголовной политики для всего цивилизованного мира, Томас Мор в своей работе «Утопия» (1517) провозгласил, что с преступниками следует обращаться снисходительно и человечно. Он ярко и убедительно показал неисчислимый вред, приистекающий из чрезвычайной жестокости наказаний и

¹ См.: Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 65–66.

² См.: Чубинский М.П. Указ. соч. С. 136.

произвола при их назначении, выражающегося в присуждении равных наказаний за неравные преступления и наоборот¹.

Эпоха Гуманизма и Реформации подарила человечеству выдающихся философов, политиков, юристов, которых интересовали проблемы преступности и методы борьбы с ней. Среди них были Гуго Гроций, Гоббс, Спиноза, Локк, Фихте, Гоммель, Фейербах и др. Без всякого сомнения, они внесли огромный вклад в борьбу с устаревшими и отжившими свой век методами воздействия на преступность. Но, к сожалению, никто из них не смог сделать того, что сделал Ч. Беккариа. Именно он является по праву основателем новой школы уголовной политики, которая носит название «классической». Следует, однако, заметить, что взгляды Ч. Беккариа были сформулированы не на пустом месте, а на основе идей таких выдающихся мыслителей, как Ш. Монтескье и Д. Дидро. В этом признавался и сам Беккариа, подчёркивая, что «их бессмертные произведения развили в (его) душе чувства человечности, притуплённые восемью годами фанатического воспитания». При этом следует особо выделить Монтескье, которого Беккариа не без основания назвал «бессмертным президентом Монтескье».

Изучая книгу «О преступлениях и наказаниях», нетрудно понять, что она основана на идеях Монтескье, изложенных в его работе «Дух законов» (1748). В частности, утверждается, что всякое наказание, которое не вызывается необходимостью, — тирания. Наказание не должно быть произвольным: оно должно соответствовать природе совершенного преступления, причём не следует смешивать божественные законы и законы человеческие. Не отрицая смертную казнь, Монтескье основательно доказывает, что жестокость наказаний огрубляет и ожесточает народные нравы. Впервые он вообще предостерегает против назначения одинаковых наказаний за различные

¹ См.: Мор Т. Утопия. М.; Л., 1953. С. 68.

по тяжести преступления, считая это большим злом. Предписание о том, что «доброму законодателю» следует обращать внимание не столько на наказание за преступления, сколько на предупреждение их¹, принадлежит не К. Марксу, как нас учили, а именно Ш. Монтескье.

Таким образом, как правильно отмечает М.П. Чубинский, «Монтескье имеет как уголовный политик необъемлемые заслуги: во-первых, он систематизировал ранее разрозненный материал и объединил его несколькими руководящими идеями, главнейшими из которых были гуманность в деле наказания и уничтожение произвола судьи и законодателя; во-вторых, он со своей стороны внёс целый ряд новых идей по вопросам, до него не затронутым, особенно относительно репрессии политических преступлений против нравственности, варварски караемых в его время, и, в-третьих, он был более позитивистом, чем все его предшественники, в том смысле, что не только **высказывал** мысли, плодотворные для уголовной политики, но и стремился **обосновать** их»².

К этим заслугам хотелось бы добавить ещё одну: именно благодаря его идеям Ч. Беккариа подарил человечеству книгу «О преступлениях и наказаниях», которая вот уже 250 лет является моделью общей части уголовного права для всего цивилизованного мира. Что же нового предлагает Беккариа в борьбе с преступностью и каковы роль и значение наказания в этой борьбе?

Начнём с того, что за основу своего учения о праве наказания Беккариа берёт теорию общественного договора. Он пишет: «...только одна необходимость заставила людей уступить часть своей собственной свободы; отсюда очевидно, что всякий желал отдать в общее хранилище возможно

¹ См.: *Montesquieu. Esprit des Lois*, 1748. L. IV, ch. 5. P. 31, 32.

² Чубинский М.П. Указ. соч. С. 193.

меньшую долю её — ровно столько, сколько требовалось, чтобы обязать других оказывать ему защиту. Совокупность этих самых малых частиц свободы образует право наказания. Всё, что сверх этого, — злоупотребление, а не право»¹.

Касаясь вопросов о цели и организации наказания, Беккариа резко высказывается против идеи устрашения. Он глубоко убеждён, что «цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же»². Пользуясь более поздней терминологией, можно отметить, что Беккариа указывает на цели так называемого общего и специального предупреждения. Однако в жертву этим целям автор не соглашается принести права личности преступника. «Поэтому следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительными для тела преступника»³.

Одна из важнейших идей Беккариа выражена в его знаменитой формуле: «Лучше предупредить преступления, чем наказывать»⁴. Но как это сделать? Какова роль наказания в предупреждении преступности?

На эти вопросы автор отвечает следующим образом: «Хотите предупредить преступление? Сделайте так, чтобы законы были ясными, простыми, чтобы вся сила наша была сосредоточена на их защите и чтобы ни одна часть этой силы не направлялась на их уничтожение. Сделайте так, чтобы законы меньше покровительствовали сословиям, чем самим людям. Сделайте так, чтобы люди боялись их и только их.

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 90.

² Там же. С. 103.

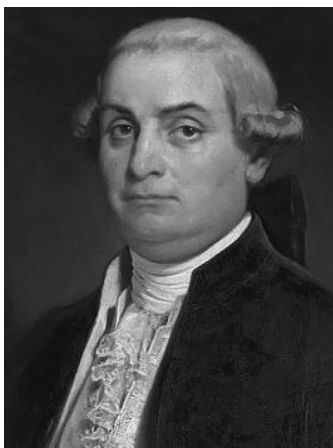
³ Там же.

⁴ Там же. С. 150.

Страх перед законами благодетелен, но страх человека перед человеком губителен и порождает преступления»¹.

Как видим, Беккариа в борьбе с преступностью наказанию отводит достаточно серьезную роль, не ущемляя, естественно, значения других профилактических мер некарательного характера. Тем не менее нетрудно заметить, что целям общего предупреждения посредством уголовного наказания он отдаёт явное предпочтение.

Чезаре Беккариа

Так, например, автор утверждает, что общая польза требует, чтобы преступления не совершались, и в особенности чтобы не совершались преступления, наиболее вредные для общества. Поэтому препятствия, сдерживающие людей от преступлений, должны быть тем сильнее, чем важнее нарушаемое благо и чем сильнее побуждение к совершению преступлений»². Таким препятствием, естественно, является наказание, которое должно усиливаться в зависимости от увеличения побуждения к преступлениям.

В то же время Беккариа требует, чтобы природа и тяжесть наказания соответствовали природе и тяжести преступления, хотя не совсем представляет себе такую возможность. Он пишет: «Если бы существовала точная и всеобщая лестница преступлений и наказаний, мы имели бы довольно верное общее мерило степени тирании и свободы человеческого и жестокости различных наций»³. Ну а раз такой

¹ Там же. С. 151.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 96.

лестницы пока не существует, единственным и истинным мерилom преступлений, по его мнению, является вред, который они приносят нации. Следует заметить, что Беккариа в своей работе, уделяя достаточное внимание проблемам наказания, не определяет своё отношение к такому важному и принципиальному вопросу, как причины преступности. Однако из его рассуждений о сущности, целях, значении и основаниях наказания можно заключить что источник любого поведения, в том числе и преступного, ученый связывает со свободой воли, нравственной свободой самого человека: он может желать добра или зла, следовательно, если он избирает зло, то является ответственным за свой выбор и должен нести за него наказание.

Иначе говоря, человеческая воля обладает способностью к самоопределению, т. е. способностью определяться к действию или бездействию, независимо ни от чего вне её лежащего, выбирать между предоставляющимися возможностями, независимо от чего-либо ей постороннего. Поэтому задача наказания заключается в том, чтобы заставить человека отказаться от того выбора поведения, которое может привести его к совершению преступления.

Вот почему Беккариа полагает, что успешная борьба с преступностью напрямую связана с правильной целесообразной организацией системы наказания.

Резюмируя богатую по содержанию книгу Беккариа, необходимо еще раз отметить, что за основу своего учения о праве он берёт теорию общественного договора; он резко высказывается против идеи устрашения; от наказания Беккариа требует возможной мягкости, затем — быстроты наказания; с быстротой наказания должна соединиться его неизбежность, ибо именно она, а не жестокость наказания, производит наибольшее впечатление и является могучей силой, обуздывающей стремление к преступлению. Его учение о предупреждении преступности вместе с учением

о равенстве наказания и о смертной казни являются центральными идеями его книги, до сих пор не потерявшими своего значения¹.

Однако, несмотря на то, что все наиболее знаменитые и просвещённые представители той эпохи встретили с энтузиазмом появление книги Беккариа (д'Аламбер, Дидро, Вольтер, Юм, Мальзерб и др.), горячие защитники квалифицированных казней и других проявлений жестокости в области уголовного наказания выступили против его идей и взглядов. Ю. Клапрот даже назвал Беккариа «неженкой», который слишком далеко заходит в «умничанье» и не настолько знаком с уголовным правом, чтобы иметь возможность основательно рассуждать о нём². Э. Ферри, считая, что автор книги «О преступлениях и наказаниях» руководствовался скорее чувством, чем строго научным стремлением, тем не менее, оценил эту работу следующим образом: «Беккариа резюмировал идеи и чувства, бывшие в ходу среди философов и в обществе его времени. Но среди различных научных направлений, которые могла вызвать его бессмертная книга, одержало верх над другими, особенно в Италии, одно, получившее столь же блестящую, как и заслуженную известность и образовавшее классическую школу уголовного права. Эта школа преследовала и преследует практическую цель — **смягчение наказаний** и в значительной мере их уничтожение, благородно реагируя, таким образом, против жестокостей Средних веков; у неё также был и сохраняется свой научный метод — априорное изучение преступления как абстрактной юридической сущности»³.

Итак, классическая школа, в отличие от философов древности и канонистов, стала более глубоко исследовать

¹ См.: Чубинский М.П. Указ. соч. С. 216.

² См.: Claproth. Vorrede. S. 4.

³ Ферри Э. Указ. соч. С. 23.

Чезаре Беккариа. 1829. Галерея Брера, Милан

роль и значение наказания как средства предупреждения преступности. Иначе говоря, представители этой школы стали заниматься изучением, описанием и обсуждением самой социальной болезни — преступности, хотя и отвлечённо, изолированно от самого больного, т. е. преступника как объекта исследования. В итоге, они пришли к выводу о том, что он стал больным только по своей доброй воле, без посторонней помощи. Как же его вылечить? Очень просто: существующим на сегодняшний день единственным лекарством — наказанием, но с другим содержанием и другими методами. Количество и качество назначенного лекарства должны соответствовать степени и характеру болезни. Но самое главное лекарство должно быть таким, чтобы другие люди осознали и поняли, что оно достаточно горькое, болезненное и мучительное.

К сожалению, рекомендации гуманистов-классиков надежд не оправдали, хотя это был большой шаг на пути к отысканию действенных средств борьбы с преступностью посредством наказания. Прошло достаточно времени, и на первый план вышла антропологическая школа, которая в очень смелой форме объявила о новом подходе к борьбе с преступностью, а значит, по-новому определила роль и значение наказания в этой борьбе.

4. Антропологическая школа:

Ч. Ломброзо

До появления следующего важнейшего уголовно-политического учения, оставившего исторический след в исследовании причин преступного поведения и мер борьбы с этим явлением, оставалось ещё более ста лет. За этот период многие выдающиеся мыслители поддерживали гуманистические идеи Монтескье и Беккариа на роль уголовного наказания в борьбе с преступностью. К ним можно отнести юристов Гоммеля, Сервана, Зонненфельда, философов Марата и Вольтера и многих других. Однако хотелось бы остановиться на противоположных, точнее, исключаящих друг друга, известных теориях — абсолютной, или, как её ещё называют, теории Канта, и относительной.

Наказание, по Канту, рассматривается как явление самоцельное. Свою цель оно носит в себе самом и потому не нуждается в оправдании какими бы то ни было целями, вне его находящимися. Наказание представляет такую же нравственную необходимость, какую представляет для человека жизнь в обществе себе подобных, обществе, которое устанавливает и налагает наказание. Человек должен быть наказан только потому, что он совершил преступление, а во все не для того, чтобы достигнуть той или другой цели. Для Канта наказание — безусловно обязательное требование,

категорический императив, диктуемый разумом. Его подход к сущности и значению наказания не связан с природой и причиной такого явления, как преступность. Его абсолютно не интересует источник, мотив, условия совершения противоправного деяния. Поэтому Кант рекомендует законодательную систему грубейшего талиона. Именно исходя из этого, его теорию именуют теорией возмездия.

Таким образом, подход Канта к проблемам наказания, сформированный в эпоху расцвета уголовно-правовых учений, по своему содержанию был шагом далеко назад, по духу же — вызовом лучшим уголовно-политическим идеям времени. Но самое интересное, что его взгляды появились в «золотой век» уголовно-политической литературы, которая автору была хорошо знакома, ибо, как известно, он полемизировал с Беккариа¹.

Говоря о теории возмездия, невозможно не упомянуть о взглядах Гегеля на наказание. В правовой области Гегель применил сформулированный им общий закон, суть которого заключается в следующем. Идея развивается в стройном диалектическом порядке и проходит три основных неизбежных момента: сначала, направляясь на какой-либо конкретный пункт, она определяет сама себя и получает ограничивающее её определённое содержание (тезис); затем по естественному порядку идея переходит к отрицанию поставленной определённости (антитезис), но, не имея возможности остановиться на этом отрицании, объединяет и примиряет оба предыдущих момента в новом третьем (синтезис). Исходя из этой общей идеи, тезисом у Гегеля является **право**. Как антитезис рассматривается **преступление**, являющееся посягательством на всеобщую волю и отрицанием права в его существе. Проявившееся в преступлении отрицание всеобщей воли должно, в свою очередь,

¹ См.: Чубинский М.П. Указ. соч. С. 291.

подвергнуться отрицанию, что и делается путём применяемого общественной властью **наказания**. По Гегелю, наказание есть **возмездие**, являющееся неизбежным по диалектическому закону; отсюда и теория Гегеля получила у юристов название теории «диалектического возмездия». К каким выводам приходят юристы?

Во-первых. Преступник у Гегеля наказывается не для каких-либо полезных для него и общества целей, а единственно для торжества абсолютной идеи. Во-вторых, право государства наказывать выводится из логической справедливости и неизбежности наказания. В-третьих, равенство преступления с наказанием должно быть не внешним (как у Канта — грубый талион), а внутренним.

Следует также подчеркнуть, что ещё до Канта и Гегеля с «симпатией» к идее воздающей справедливости и даже талиона относился Гуго Гроций — основоположник так называемой школы естественного права.

Представители относительной теории в наказании видят только полезность и усматривают оправдание и цель наказания не в нём самом как явлении самоцельном и самооправдывающемся, а в тех результатах, которые им должны достигаться: устрашение, исправление, психологическое принуждение и т. д. В связи с этим хотелось бы уделить внимание так называемой теории «психологического принуждения», основателем которой считается Фейербах. В немецкой литературе его даже иногда охотно возводят в отцы германской науки уголовного права. Основная мысль автора заключается в том, что преступный субъект карается отнюдь не в интересах будущего и что основы всех преступлений коренятся в **чувственных побуждениях** человека. Отсюда истинный и единственный смысл наказания им отнесён к тому психологическому принуждению, которое оказывает на граждан угроза уголовного наказания, являющаяся противовесом по отношению ко всевозможным влечениям к преступлению:

раз верх взяло влечение, должно наступать наказание, ибо иначе угроза окажется мнимой и призрачной¹.

Как видим, принцип «психологического принуждения» очень близко соприкасается с теорией «общего предупреждения». Однако такая близость позиций носит чисто поверхностный характер, ибо принципиальное отличие их заключается в том, что теория Фейербаха причины преступности видит в чувственных побуждениях человека, а теория «общего предупреждения» — в свободе воли человеческих действий. Отсюда и разный подход к значению и роли наказания в борьбе с преступностью. Поэтому для сторонников «психологического принуждения» чем суровее уголовное наказание, тем оно действеннее. А это, в свою очередь, может привести к непрерывно возрастающей строгости наказания, отвлекая законодателя от социальных реформ и наводя его на мысль об ужесточении наказаний и увеличении страданий. Что касается теории «общего предупреждения», то она рассматривает угрозу уголовного наказания действенной только в том случае, если эта угроза является средством предупреждения преступности, а не принуждения. Поэтому наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступного деяния. Теория «психологического принуждения» чревата ещё одним плачевным последствием: там, где воздействие оказывается бессильным, требуется полное устранение преступника из общества в форме пожизненного заключения, ссылки или казни, т. е. никакой цели исправления быть не может.

Таким образом, почти все авторы, занимающиеся проблемами преступности, признавали закономерность человеческих действий и, исходя из этого принципиального положения, предлагали соответствующие преобразования уголовного наказания в борьбе с этим явлением. Между тем проблема заключалась в том, что эти гениальные идеи и предложения

¹ См.: Там же. С. 318–319.

носили больше конституционный, а порой и декларативный, характер и никакими фактическими материалами не подкреплялись. Без всякого сомнения, гуманистические идеи оказали серьёзное влияние не только на общественное мнение, но и на институт законодательства и уголовного правосудия. Тем не менее преступность сохранялась и даже увеличивалась. Вопрос о причинах преступности интересовал не только юридическую, политическую, философскую общественность, но и представителей других наук, которые весьма активно и с азартом включились в исследование этой проблемы. Самое удивительное, что законосообразность человеческих действий, о которой говорили многие века блестящие умы человечества, оказалась возможной лишь тогда, когда появился точный и беспристрастный цифровой материал, т. е. научно поставленная уголовная статистика, начало которой связывают с французами Терри и Кетле (1826).

Первый вывод, который сделал Кетле: преступления будут постоянными и неизменными до тех пор, пока не исследуют их причины и не воздействуют на эти причины для их изменения. Хотя это знали до него многие из тех, кто серьёзно занимался этой проблемой. Новым и важным было то, что на основе анализа статистических данных о состоянии преступности Кетле попытался нанести **мощный удар по вере в возможность путём уголовного наказания бороться с преступностью**.

В частности, он утверждал, что уголовные наказания, не затрагивая социальных факторов преступности, не могут останавливать её рост. С этим следует безоговорочно согласиться, хотя мы знаем, что наказание прямого эффективного воздействия на социальные факторы оказать не в состоянии. В то же время, оценивая значение таких факторов преступности, как пол, возраст, климат, экономические условия, социальное положение и т. д., автор попытался исследовать и **биологические факты** преступности.

Кетле был настолько увлечён своими статистическими данными, что начал доказывать, кто из людей имеет известную склонность к преступлению. Тем не менее заслуга Кетле заключается в том, что до него причины преступности указывались предположительно, теоретически, теперь же стало возможно с помощью цифр более-менее точно указать на причины преступления, что обещало успех в случае следования по указанному наукой пути.

Другая, не менее важная заслуга принадлежит Терри, который на основе статистических данных изучал мотивы преступлений, хотя этими данными криминалисты почти не пользовались, в то время как именно в них можно было почерпнуть много полезного для правильного применения уголовного наказания.

Как видим, основная задача статистиков заключалась в том, чтобы с помощью цифровых показателей помочь в определении причин преступности и источников конкретного преступного поведения. В то же время надо иметь в виду, что статистика ещё не говорит о всей совокупности условий и индивидуальных факторов, которые в результате определяют преступление. В связи с этим Б.М. Бехтерев справедливо писал: «Статистика вообще оперирует большими числами, а потому о частных условиях, ближе определяющих характер преступления, она не даёт нам точных указаний. Только вся совокупность факторов, воздействующих на данную личность, и в том числе не только общие, но и более частные, ближайшие, определяют преступление и его характер»¹. Тем не менее нам, юристам, надо быть признательными основателям уголовной статистики, а также тем, кто продолжал и продолжает дело Кетле и Терри. Сегодня мы

¹ Бехтерев Б.М. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности // Дриль Д.А. Преступность и преступники. С. 708.

не можем себе представить правильную организацию борьбы с преступностью без уголовной статистики. Но, к сожалению, и статистика не смогла помочь в поиске ответов на вопросы: в чём же причина преступного поведения человека; какова роль уголовного наказания в борьбе с этим явлением?

Материал для дальнейшего развития учения о причинах преступности и мерах борьбы с этой болезнью начинает вырабатываться вне юридической и философской сфер. Развитие психиатрических учений оказывает сильнейшее влияние на исследование вопроса о человеческой преступности, а значит, и для уяснения значения наказания в борьбе с преступностью. В 70-х годах XIX столетия в Италии возникла уголовно-антропологическая школа во главе с Чезаре Ломброзо, туринским профессором судебной медицины, выпустившим в свет работу «О преступном человеке». К инициативе медика присоединились юристы Э. Ферри и Р. Гарофало.

М.П. Чубинский отмечал, что с появлением новаторов, т. е. новой школы, воздающая справедливость, категорический императив, возмездие вообще и возмездие диалектическое и все метафизические попытки, ведущие к преклонению перед наказанием и к предназначению последнего служить делу торжества абсолютных идей, были выброшены за борт и установился взгляд на наказание как на орудие в руках общества для борьбы с преступностью. Наказание должно быть организовано так, чтобы его тёмные и невыгодные стороны, по возможности, уменьшились и был достигнут тот максимум общественной пользы, который достигим без попраiania индивидуальных прав хотя и преступной, но всё же человеческой личности¹.

Представители антропологической школы твёрдо заявили, что репрессия необходима, но она служит делу борьбы

¹ См.: Чубинский М.П. Указ. соч. С. 392.

Чезаре Ломброзо

с преступностью лишь на поверхности последней; корни и источники преступности во многих отношениях остаются вне её воздействия, а на них-то и нужно обратить внимание. Такой взгляд на наказание и его значение в борьбе с преступностью основывается на идее Ч. Ломброзо о прирождённом преступнике. Коренная особенность этой школы заключается в её отношении к преступнику. Она видит в преступнике особую разновидность рода человеческого, особое ненормальное существо,

наделённое специфическими аномалиями — физическими и психологическими. Первоначально Ломброзо выделил один из типов прирождённого преступника, позднее этот единый тип раскололся на несколько частных — тип прирождённого убийцы, насильника и вора. Самая негативная сторона его теории, на что неоднократно обращали внимание многие теоретики, — утверждение о том, что всякое преступление представляет собой поворот к привычкам примитивного человека, что каждый преступник отличается телесными и душевными признаками дикаря, в особенности монгола. В связи с этим хотелось бы напомнить слова известного чувашского просветителя И.Я. Яковлева: «У всякого народа есть своя культура. Приняв эту истину, мы должны сказать, что нет на земле дикарей, т. е. совершенно некультурных народов. Термин “дикарь” был пушен в ход высокомерными испанцами при завоевании Америки, чтобы оправдать свои зверства»¹.

¹ Яковлев И.Я. В воспоминаниях современников. Чебоксары, 1968. С. 99.

Обобщения, сделанные Ломброзо, являются малообоснованными, и его основное положение, будто 40% преступного люда суть преступники прирождённые, не является доказанным, ибо научное утверждение невозможно только на основании соединения в одно органическое целое рассеянных и отрывочных наблюдений над преступниками. Что же предлагает Ломброзо взамен, отказываясь от наказания в борьбе с преступностью? Решение очень простое. Везде, где речь идёт о преступнике как особом типе, существует, с его точки зрения, один рациональный выход — уничтожение без всякой жалости этого прирождённого преступника. В лучшем случае для него требуется полное удаление из общества и содержание в условиях заключения.

В любой идее, даже если она и не получила всеобщего признания, есть какое-то рациональное зерно. Это относится и к сочинению Ломброзо. Его заслуга состоит в том, он бесповоротно и окончательно перенёс вопрос о человеческой преступности из области умозрительных построений в область положительной науки, наблюдения и опыта, связал его с другими областями естествознания и применил к его изучению точные научные методы. Л. Берлину принадлежат прекрасные слова: «Невольно приходит на ум сравнение великого Беккариа и Ломброзо: и тот, и другой воздвигли себе памятник нерукотворный не только словом своим за униженных и оскорблённых, не только улучшением преступного человека, но тем оздоравливающим влиянием, какое они имели и имеют на нормального человека»¹. Заслуга Ломброзо заключается также в том, что благодаря именно уголовно-антропологической школе была создана уголовно-социологическая школа Э. Ферри, которая явилась большим шагом вперёд в исследовании причин преступности, а значит, и роли уголовного наказания в борьбе с преступностью.

¹ Предисловие к кн.: *Ломброзо Ч. Преступление*. Новейшие успехи науки. О преступнике. Анархисты. М., 2004. С. 148.

Из русских авторов, развивавших учение Ломброзо, следует отметить Д.А. Дриля, который пришёл к выводу, что в характере или, пожалуй, объёме подчинённости между действиями человека и физическими явлениями не существует различия и что объективно человек представляется несвободным и в своей деятельности всегда определяется предшествующими, по общему для всей Вселенной закону причинности. Причины конкретного преступного поведения человека он объяснял следующим образом: «И действительно, опыт учит, что в приблизительно одинаковых условиях один из двух людей впадает в преступление, тогда как другой уклоняется от него ценой здоровья и даже жизни. От чего же, спрашивается, зависит такое различие? От того, что в характере первого, а следовательно, и в лежащей в основе его психофизической организации в данное время есть такие особенности, которые и предрасполагают его к преступлению, тогда как в характере второго, напротив, есть такие, которые воздерживают от него»¹.

Таким образом, Дриль в русле антропологической школы видит в преступлении результат взаимодействия особенностей психофизической организации преступника и внешних воздействий. При этом преступника он рассматривает как несчастную, порочную, неуравновешенную и недостаточную организацию, которая вследствие этого мало приспособлена к борьбе за существование в легальных формах. Такая позиция приводит Дриля, само собой разумеется, к выводу о том, что основанием наказания и его первенствующей целью является необходимость ограждения общества от зла преступления. Фактически это отрицание наказания как действенного средства борьбы с преступностью, ибо оно не в состоянии устранить не только ближайшие, но и отдалённые, глубокие причины этого явления. Будут суще-

¹ Дриль Д.А. Преступность и преступники. С. 59.

ствовать и останутся неустрашёнными причины — будут существовать всегда и везде и их необходимые следствия. Поэтому Дриль предлагает целую систему целесообразных мер успешной борьбы с преступностью. Он считает, что, прежде всего, это должны быть широкие меры предупреждения, меры общественной гигиены, направленные на удаление из жизни общества и отдельных лиц, его составляющих, тех болезнетворных факторов, кото-

Дмитрий Анатольевич Дриль

рые порождают расстройства и извращения самочувствий, происходящие от вольных или невольных нарушений законов жизни, законов биологических. Иначе говоря, целесообразные меры борьбы с преступностью должны быть мерами общественного оздоровления¹. В принципе, такой взгляд на роль и значение наказания в борьбе с преступностью совпадает с позицией уголовно-антропологической школы, ибо в своей основе они имеют единый взгляд на причины преступного поведения человека.

Итак, Ломброзо доказывал, что источник болезни человека следует искать не в совершённом преступном деянии, не в его свободном выборе поведения, как это ошибочно утверждали классики, а в его *антропологии*. Поэтому надо тщательно исследовать самого больного, посмотреть, болел ли кто-либо когда-нибудь из его предков какой-либо болезнью, каково патологическое состояние больного и т. д. В результате Ломброзо сделал вывод: преступная болезнь

¹ Там же. С. 588.

носит прирождённый характер. Поэтому применяемое до сих пор лекарство — лечение в форме наказания — неприемлемо, оно бесполезно, ибо это средство не в состоянии оказывать какое-либо действие на причины болезни. Единственное средство лечения от этой болезни, т. е. преступления, это устранение, ликвидация, изоляция самого больного преступника.

Таким образом, антропологическая школа во главе с Ч. Ломброзо на основе статистики преступности впервые попыталась доказать бесполезность и вредность уголовного наказания в борьбе с преступностью.

Такая малоубедительная позиция Ломброзо послужила основанием для Э. Ферри выступить со своими соображениями по этой проблеме и создать школу уголовной социологии.

5. Уголовная социология: Э. Ферри

После того, как теория о прирождённом преступнике не получила одобрения в обществе, в особенности среди работников, осуществляющих правосудие, Э. Ферри в 1882 г. объявляет о создании новой школы, которую он назвал уголовной социологией и в которую ввёл экспериментальные данные антропологии, физиопсихологии, психопатологии и уголовной статистики, а также указываемые наукой средства борьбы (путём предупреждения и репрессии) с преступностью. Цель новой школы, как объясняет сам Э. Ферри, «изучить естественный генезис преступления как в самом преступнике, так и в той среде, в которой он живёт, для того, чтобы разные причины лечить разными средствами»¹. В итоге он приходит к следующему выводу: «Когда мы говорим о преступном типе и о прирождённом

¹ Ферри Э. Уголовная социология. С. 22.

преступнике, мы под этим разумеем физиопсихическое предрасположение к преступлению, которое у некоторых индивидов может и не приводить к преступным действиям (подобно тому, как предрасположение к душевным заболеваниям может и не привести к сумасшествию), если оно сдерживается благоприятными условиями среды, но которые, как скоро эти условия становятся неблагоприятными, служат единственным позитивным объяснением антигуманной и антисоциальной деятельности преступника»¹.

Таким образом, Э. Ферри указывает, что преступление, какое бы оно ни было по форме и к какой бы категории ни относилось, имеет сложное происхождение и природу — как биологическую, так и физическую и социальную. Поэтому деяния человека могут быть ему вменены, и, следовательно, он является ответственным за них, потому что живёт в обществе. Какие же формы борьбы с преступностью предлагает Ферри, исходя из предложенного им взгляда на причины преступного поведения человека? Какова роль наказания в этой борьбе?

Следует сразу отметить, что чёткой, ясной и определённой позиции по этим вопросам у Ферри и его сторонников, в отличие от классиков, мы не увидели. Наоборот, представители этой школы даже иногда впадают в противоречия. Так, например, Э. Ферри оспаривает общераспространённое мнение криминалистов-классиков о том, что система наказаний является лучшим и полезнейшим средством борьбы с преступностью. Он пишет: «Наказания далеко не являются той удобной панацеей, какой они представляются криминалистам-классикам, законодателям и обществу: их влияние в борьбе с преступностью очень ограничено»². Этот пункт — отрицание действенности

¹ Там же. С. 114.

² Там же. С. 271.

наказаний — играет важную роль в учениях антропологической школы. Ферри даже вносит в число основных положений этой школы следующее: «В самом деле, как говорит Эллеро, “роль наказания чисто отрицательная, и оно стоит на последнем месте”. Оно не уничтожает причин преступления, действующих в индивиде и среде; самое большее, что оно сможет сделать, если удастся, — остановить на время поток преступных импульсов меньшей силы, поток, однако, всегда готовый выступить из берегов»¹.

Внимательное знакомство с работой Ферри позволяет не раз заметить, как в вопросе о роли и значении наказания в борьбе с преступностью он впадает в противоречие. На некоторых страницах Ферри говорит так резко о бесполезности наказания, что остаётся только удивляться, как это он не объявит себя решительным врагом наказания, которое прямо не имеет никакого влияния на преступность. В то же время в других местах книги, в частности в последней главе, наказание играет важную роль и к тому же носит очень суровый характер. Так, например, автор пишет: «Наказание само по себе — совершенно естественное явление, и, следовательно, нелепо утверждать, что оно совершенно бесполезно и бессильно и предлагать отменить его»². В другом месте Ферри одобряет тенденцию классической школы смягчать порядок отбывания наказания, в то же время считая совершенно ошибочным и опасным постоянное и чрезмерное смягчение наказаний, выражающееся даже в уменьшении их сроков³.

Недоверие к наказанию в борьбе с преступностью приводит к тому, что Ферри стремится найти другие средства защиты с помощью наблюдений над реальными явлениями и их происхождением. И он их находит. Это — эквиваленты наказания,

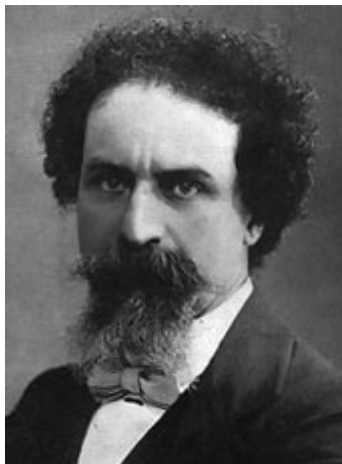
¹ Там же. С. 302.

² Там же. С. 266

³ См.: Там же. С. 270.

т. е. средства, заменяющие наказание, которые станут противоядием главным образом против социальных факторов преступности, как скоро они проникнут благодаря уголовной социологии в сознание и привычку законодателей. Вот как объясняет их значение сам автор: «Предложить эти эквиваленты наказания — в сущности, значит, сказать следующее: необходимо в законодательных актах (политических, экономических, гражданских, административных и уголовных), начиная с самых

Энрико Ферри

важных для общества установлений и кончая малейшими деталями, направлять развитие социального организма с таким расчётом, чтобы деятельность людей не находилась постоянно под бесполезной угрозой репрессии, а направлялась постоянно косвенным образом на преступный путь, чтобы способности и потребности людей получали свободное удовлетворение; естественные наклонности должны сдерживаться, по возможности, меньше, а соблазн совершить преступление должен быть доведён до минимума»¹. В принципе, система эквивалентов наказания является не чем иным, как обыкновенным предупреждением преступлений, или, как бы мы сейчас сказали, устранением условий и обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Поэтому эквиваленты наказания, как признаётся сам Э. Ферри, вовсе не предназначены сделать невозможным какое бы то ни было преступление. Их цель — ослабить причины преступлений и таким образом в большей или меньшей степени довести их состояние до желаемого минимума.

¹ Там же. С. 274.

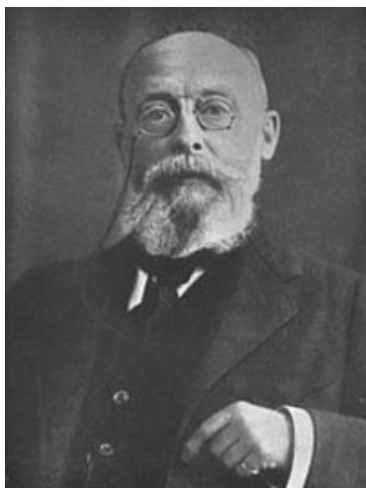
Итак, как ни старались Э. Ферри и его сторонники, убедить нас в бесполезности наказания в борьбе с преступностью и в возможности его замены некарательными мерами, ничего не получилось. Скорее всего, наоборот, Ферри, так же как и Ломброзо, запутался в противоречиях и понял, что человечество пока ещё лучшего средства, чем наказание, в борьбе с преступностью не придумало, не изобрело.

Одним из тех, кто уделял достаточное внимание проблеме наказания в борьбе с преступностью, был также Франц фон Лист, который очень ценил Ломброзо за создание антропологического направления в изучении преступности. Однако он был убеждён в том, что не существует «прирождённого преступника», хотя и допускал, что многие преступники обнаруживают черты телесного и душевного вырождения (дегенерации), которые покоятся в большинстве случаев на наследственной порочности, но могут быть и приобретёнными, вызванными плохим питанием, распутной жизнью и болезнями¹. Лист считал, что наряду с биологическим исследованием должно проводиться и социологическое исследование преступника. Под ним он понимает научное исследование преступления как своеобразного общественного явления и основанное на нём изложение социальных условий преступления. В принципе, Лист не отрицает той роли, которую наказание, благодаря своим внутренним качествам, играло в течение веков. Однако для него наказание имеет значение только как одно из карательных средств, которыми располагает государство. При этом он полагает, что наказание имеет смысл только тогда, когда центр тяжести переносится на исследование социальных условий преступности. Иными словами, если преступление есть плод учинённых родителями грехов, конечный результат распространённого

¹ См.: Лист Ф.Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-политическое явление. М., 2004. С. 17.

ими вырождения, то наказание бесполезно. Поэтому наказание в состоянии устранить только влечения к преступлению, вытекающие из общественных отношений, или попытаться снизить их интенсивность. Лист считает также, что угрозой наказания и самим исполнением его можно создать мотивы, которые будут в силах поддерживать равновесие общественных отношений¹.

Франц фон Лист

Таким образом, Лист признаёт, что **наказание — средство борьбы с преступностью, хотя и не единственное, и даже не самое совершенное**. А более совершенным для борьбы с преступлением он считает его **предупреждение**.

Ярким представителем уголовной социологии, отличающимся оригинальными взглядами как на причины преступности, так и на значение и функции наказания в борьбе с этим явлением, был выдающийся русский юрист С.К. Гогель. Он был одним из тех юристов, которые отрицали целесообразность наказания, ставя знак равенства между наказанием и репрессией. Гогель доказывает, что наказание-возмездие, как репрессия, преследующее цель устрашения, стало уже невозможным, так как оно уже не соответствует взглядам и нравам общества вследствие происшедшего смягчения этих нравов. Напомним, что эта идея принадлежит Ч. Беккариа и Ш. Монтескье. «Суровость наказаний должна соответствовать состоянию самой нации»², — писал Ч. Беккариа.

¹ См.: Там же. С. 19.

² Беккариа Ч. Указ. соч. С. 156.

По мнению Гогеля, если раньше наказание преследовало цель устрашения и смотрело на преступника как на парию, на отброс, который надо было выкинуть из нормального общества, то теперь всё это оставлено, всё это неосуществимо. Теперь выбрасывать нельзя и некуда. Теперь задача другая, и исправление составляет только один из элементов этой задачи. Теперь надо обеззараживать и возвращать назад, в ряды нормального общества¹.

Наказание с этой задачей, по его мнению, справиться не в состоянии. Поэтому он предлагает переход, и притом полный, от репрессии (т. е. наказания) к превенции. Гогель пишет: «Но если науке не следует заниматься предсказаниями, то её обязанность — отметить и выставить в надлежащем свете всё значение переживаемого нами вымирания репрессии и последовательной, медленной, недостаточно поддерживаемой и законодателем, и наукой замены мер репрессии мерами, которые принимает общество, в руках которого мало-помалу и сосредоточивается вся борьба с преступностью»². Такой переход от репрессии к превенции есть, в сущности, только дальнейшая эволюция, дальнейшее продолжение того ряда последовательных перемен в деле борьбы с преступностью, который наблюдался на протяжении всей истории. Весьма интересно то, что и сам Гогель признаёт крайнюю опасность этого медленного перехода на фоне чрезвычайного роста преступности. Одним словом, автор предлагает «выбросить наказание в мусорный ящик» ввиду его бесполезности и бессмысленности.

Превентивующее значение мер предупреждения в борьбе с преступностью на новых началах Гогель выводит, как и следовало ожидать, непосредственно и логически из учения

¹ См.: Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М., 2010. С. 131.

² Там же. С. 138.

о причинах преступности. «Раз преступление — не произведение злой воли, случайной силы, являющейся как *dues ex machine*, раз это явление социальное, то от него отнимается, так сказать, катастрофический характер: оно подготавливается постепенно, и следовательно, и бороться с ним лучше всего, своевременно предотвращая его наступление», — пишет С.К. Гогель¹. В то же время автор считает, что совершение конкретных преступлений — результат медленного и последовательного процесса экономического, физического и нравственного ослабления. Таким образом, Гогель, в принципе, не сводит преступность только к влиянию социальных факторов.

Другим, не менее известным представителем социологического направления в уголовном праве был Густав Ашаффенберг, который выступил против Э. Ферри. Не соглашаясь с идеей Ферри относительно «мер, заменяющих наказание», он полагал, что они должны не заменять наказания, а **предупреждать** необходимость их применения. Эти средства предупреждения, по мнению Г. Ашаффенберга, совпадают с задачами социальной гигиены. Поэтому вопросы уголовной профилактики лучше всего разрешаются в связи с основными задачами социальной гигиены². Писатель даже считал вредным применение наказания в борьбе с преступностью. Ссылаясь на свою статистику, он утверждал, что современная система наказания не только не оказывает никакого благотворного влияния, но часто причиняет вред. «Самые драконовские законы — казни огнём и мечом, колесование и виселицы — не уничтожили преступления. Там, где устрашение не оказывает своего действия, должны быть приняты другие меры»³. С точки зрения Г. Ашаффенберга, более возвышенный характер имеет стремление сделать преступника

¹ Там же. С. 333.

² См.: Ашаффенберг Г. Преступление и борьба с ним. М., 2010. С. 181.

³ Там же. С. 207.

Густав Ашафенберг

безопасным посредством его исправления, внедрения в него таких мотивов, которых ему недостаёт и которые могли бы уравновесить недостатки его воспитания и способностей.

Своеобразную и весьма интересную точку зрения на наказание как средство борьбы с преступностью имел другой представитель социологического направления в науке уголовного права — М.П. Чубинский, который всю карательную систему связывал с тремя основными моментами: деятель, деяние, мотив. Первый момент — это сам преступник, или, точнее, те данные о преступнике, которые позволяют отнести его к той или иной классификационной группе; второй момент — преступное деяние¹. Что касается третьего момента, то нам известно, что господствующая доктрина придаёт мотиву значение лишь при определении меры наказания. М.П. Чубинский же полагает, что от такого взгляда следует отказаться, ибо от мотива зависит не только мера наказания, но и род наказания. Исходя из этого, т. е. учитывая мотив, он главной целью наказания считает **обеспечительную** цель по отношению к преступникам, которых нет нужды исправлять ввиду положительного с этической точки зрения мотива; по отношению же ко всем остальным необходимо преследовать цель **исправления**.

Не отрицая серьёзную роль природных предрасположений в совершении преступлений, М.П. Чубинский всё же не считает антропологические факторы преступности роковы-

¹ См.: Чубинский М.П. Указ. соч. С. 395.

ми или преобладающими, хотя и не сводит преступность исключительно к влиянию факторов социальных. Что же предлагает автор для предупреждения преступлений? «Борьба должна вестись путём применения мер социального характера. Среди них на первом плане должна быть указана, возможно, лучшая постановка образования и воспитания», — подчёркивает М.П. Чубинский¹. При этом он убеждён, что таким путём одновременно могут быть ослаблены как дурные социальные влияния, так и особенно интересующие нас в данный момент дурные природные предрасположения.

Другой русский учёный-юрист И.Я. Фойницкий всё разнообразие причин или условий преступной деятельности сводил к трём родовым группам: а) условия космические; б) условия общественные; в) условия индивидуальные². С учётом этого он и определял значение наказания в борьбе с преступностью. Автор считал, что если бы преступления определялись исключительно условиями космическими и общественными, то для борьбы с ними наказанию вовсе не было бы места, в нём не было бы никакой надобности. Наказание необходимо для борьбы с условиями личными, индивидуальными, лежащими в особом складе волевой деятельности, которые совместно с условиями космическими и общественными привели к совершению преступления. По мнению Фойницкого, именно эти «личные условия преступлений, рассматриваемые в их совокупности, образуют известное состояние личности. Его мы называем состоянием преступности, которое и есть предмет наказания. Наказывать — значит бороться с состоянием преступности»³. Однако, если исходить из того, что автор под космическими условиями понимает почву, климат, расу, предмет питания,

¹ Там же. С. 415.

² См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 40–41.

³ Там же. С. 42.

пол, возраст, которые, по его мнению, играют в высшей степени значительную роль в преступной деятельности человека, то в применении наказания необходимости нет и быть не может, ибо оно не в состоянии оказывать какое-либо воздействие на эти условия. Это, в принципе, и есть отрицание наказания как средства борьбы с преступностью. Иначе говоря, мы не можем «состояние преступности», которое называется Фойницким предметом наказания, отделить от всей совокупности космических, общественных, индивидуальных условий, чтобы на него воздействовать наказанием.

Одним из жёстких и непримиримых противников наказания в борьбе с преступностью был также Б.М. Бехтерев, который утверждал, что не в наказании надо искать нравственное оздоровление общества, а в социально-экономической гигиене и улучшении тех внешних условий, в которых оказывается значительная часть населения. По его мнению, места заключения способны лишь угнетать и совращать, а не перевоспитывать лиц, впавших в преступление. Почему же у Б.М. Бехтерева такое отрицательное отношение к полезности наказания? Это связано, разумеется, с его позицией относительно корней преступности: «Итак, объективная психология, которую правильнее было бы назвать психорефлексологией, говорит нам: само общество создаёт в своей среде преступников и потому нельзя сваливать вину за преступление на само лицо, его совершившее, так как виной тому служат условия, которые привели его на путь преступления... Одним словом, преступник есть жертва этих условий, не более»¹. Отсюда, соответственно, делается логический вывод: объектом борьбы, имеющей целью уменьшение преступности населения, является не сам преступник, а условия, которые ему создают. В них учёный видит корень зла, а не в личности. Само собой разумеется, что наказание не в состоя-

¹ Бехтерев Б.М. Указ. соч. С. 725.

нии оказывать воздействие на этот объект. Поэтому следует искать другие меры. И Бехтерев их нашёл. Это — борьба с ненормальными условиями общественной, общественно-правовой и экономической жизни страны, с недостатками воспитания, с условиями, приводящими к пауперизму, вырождению и т. п. В связи с этим хотелось бы спросить: что же делать с лицами, совершившими преступление, т. е. с преступниками? Б.М. Бехтерев отвечает: если преступление совершено в прямой зависимости от хронического алкоголизма или дегенерации, то преступника должно направлять не в места заключения, хотя бы и колониально-воспитательного типа, а в больницы, как и всех преступников-дегенератов и душевнобольных. Другие преступники должны подвергаться временному изолированию, и в одних случаях подлежат воспитанию, в других — лечению, но никак не наказанию, которое подсказывается лишь дурными инстинктами человеческой природы¹. Ну, а как быть, если преступника не от чего лечить, т. е. он вполне здоров и нет предмета для воспитания? Тогда, считает Бехтерев, преступника следует изолировать, но ни в коем случае не наказывать, ибо на это государство не имеет нравственного права.

Во взглядах автора на причины преступности и источники преступного поведения человека, действительно, есть очень много интересного и правильного, в частности, когда речь идёт о социальных корнях этого явления. Однако его отношение к роли и значению наказания в борьбе с преступностью не выдерживает никакой критики.

Как видим, социологическая школа во главе с Э. Ферри пыталась доказать, что преступность как болезнь общества имеет корни как биологического, так и социального характера. Поэтому лечить надо как болезнь в целом, т. е. само общество, так и больного. Иначе говоря, следует

¹ См.: Там же. С. 730.

заниматься исследованием не только преступного поведения человека, в смысле его волевого поведения, но и самого преступника, с точки зрения существа биологического, физиологического, психологического и т. д. Исходя из этой позиции, Ферри считал, что применяемое на практике средство лечения преступной болезни посредством наказания не в состоянии справиться с этой задачей. Необходимо дать ему (наказанию) помощников, или, как он их именует, эквивалентов наказания, которые должны будут воздействовать на устранение социальных корней преступности, с излечением которых устранимы и биологические источники этой болезни.

Учению о наказании большое внимание уделяли русские дореволюционные учёные. Среди них особо следует выделить таких выдающихся юристов, как Н.Д. Сергиевский, А.А. Жижиленко, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, А.Ф. Кистяковский, И.Я. Фойницкий, С.П. Мокринский и др.¹

6. Социалистическая советская школа

Советская наука уголовного права с момента своего возникновения решительно отвергла представление о наказании как возмездии. Она руководствовалась философией марксизма: «Теория, рассматривающая наказание как результат собственной воли преступника, является лишь спекулятивным выражением древнего “jus talionis”

¹ См.: *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. СПб., 1890. С. 99; *Жижиленко А.А.* Наказание. Пг., 1914; *Познышев С.В.* Учебник уголовного права. Общая часть, М., 1923; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 2. М., 1994; *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. Тула, 2000; *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889; *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предложения: В 3 ч. М., 1902.

(права тождественного возмездия) — око за око, зуб за зуб, кровь за кровь»¹.

Один из видных руководителей Октябрьской революции П.И. Стучка писал: «Никакой божьей кары, никакой личной или классовой мести, на которой основывалась в прежнее время эта отрасль права, наше мировоззрение не признаёт»². Таким образом, усматривается, что теоретически наказание после Октябрьской революции отождествлялось с возмездием и потому отвергалось, по существу, по идеологическим и философским соображениям. Исходя из этого, уже в Руководящих началах 1919 г. использование термина «наказание» носило половинчатый характер. Однако была и другая причина, связанная с понятием корней преступности и источников преступного поведения человека. Большевики, по словам М.В. Козловского, считали аксиомой положение, что преступник — продукт социальной среды и что все его действия, все побуждения от него и от нашей «воли» не зависят³. Это означало отрицание исправительно-воспитательной цели и цели возмездия наказания одновременно.

Поэтому необходимость в наказании сама собой отпала. В то же время революция нуждалась в защите от врагов, как внутренних, так и внешних. Нужны были мощные средства обороны от преступных посягательств. Поэтому Руководящие начала рассматривали наказание как оборонительную меру. Даже в ряде наиболее важных их статей авторы стремились понятие «наказание» заменить понятием «репрессия». Понятно, что это стремление было обусловлено попыткой строить новое уголовное законодательство на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 531.

² Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Изд. Ком-академия, 1921. С. 113.

³ См.: Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 27.

диаметрально противоположных принципах, чем те, на которых строилось буржуазное право.

Окончательно распрощаться с термином «наказание» советский законодатель решил в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. Вслед за Основными началами термин «наказание» был исключён из уголовных кодексов союзных республик и заменён термином «меры социальной защиты» (МСЗ). Вот как обосновывал отказ от термина «наказание» советский юрист А. Эстрин: «Отказ от понятия “наказание” не означает для нас простой терминологической замены слова “наказание” словами “МСЗ”. В этом отказе выражается разрыв советского уголовного права со старыми, проникнутыми фетишизмом, уголовно-правовыми построениями и с содержащимися в них критериями применения уголовной репрессии»¹.

Итак, понятие «наказание», имеющее древнюю историю, было вычеркнуто революцией и заменено никому до того не известной терминологией. Естественно, что это политическое решение опиралось на соответствующую идеологию. В то же время по своему назначению и целям МСЗ не отличались от наказаний. Так, в статье 4 Основ были сформулированы цели и характер МСЗ: «Меры социальной защиты применяются с целью: а) предупреждения преступления; б) лишения общественно опасных элементов возможности совершить новые преступления; в) исправительно-трудового воздействия на осужденных».

Хотелось бы заметить, что ученые-криминологи молодой Страны Советов 20-х годов серьёзно сущностью, содержанием и целями МСЗ не занимались. Они сосредоточили своё внимание на познании сложного взаимодействия социальных и биологических влияний на человека, которое

¹ Эстрин А. К вопросу о причинах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 1. С. 83.

предопределяет его преступное поведение. Все были едины в том, что «ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности»¹. Разумеется, такой подход науки уголовного права не соответствовал политике государства в борьбе с преступностью посредством МСЗ, ибо большевики были убеждены в том, что источниками преступности являются: а) сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, поддержанное всей международной буржуазией; б) сопротивление стихии мелкобуржуазной анархичности, буржуазных привычек и навыков, которым были привержены ещё достаточно широкие слои трудящихся. Таким образом, с устранением этих причин автоматически отпадает необходимость и в мерах социальной защиты. Иначе говоря, научное объяснение причин преступности шло вразрез с политикой социалистического государства в борьбе с преступностью. Поэтому с начала 30-х годов XX в. советская криминология изменила своё отношение к объяснению причин преступного явления. Так, А.Н. Трайнин отмечал в те годы, что «дурная наследственность, физические или психические аномалии не имеют решающего значения в движении преступности, поскольку общественные явления определяются социальными рычагами и сами указанные факторы лишь производны от социальных основ человеческой жизни»².

Такой подход к объяснению причин преступности существовал до начала 60-х годов, когда советские учёные стали уделять внимание личности преступника. С этого момента началась дискуссия о соотношении социального и биологического в преступном поведении личности. Начиная с 1934 г. советское уголовное законодательство вновь вернулось

¹ Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. С. 6.

² Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. С. 141–142.

к понятию наказания, применяя в одних случаях термин «наказывается», в других — «карается» и «карает». При этом на законодательном уровне этой замены произведено не было. Возвращение к понятию наказания следует признать правильным, ибо прежняя терминология не только была неудачной, но и не создавала правовой обеспеченности для построения эффективной уголовной политики.

В декабре 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Они заменили «меры социальной защиты» и ввели термин «наказание». Именно с этого момента начинаются серьёзные и глубокие исследования о сущности, значении, содержании и целях наказания как средства воздействия на преступность.

Результаты этих исследований, многие научные положения советских учёных были использованы и получили законодательное закрепление в новых уголовных кодексах почти всех постсоветских республик. Они по-новому определили понятие наказания, значительно изменили цели наказания и его виды в соответствии с произошедшими в начале 90-х годов политическими, экономическими и социальными преобразованиями. К сожалению, следует отметить, что, как и сто лет назад, сейчас делаются попытки доказать целесообразность отказа от понятия «наказание» и замены его понятием «уголовно-правовое воздействие», полагая, что существующее понятие более не соответствует положительным преобразованиям в общественно-политической жизни общества, а также роли личности в государстве. Наказание, по мнению таких авторов, напоминает обществу авторитарный режим, в котором это средство борьбы с преступностью выполняло функцию скорее карательную, возмездную, чем предупредительную и воспитательную¹.

¹ См.: Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие. М., 2003; Чучаев А.Ч., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие. Понятие, объект, механизм, классификация. М., 2010.

Уголовное законодательство постсоветских стран без особых существенных, принципиальных различий рассматривает наказание как *государственное принуждение*. Например, УК Казахстана, России используют при этом термин «государственное принуждение»; УК Азербайджана — «мера уголовно-правового характера», УК Беларуси — «принудительные меры уголовно-правового воздействия», а УК Узбекистана и Киргизии — «мера принуждения». Исходя из этого, в теории уголовного права в настоящее время считается общепринятым рассматривать наказание как принуждение. Так, В.И. Зубкова пишет: «Хотим мы того или нет, наказание — это мера принуждения. Соблюдение норм любой отрасли права обеспечивается принуждением»¹. Хотя советское уголовное законодательство чёткого определения понятия наказания не предусматривало, большинством учёных оно также рассматривалось как государственное принуждение. В частности, в «Курсе Советского уголовного права» отмечалось: «Наказание — это государственное принуждение, применяемое судом, которое назначается лицу, виновному в совершении преступления, и выражается в причинении виновному определённых лишений, предусмотренных действующим уголовным законом»².

В английской юридической литературе наказание определяется как «властное причинение страдания лицу за совершённое им преступление», а по юридическому словарю США, наказание — это «любого рода муки, кара, страдания и ограничения, налагаемые на лицо в соответствии с нормами права и по приговору суда за преступление или уголовное правонарушение, совершённое им, либо за неиспол-

¹ Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. С. 38.

² Курс Советского уголовного права. Т. III. М., 1970.

нение обязанности, предусмотренной правовой нормой»¹. В связи с этим хотелось бы высказать свои соображения по этому вопросу с учётом не только теоретического, но и практического его значения.

С понятием «принуждение» можно сталкиваться в самых разных областях человеческой жизни и в самых различных ситуациях. Поэтому в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля «принуждать» означает также «приневолить, силовать, заставлять, вынуждать, неволить». А это означает, что следует разграничивать понятия государственного принуждения и наказания. Под государственным принуждением понимается внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства. Иначе говоря, это психологическое, материальное или физическое (насильственное) воздействие полномочий органов и должностных лиц государства на личность с целью принудить её действовать по воле властвующего субъекта, в интересах государства. Наказание же — гораздо более глубокое и сложное по своему содержанию явление. Элементы, которые составляют его содержание, не могут быть присущи государственному принуждению. Последнее может выступать только в качестве средства реализации внутреннего содержания наказания, так как иным образом, добровольно, оно, как правило, не реализуется. В отличие от понятия «государственное принуждение» понятие «наказание» представляет собой широкий социально-философский и правовой спектр вопросов, которые являются предметом исследования различных наук, а не только юридической.

Следовательно, уголовное наказание необходимо рассматривать как сложную систему, включающую в свой объект исследования не только нормативно-доктринальный, но и

¹ Нерсесян А.А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. М., 1992. С. 461.

социологический, философский, психологический, криминологический и другие аспекты, каждый из которых имеет свою специфическую роль и свое значение. Поэтому совершенно нормально, когда делаются попытки дать наказанию не только юридическое, но и философское, социологическое и т. д. определение. Вот почему мы полагаем, что неправильно определять наказание как меру государственного принуждения, ибо указание на этот признак формально не вызывает возражений, однако оно абсолютно ничего не говорит о сущности и внутреннем содержании наказания. Как и всякое определение, формулировка понятия наказания должна заключать в себе указание на все необходимые черты, характеризующие этот сложный феномен. Именно исходя из этого ***наказание следует рассматривать как динамический и поэтапный процесс реализации внутреннего его содержания, начиная от вступления уголовно-правовой санкции в законную силу и заканчивая исполнением назначенного приговора.***

В заключение хотелось бы отметить, что в предупреждении преступлений наказание традиционно занимало и занимает центральное место. История наказания показывает, что его виды, содержание и значение не оставались неизменными. В значительной мере этому способствовали перемены в политических, правовых и нравственных установках, которые отражали отношение к личности как объекту применения наказания. Однако внимательное ознакомление с историей учения о наказании ясно свидетельствует о том, что фактически его характер и содержание определялись философией этого явления, которая всегда менялась в зависимости от развития человеческой мысли. При этом наблюдается тенденция к гуманизации наказания. Если для представителей Древнего мира, Средневековья и криминалистов-классиков наказание является эффективным средством предупреждения, то с появлением уголовной статистики о состоянии и динамике преступности, а также антропологической школы полезность этого средства

ставится под сомнение и делаются серьёзные попытки его отрицания. Выводы Ч. Ломброзо «о прирождённом преступнике» приводили к признанию необходимости пересмотра роли и значения наказания в борьбе с преступностью. Именно с этого момента начали говорить о «кризисе наказания» и необходимости найти другие средства защиты общества от преступлений. Так, Э. Ферри утверждал: «Мы говорим: наказание как мера репрессии скорее лишь устраняет известный вред (отрицательное воздействие), чем приносит положительную пользу»¹. В отличие от Ч. Ломброзо, отрицающего наказание, но ничего взамен не предлагающего, Э. Ферри выступил с идеей об эквивалентности наказания.

Представляется, что отказ от наказания как специфического средства противодействия преступности и замена его иными мерами являются следствием чрезмерной социологизации сущности преступности. Нелогично выводить причины преступности только из социальных противоречий. Нужно помнить, что человек, будучи стороной общественных отношений, несёт в себе природный элемент таких противоречий, которые в силу этого биосоциальны, как и сама преступность.

¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 270.

Глава II

Преступность и эффективность наказания

1. Цель наказания

*Цель наказания — предотвращение зла:
оно никогда не может послужить
побуждением к добру.*

Х. Манн

Мы можем говорить о кризисе наказания, о его бесполезности в борьбе с преступностью только тогда, когда убедимся в том, что оно не в состоянии достичь тех минимальных целей, которые перед ним ставило общество. При этом, естественно, следует учитывать объективные возможности наказания и реальный характер поставленной цели. Поэтому целесообразно начать с выяснения **цели наказания**.

Своими истоками учение о целях наказания уходит в религию, и первые попытки определения цели наказания можно найти именно в религиозных источниках. Если исходить из Божественных писаний, то наказание с целью возмездия — изначально установленное Богом средство воздействия на созданное им человеческое существо. Принято считать, что первые теологические теории о целях наказания базировались на постулатах Ветхого Завета: наказание — воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона «око за око, зуб за зуб» (Втор. 19–21).

Заклячая с Адамом свой первый Завет, Господь предупредил, чтобы он не ел «от древа познания добра и зла», в противном случае «смертью умрёшь» (Быт. 2:17). Поэтому можно полагать, что уголовное законодательство началось с Божьего Закона, а первым, кто его нарушил, был первый человек — Адам, которого также можно считать первым человеком, подвергшимся первоначальному виду наказания — смертной казни. Важно также понять сущность наказания, как она определена Богом. Наказание — это воздаяние: «Отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам» (Втор. 32, 41).

Вопрос о смысле выражения «смертью умрёшь», т. е. о наказании в виде смертной казни, — многозначный. Но в любом варианте его истолкования нельзя констатировать, что речь идёт о наказании за непослушание, нарушение запрета, первого закона, что это наказание имеет вид смерти и оно — от Бога. И установлено оно для того, чтобы не стал вечным сотворённый Адамом грех (на юридическом, правовом языке — преступление) и не укоренился, «не стал жить вечно» (Быт. 3:22)¹.

Перед наказанием, таким образом, ставится цель устрашения для предупреждения совершения грехов (преступлений) другими. Это подтверждается также и тем, что Господь мог бы проявить милость и простить первый грех Адаму, но Он как всевидец, скорее, исходил из нецелесообразности и бесперспективности такого акта милосердия. Вместе с тем в наказании Адама нельзя видеть акт мести со стороны Бога.

Наряду с идеей возмездия религия признавала и другие цели наказания. Так, например, Исидор говорил о значении общего предупреждения, устрашения и охране безопасности мирных людей. Августин также указывал на устрашение, но подчёркивал и значение исправления преступников. Безусловно, здесь взгляд на цели наказания носит прогрес-

¹ См.: Христианское учение о преступлении и наказании. М., 2009. С. 70.

сивный характер, по сравнению с частноправовым отношением к наказанию новых народов, поселившихся в Европе, т. е. по сравнению с кровной мстью это большой шаг вперед. Однако следует признать, что отношение канонистов к наказанию не возвышается над обстоятельными, целесообразными, а иногда и более гуманными, взглядами древних мыслителей. Их особо не интересовали вопросы причин преступности, а значит, и воздействия на них, в том числе посредством уголовного наказания, в то время как у древних мудрецов эти проблемы были предметом глубоких размышлений и исследований.

В Сурах Корана и в высказываниях Пророка Мухаммеда также определяется возмездие как цель наказания. Разрабатывая теорию преступности, точнее, преступления, мусульманские правоведы исходили из двух основополагающих философско-богословских задач. Прежде всего, они считали, что все поступки и даже мысли людей так или иначе предопределяются волей Аллаха. Однако, по мнению представителей большинства мусульманско-правовых школ, установленные Божественным откровением рамки достаточно гибки, чтобы позволять человеку во многих случаях самостоятельно выбирать вариант своего поведения. Поэтому любой серьёзный проступок рассматривается как наказуемое нарушение мусульманских запретов, смысл которых заключается в общей направленности Ислама, в частности его правовых принципов и норм, на защиту пяти основных ценностей — религии, жизни, разума, продолжения потомства и собственности.

Другим принципиально важным моментом является рассмотрение преступления как непослушания воле Аллаха. Поэтому преступление, по мусульманскому праву, есть не только нарушение уголовного закона государства, но и серьёзный религиозный проступок. Преступление, по существу, акт несправедливости по отношению к самому себе,

грех против Аллаха. Исходя именно из этого понятия преступления, Исламская религия борется с преступностью несколькими методами: во-первых, путём непосредственного религиозного запрета на совершение противоправных действий, вызывающих к религиозным чувствам граждан; во-вторых, посредством общественного воздействия, что означает обязанность каждого члена общества бороться с преступностью; в-третьих, наказанием за совершённое преступление. При этом Коран рассматривает наказание как справедливое **возмездие**. «О, люди! Предписываю вам возмездие за убитых: свободный — за свободного, раб — за раба, женщина — за женщину...» (Сура 2).

Право возмездия называется «источником жизни». Причины этого усматриваются в том, что это право принадлежит индивиду, а не государству, которое не вправе по своему усмотрению вмешиваться в конфликт, затрагивающий интересы его участников.

Какие же цели преследуются наказанием по Корану? Прежде следует заметить, что Священная книга Аллаха предусматривает двойное наказание: одно — в ближней жизни, другое, более жестокое, — в загробной. Об этом упоминается во многих Сурах Корана. Так, Сура 5 гласит: «Тому, кто верного умышленно убьёт, ад воздаянием предстанет, где пребывать ему навечно, а до этого подлежит смертной казни».

Важнейшая цель наказания по Корану — воспитательная, профилактическая и предупредительная. «Закон возмездия нужен, чтобы помыслы убийцы остановить и сохранить того, кого хочет убить» (Сура 2).

Однако среди целей наказания на первом месте всё-таки стоит устрашение. «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха» (Сура 5, аят 38).

Священная книга мусульман нацелена на формирование у человека глубокого чувства отвращения к преступлениям

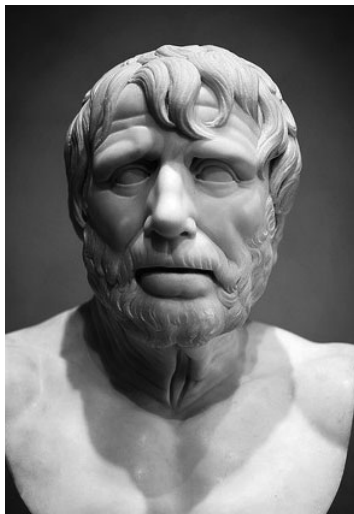
против других людей, которые являются преступлениями против Аллаха. Именно «выход за предел», согласно Корану, — главная причина общественных бедствий и нарушения нормального порядка человеческой жизни. Поэтому наказание не преследует цели отплачивать, сводить счёты, или держать общество в стеснённом, тревожном положении, или причинить мучения и истязания отсечением частей тела, убийством, побиванием камнями. Целью наказания, по нормам Ислама, является господство добродетели и достоинства. Говорят, что система наказаний по Исламу слишком жёсткая. На это сторонники сохранения жёстких наказаний отвечают, что зло — воля Аллаха и никто не вправе её отменить. Кроме того, надо иметь в виду, что телесные наказания, предусмотренные Кораном, сейчас практически не применяются, но зато сохраняют эффективный профилактический характер.

Очень часто можно столкнуться и с таким вопросом: почему Ислам больше ориентирован не на исправление преступника, а на его наказание? Мусульманские юристы считают, что в Исламе каждый общественный институт ориентирован на то, чтобы привить человеку моральные ценности и чувство ответственности. Этот процесс осуществляется от колыбели до могилы. Поэтому «исправлять» человека следует до того, как он совершит преступление, а не после того, как это уже произошло.

Итак, Законы Всевышнего дают возможность сделать вывод о том, что Бог основной целью наказания определил возмездие. Поэтому все религии связывали наказание за совершённое преступление с этой целью.

Эта же идея очень долго господствовала и в философии. Так, Аристотель, допуская наказание-возмездие, писал, что люди стараются воздать за зло злом и если подобное возмездие невозможно, то такое состояние считается рабством¹.

¹ См.: *Аристотель. Этика*. М., 2010. С. 89.

Сенека

Мысли о возмездии как цели наказания встречаются и у Платона, Цицерона, Сенеки. Такая философия наказания была одной из самых первых карательных формул, внесённых в древнейшее законодательство и более всего соответствующих господствующему воззрению на право наказывать как на проявление инстинкта мести.

Отыскать какие-либо доктрины о целях наказания в творениях греческих и римских писателей не представлялось возможным, хотя по вопросам

уголовного права они оставили в наследство отдельные афоризмы, мысли и положения. Так, Платон в разговоре о законах прямо указывал, что наказание налагается не ради совершившегося преступного деяния, а ради предупреждения его повторения в будущем, что достигается прямым способом: истреблением преступника, для которого наказание является лекарством, исцеляющим его нравственный недуг; устранением влияния дурного примера на сограждан; избавлением государства от опасного, вредного его члена. Те же принципы указываются и Сенекой¹.

Сторонники теории цели возмездия отыскивали следы своей доктрины именно в такого рода высказываниях не только Платона и Сенеки, но и Аристотеля, Цицерона. Только с началом философии уже у Гуго Гроция доктрина теории цели возмездия получает более ясную

¹ Цит. по: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. М., 1994. Т. 2. С. 42.

обрисовку¹, хотя и Гроций, отождествляя наказание с талионом, подкрепляет свой взгляд по преимуществу историческими указаниями. Полностью эта теория сформировалась и получила известность только в позднейшей немецкой классической философии.

Первым философом, признавшим идею возмездия единственной целью наказания, был Кант, который писал: «Зло требует оплаты злом, только одно воздаяние по принципу равенства может определить меру и объём наказания либо равенство по силе действия»².

Особое значение как для развития философской мысли, так и в доктрине уголовного права, имела теория возмездия Гегеля. По его учению, право должно восстановить себя путём возмездия за нарушение его, иначе говоря — подчинить частную, оппозиционную волю самосущей разумно-свободной воле, праву. Гегель утверждает: «Наказание — возмездие, но не возмездие как некое равенство в ценности между ущербом, причинённым преступлением, и ущербом, причинённым преступнику наказанием»³.

Таким образом, абсолютная теория целей наказания Канта и Гегеля заключается в воздаянии за содеянное, расплате за него: преступление считалось грехом, а **наказание за него — искуплением этого греха**. Разница заключается лишь в том, что Кант развивал теорию материального возмездия, а Гегель — диалектического, т. е. если по Канту возмездие требует арифметического равенства, то по Гегелю — геометрической пропорциональности, равноценности.

Идеи наказания как возмездия оказались настолько живучими, что они на века «пережили» представителей этих идей.

¹ См.: Гуго Гроций. Die jure belli ac pacis, 1625.

² Кант. Metaphysische Anfangsgrunde der Rechtslenze, 1797; см.: Ойзерман Т.И. Философия Канта и современность. М., 1974. С. 187–191.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1977. С. 49–51.

Убеждённым сторонником теории возмездия был русский до-революционный учёный А.А. Жижиленко, который считал возмездие не целью наказания, а его сущностью. Он писал: «Итак, мы признаём, что внутреннее содержание всякого наказания, его сущность, есть возмездие, и поскольку мы мыслим вообще наказание как своеобразный правовой институт, отличающийся от других родственных институтов, постольку мы представляем его именно как институт, заключающий в себе элемент возмездия, причём этот элемент является не целью наказания, а самой его сущностью»¹.

Таким образом, А.А. Жижиленко особо подчёркивает необходимость различать представление о возмездии как содержании или сущности наказания и представление о нём как о цели наказания. Это весьма важное уточнение.

В советский период идею возмездия поддерживали такие известные учёные, как Н.А. Беляев, В.Г. Смирнов, И.И. Карпец и др. Так, например, профессор Н.А. Беляев связывал возмездие с удовлетворением общественного чувства справедливости. «Наказание, — утверждал он, — выступает как возмездие тогда, когда страдания и лишения причиняются виновному за совершённое деяние с целью удовлетворения чувства справедливости общества, против которого совершено преступление»².

В целом, анализ существующих в литературе уголовного права взглядов на возмездие как цель наказания позволяет выделить среди них следующие пять групп: 1) возмездие как заглаживание или уравнивание; 2) возмездие как удовлетворение, причём это удовлетворение понимается или в смысле потребности, присущей индивиду, или в смысле потребности общественной и даже государственной; 3) возмездие в смысле общего предупреждения; 4) возмездие в смысле

¹ Жижиленко А.А. Наказание. Пг., 1914. С. 223.

² Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963. С. 27.

возмездия к человеку, вызывающему у него определённые психические переживания; 5) возмездие как реагирование на учинённое.

Теория возмездия всегда подвергалась серьёзным нападкам. Она категорически не принималась довольно солидными и известными авторами. Поэтому в бытность коммунистической идеологии эта проблема не стала объектом серьёзных исследований и дискуссий. Существующие в литературе возражения против возмездия представляются весьма разнообразными по своим исходным точкам зрения. Так, в частности, отмечается, что возмездие недопустимо в современной общественной жизни, как пережиток прошлого, поскольку оно есть та же месть, т. е. нечто такое, что находится вне пределов разумной деятельности человека и что порождается тем инстинктивным влечением, которое понятно на первоначальных стадиях развития человечества, но без которого можно обойтись в настоящее время. Так, В. Соловьёв пишет: «Уголовно-правовая доктрина возмездия, совершенно лишённая и логического и нравственного смысла, есть лишь пережиток дикого состояния, и уголовные наказания, ныне ещё употребительные, поскольку в них намеренное причинение преступнику физических страданий или лишений ставится целью правовой реакции на преступление, представляют собой лишь историческую трансформацию первобытного начала кровной мести»¹. Указывается также на безнравственный характер возмездия. С.В. Познышев замечает, что «подсказываемая животным чувством мести, эта идея (т. е. идея возмездия) безнравственна»².

¹ Соловьёв В. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. М., 1899. С. 60.

² Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 60.

Ряд авторов указывают на неудовлетворительность теорий возмездия потому, что они лишены определённого устойчивого критерия для указания меры наказания¹. Внутреннее содержание наказания, его сущность, выраженная в уголовном праве, позволяет заметить, что отличительной чертой института наказания, по сравнению с другими правовыми мерами, является присущий ему элемент возмездия. При этом особо следует подчеркнуть, что возмездие не есть изобретение законодателя и не есть элемент, который не сегодня, так завтра или вообще когда-нибудь может быть «вычеркнут» по желанию кого-либо из содержания наказания. Возмездие есть явление, лежащее в объективной природе наказания. ***Мы понимаем возмездие не как цель наказания, а как момент, характеризующий само содержание наказания.*** Невозможно представить себе наказание без этого момента. Возмездие покоится на чувстве возмущения, которое возникает по поводу совершения преступления. Вот почему возмездие является средством удовлетворения чувства социальной справедливости в обществе. Люди откажутся от возмездия тогда, когда исчезнет необходимость в наказании и на смену ему явятся новые меры, которые вытеснят это оружие борьбы с преступностью.

Очень часто противники теории возмездия ссылаются на то, что «возмездие» и «мечь» — понятия тождественные. Поэтому представление о возмездии как о мести влечёт за собой безнравственный характер возмездия, а значит, и его недопустимость в современной культурной жизни человечества. Но, как справедливо заметил А.А. Жижиленко, «возмездие, бесспорно, лежит в основании мести, как лежит оно в основании наказания, но это не подрывает всё-таки значения возмездия как элемента наказания. Общность

¹ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. СПб., 1904. С. 56; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1902. С. 310.

оснований мести и наказания ещё сама по себе не может дискредитировать взгляда, признающего возмездие существенным элементом понятия наказания»¹.

Идея возмездия не есть идея талиона, формального качественного или только количественного равенства. Она не есть месть, которая характеризуется грубостью, инстинктивностью, безмерной и бессмысленной реакцией потерпевшего. Она не есть и удовлетворение последнего, заглаживание вреда, не есть, вместе с тем, и нераспознаваемое человеческим глазом моральное возмездие. Она есть идея о том, что преступление как нарушение общественного порядка должно в жизни вызывать к себе отношение, соответствующее его отрицательной оценке. Она есть элемент содержания наказания, который реализуется при назначении наказания.

В советской юридической литературе долгое время велась полемика между сторонниками отнесения кары к целям наказания² и их противниками³. И сегодня единства во мнении по этому вопросу не существует, хотя каждая из сторон аргументированно обосновывает свою позицию. Так, например, Н.А. Беляев писал, что «под карой как целью наказания мы понимаем причинение правонарушителю страданий и лишений в качестве возмездия за совершённое

¹ Жижиленко А.А. Наказание. С. 223.

² См.: Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. С. 27; Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 41–43; Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1972. С. 37; Загородников Н.Ч., Якубович М.И., Демидов Ю.А. Советское уголовное право. М., 1971. С. 135.

³ См.: Герцензон А.А. Уголовное право. М., 1958. С. 457; Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. Л., 1958. С. 69; Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания. Саратов, 1973. С. 62; Стручков Н.А. Уголовная ответственность и её реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 98.

им преступление»¹. И.И. Карпец считал, что «когда суд назначает наказание, то он руководствуется определёнными целями: и покарать, и исправить преступника посредством применения наказания. Трудно представить себе применение наказания без цели покарать»².

В более позднее время аналогичную позицию высказывал А.Н. Павлухин: «По нашему мнению, государство, применяя наказание, наряду с другими целями, ставило и цель справедливой кары за совершённое преступление»³.

Существует также мнение, согласно которому «кара является не единственной и не главной, но неперменной и весьма важной целью уголовного наказания»⁴.

Доводы противников кары как цели наказания сводятся к тому, что кара является сущностью наказания или же элементом его содержания⁵. В связи с этим вряд ли можно согласиться с В.К. Дуюновым, который признаёт кару одновременно сущностью уголовного наказания, одним из элементов его содержания и одной из его функций, а также целью⁶. На наш взгляд, чтобы ответить на вопрос: является ли кара целью наказания или его сущностью, а также элементом содержания, следует рассмотреть само понятие «кара», его значение и роль в наказании. Вначале следует оговориться, что кара и возмездие — это не одно и то же, хотя как понятия они в известном отношении сходные. Они оба входят в содержание наказания. Отличие

¹ Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. С. 25.

² Карпец И.И. Индивидуализация наказания. М., 1961. С. 38.

³ Павлухин А.Н. О целях наказания в советском уголовном праве. Цели уголовного наказания. Рязань, 1990. С. 8.

⁴ Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие. М., 2003. С. 162.

⁵ См.: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания. С. 62; Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль. Теория и практика. М., 2002. С. 60.

⁶ Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 165.

состоит в том, что кара выражается в причинении страдания наказуемому, в то время как возмездие характеризуется как известная отплата тому, кто совершил зло. Эта отплата включает в себе уравнивание, заглаживание учинённого, погашение его, а потому и восстановление того, что было нарушено. Однако эта отплата не есть месть за совершённое преступление. Помимо этого, кара как элемент содержания наказания реализуется в процессе исполнения наказания, а возмездие — в результате применения наказания органами правосудия. В целом ряде языков, как европейских, так и восточных, нет особого слова, которое соответствовало бы понятию «кара», в отличие от понятия «наказание». В русском языке слово «кара» всё-таки имеет особый оттенок. Кара, по Далю, не только наказание вообще, но и строгое наказание и казнь. Именно свойством кары наказание отличается от других мер государственного принуждения. Поэтому как преступления обладают различной общественной опасностью, так и наказания отличаются друг от друга по степени кары количественно и качественно.

Конкретное выражение кары образует содержание наказания того или иного вида. При анализе системы наказаний нельзя не видеть, что в неё входят различные виды наказаний, которые при одной и той же сущности отличаются друг от друга¹. Это свидетельствует о том, что содержание наказания, в отличие от сущности, может относительно быстро меняться. Законодатель может оказать влияние на содержание того или иного наказания путём определения той или иной «дозы» кары в его составе. Например, «доза» кары в лишении свободы количественно отличается от «дозы» кары в штрафе. И это вполне естественно, ибо для достижения цели наказания в одних случаях необходима наибольшая доза кары, а в других — наименьшая.

¹ См.: *Ненашев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права.* М., 1967. С. 18.

Сложность познания содержания наказания связана не только с различным подходом в науке к определению места кары в наказании, но и с различными взглядами учёных на природу самой кары. Так, Б.С. Утевский определял кару как принуждение¹. Б.С. Никифоров, критикуя такое понятие кары, считал, что кара предрасполагает к страданию². Таким образом, в отличие от Б.С. Утевского, Б.С. Никифоров видел в каре не только принуждение вообще, но и принуждение к страданию, причём соразмерному совершённом преступлению.

Своё отношение к понятию кары определил и И.С. Ной: «Кара — это принуждение с целью вызывать страдание. Лишь такое понимание кары позволяет практически отличить её от иных видов принуждения, входящих в наказание, но не являющихся карой»³. С.В. Полубинская считает, что кара является сущностью, неотъемлемым свойством наказания. Кара в этом смысле заключается в лишении осуждённых возможности совершать новые преступления. В таком понимании кара есть необходимая предпосылка для достижения наказанием целей предупреждения преступлений⁴.

И, наконец, ещё одна точка зрения в юридической литературе на этот вопрос принадлежит В. Дуюнову, по мнению которого «кара — это всегда реакция в виде осуждения, порицания, укора виновного за совершённый им проступок, — в какой бы сфере социальной жизни это понятие ни употреблялось»⁵.

¹ См.: Утевский Б.С. Вопросы теории исправительно-трудового права и практики её применения // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права. М., 1957. С. 37.

² См.: Там же. С. 128.

³ Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания. С. 31.

⁴ См.: Полубинская С.В. К вопросу о целях наказания // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 100.

⁵ Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России — принуждение или кара? С. 65.

Наказание благодаря только такому элементу, как кара, действительно обладает свойством причинять страдание. Утратив это свойство, оно перестало бы быть наказанием.

Итак, мы исходим из того, что кара является одним из элементов содержания наказания. Поэтому очевидно, что наказание, являясь карой, хотя и не только ею, по содержанию выступает, прежде всего, мерой принудительной, независимо от того, во имя какой цели оно применяется. Однако это не означает, что государство карает преступников во имя самой кары. Это означает, что **кара необходима лишь как средство для достижения иной конечной цели, поставленной государством перед наказанием. А этой конечной целью является предупреждение преступлений.** Для этого можно использовать все цивилизованные средства. Наказание немыслимо без причинения страдания, лишения, из которых и состоит кара. Именно за счёт этих свойств кары наказание преследует цель предупреждения преступлений. Роль кары, как правильно отмечал И.С. Ной, значительно скромнее. Кара необходима лишь как средство, хотя и важное, для достижения предупреждения¹.

Вместе с тем из того, что причинение страдания является необходимым свойством устрашать и предупреждать совершение преступлений, конечно, не следует, что наказание имеет своей целью причинение страдания. «Причинение страдания за вредное для общества деяние является одним из элементов содержания наказания, но не его целью», — писал М.Д. Шаргородский².

Большинство советских юристов всегда рассматривали исправление лиц, виновных в совершении преступления, в качестве самостоятельной и весьма важной цели

¹ См.: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания... С. 62.

² Шаргородский М.Д. Наказание. Его цели и эффективность. С. 30.

наказания¹. Однако некоторые авторы справедливо стали ставить под сомнение самостоятельное значение исправления и сводить цели наказания к обеспечению специального и общего предупреждения преступлений. Например, М.Д. Шаргородский писал: «Исправление и перевоспитание правонарушителя — это не конечная цель наказания, а средства её достижения. Исправление и перевоспитание являются одной из целей наказания, но в то же время они являются средствами, служащими для достижения основной, конечной специфической цели наказания — предупреждения совершения преступлений»². Такого же мнения придерживался и А.Л. Ременсон³. В последние годы некоторые авторы выступили с предложением вообще убрать данную цель из уголовного законодательства⁴. Подобную позицию, между прочим, в своё время высказывал М.Д. Шаргородский⁵.

В. Зубкова связывает это с тем, «что основным недостатком содержания цели исправления как социально желаемого результата, является отсутствие хотя бы приблизительного критерия, по которому можно было бы предполагать возможность её достижения»⁶.

¹ См.: *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения в ИТУ. Л., 1963. С. 41; *Елеонский В.А.* Лишение свободы как наказание, соединённое с исправительно-трудовым воздействием. Рязань, 1975. С. 14; *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 58–59; *Титов Н.И.* Исправление и перевоспитание осуждённых к лишению свободы: Автореф. канд. дис. Л., 1966. С. 7; *Ной И.С.* Сущность и функции уголовного наказания... С. 105.

² *Шаргородский М.Д.* Наказание. Его цели и эффективность. С. 31.

³ См.: *Ременсон А.Л.* Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключённых: Автореф. докт. дис. Томск, 1965. С. 19.

⁴ См.: *Полубинская С.В.* К вопросу о целях наказания. С. 102.

⁵ См.: *Шаргородский М.Д.* Наказание. Его цели и эффективность. С. 31.

⁶ *Зубкова В.* Указ. соч. С. 78.

В литературе высказана и более резкая позиция, согласно которой цель исправления неприемлема для современной уголовно-правовой политики, поскольку кого-либо исправить наказанием невозможно¹. Солидарен с этой позицией и И.Я. Козаченко, утверждающий, что исправление осужденного как цель уголовного наказания является утопическим².

Представляется, что исправление не может быть целью наказания, а выступает всего-навсего одним из средств достижения основной и единственной цели — предупреждения преступлений, во-первых, потому что в содержании наказания нет элементов воспитания, посредством которых можно достичь исправления. Воспитание, исправление находятся за пределами содержания наказания. Если рассматривать исправление как возрождение в преступнике полезного члена общества, укрепление в нём нравственных начал, искоренение дурных привычек, приучение его к труду и порядку, то вряд ли это возможно посредством наказания. Наказание — это принуждение, а принудительное исправление и воспитание невозможно. Во-вторых, реально судить о достижении цели исправления в уголовно-правовом аспекте не представляется возможным. Это возможно лишь при исполнении наказания. Поэтому *цель исправления, скорее всего, можно рассматривать как цель исполнения наказания, и средством достижения основной цели является предупреждение преступлений.*

По вопросу о специальном (частном) предупреждении в литературе высказаны две точки зрения. Одни авторы

¹ См.: Минин А.В. О социальной справедливости как цели уголовного наказания // Власть. Криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 201.

² См.: Козаченко И.Я. Понятие уголовного наказания // Реализация уголовной ответственности: материально-правовые и процессуальные аспекты. Межвузовский сборник научных статей. Самара, 1922. С. 72.

считают, что задача частного предупреждения предполагает создание особых условий во время отбывания наказания, исключающих совершение осужденными новых преступлений, воспитание у них такого сознания, которое исключало бы мысль о возможности совершить такое преступление¹. Иными словами, цель исправления охватывается задачей специального предупреждения и её воспитательного воздействия на осужденного. Другие ученые полагают, что такое расширительное толкование понятия специального предупреждения неоправданно, ибо им поглощается цель исправления осужденных. Они понимают под специальным предупреждением только создание условий, устраняющих возможность совершить преступление во время отбывания наказания². Совершая преступление, лицо «самозаявляет» о своей опасности для общества. Отсюда, как отмечает А.С. Червоткин, одним из проявлений специального предупреждения преступлений как цели наказания является именно воспрепятствование совершению осужденным нового преступления не путём переделки личности или её устранения, а путём устранения возможностей, условий, при наличии которых новое преступление может быть совершено, посредством создания условий, препятствующих его совершению³.

В литературе существует и иная позиция, согласно которой специально-предупредительная ориентация уголовного закона сама по себе не обеспечивает эффективного механизма уголовно-правового контроля. Она не поддаётся диагностике, и надо обладать богатой фантазией, «чтобы

¹ См.: *Ефимов М.А.* Лишение свободы как вид уголовного наказания // Сборник учёных трудов. Вып. I. Свердловск, 1964. С. 200.

² См.: *Беляев Н.А.* Цели наказание и средства... С. 21.

³ См.: *Червоткин А.С.* Цель социального предупреждения преступлений и средства её достижения при применении уголовного наказания // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1984. С. 156.

полагать, что, например, человек, отбывший пять лет лишения свободы, становится лучше или полезнее для общества, поскольку средства, которые в настоящее время используются в исправительных целях, крайне несовершенны»¹. Мы исходим из того, что понятие специального предупреждения относится к области исполнения наказания. Поэтому рассматривать его в качестве цели наказания необоснованно. Если считать, что целью специально-предупредительного воздействия в период исполнения наказания является не допустить совершения новых преступлений со стороны осужденного в течение периода отбывания наказания, то следует признать, что *специальное предупреждение — это только создание соответствующих специфических условий с целью предупреждения преступлений в процессе исполнения наказания*. Эта особая форма предупреждения является частью общего предупреждения преступлений. Поэтому так называемое «специальное предупреждение» — всего-навсего *условие* для достижения наказанием основной и единственной цели — предупреждения преступлений. В связи с этим представляется правильным вместо понятия «специальное предупреждение», использовать выражение «специфические условия для предупреждения преступлений».

Современное уголовное законодательство постсоветских государств в качестве одной из целей наказания называет, прежде всего, восстановление социальной справедливости, а уже затем — остальные цели. В.Д. Филимонов в основу цели «восстановления социальной справедливости» ставит «модификацию цели кары»². Такого же мнения придерживается В.К. Дуюнов, отмечая, что «провозглашение цели “восстановление социальной справедливости” в зако-

¹ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 139–141.

² См.: Новое уголовное право России. Общая часть. М., 1996. С. 96.

нодательстве является официальным признанием законодателем кары в качестве одной из целей уголовного наказания, хотя и в такой завуалированной и облагороженной форме»¹.

Следует отметить, что ещё в 60-х годах профессор Н.А. Беляев писал о восстановлении социальной справедливости как цели уголовного наказания. Представляется, что такая позиция законодателя не может быть поддержана по следующим основаниям. Во-первых, «социальная справедливость» — это не правовая, не юридическая, а философская, этическая категория. Поэтому провозглашение её в законе носит только декларативный характер, а значит, лишено всякой конкретности, реальности. Почему бы тогда в законе не предусмотреть, что одной из целей наказания является ликвидация преступности? Во-вторых, уголовное законодательство не раскрывает самого понятия «восстановление социальной справедливости». Оно носит оценочный характер. В-третьих, достижение цели восстановления социальной справедливости возможно не через уголовное наказание, а посредством социальной политики государства. Проблема социальной справедливости выходит далеко за пределы уголовного наказания. Если законодатель под социальной справедливостью наказания понимает назначение лицу, совершившему преступление, соответствующего справедливого наказания с учётом тяжести преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, то лучше всего использовать понятие «справедливое возмездие». Хотя «справедливость» оценивается и понимается как этическая категория, в роли понятия «справедливое возмездие» она может рассматриваться и характеризоваться юридически и, более того, её признаки и критерии должны носить уголовно-правовой характер. Такие категории, как «справедливость», «гуманизм»,

¹ Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 152.

должны использоваться законодателем в качестве принципов назначения наказания, а не цели уголовного наказания. Исходя из вышеизложенного, считаем, что **восстановление социальной справедливости следует исключить из целей уголовного наказания.**

Перед наказанием стоит только одна цель — предупредить преступность, т. е. защитить общество от преступных проявлений. Ни кара, ни специальное предупреждение, ни исправление, а тем более придуманное законодателем «восстановление социальной справедливости», не могут выступать в качестве целей наказания.

В уголовном законодательстве для разнообразия и красоты можно предусмотреть всё что угодно. Однако следует исходить из реальных возможностей самого наказания и наличия тех элементов, которые составляют его содержание. С самого начала — с принятия законодателем уголовно-правовой санкции — до завершения исполнения наказания преследуется только одна цель: как уменьшить преступность, что нужно сделать, чтобы люди не совершали преступлений. Именно об этом думают законодатель при построении и принятии санкции, суд при назначении наказания, а также органы, исполняющие судебное решение. Предупредительное воздействие наказания обнаруживается в двух направлениях. Оно оказывает общее влияние на сознание населения, действуя как мера профилактики, и, вместе с тем, по отношению к конкретному лицу оно служит предостережением, удерживающим его от новых преступлений. Это означает, что предупреждение преступлений посредством наказания возможно в форме как физического удержания от преступной деятельности, так и психологического противодействия преступлению. Изоляция осужденного и есть одна из форм физического удержания на определённый период времени от совершения преступлений. Основная же цель наказания — сильное

психическое противодействие стремлению к преступлению. При этом воздействие наказанием на психику субъекта не следует сводить только к устрашению, т. е. к возбуждению чувства страха содержанием наказания, хотя, несомненно, оно имеет достаточно важное значение.

Предупреждение состоит, прежде всего, в воздействии на интеллектуальную сферу человека, на укрепившиеся в его сознании ассоциации, в создании постоянной связи между идеей преступления и наказания¹.

В последние годы периодически появляются публикации о том, что цель предупреждения преступлений нельзя признать правомерной, поскольку в цивилизованном государстве сама по себе она безнравственна и, разумеется, неэффективна, и поэтому пора освободить наказание от «ежовых рукавиц» и перестать держать общество в страхе. Следует отметить, что эти возражения не новы, они высказывались всегда. Так, например, ещё Г. Ашаффенберг писал: «Мы должны ограничиться той мыслью, что устрашающее действие наказания не настолько сильно, чтобы с успехом противостоять растущей социальной опасности»².

На это замечание хотелось бы ответить словами Ч. Беккариа: «Сила, подобная тяжести, заставляющая нас стремиться к личному благополучию, сдерживается только противоположными ей препятствиями. Эта сила проявляется в сложном ряде человеческих действий, и наказания, которые я назвал бы политическими препятствиями, предотвращают возможные вредные последствия от взаимного столкновения этих действий, не уничтожая порождающей их причины, т. е. неизменно присущей человеку чувствительности. Действуя так, законодатель поступает подобно искусному

¹ См.: *Познышев С.В.* Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 23.

² *Ашаффенберг Г.* Преступление и борьба с ним. М., 2010. С. 204.

зодчему, обязанность которого — устранить вредное влияние силы тяжести и использовать её там, где это способствует прочности здания»¹.

Роль и значение предупреждения преступлений уголовным наказанием абсолютно нельзя понимать таким образом, будто устрашающее воздействие содействует всеобщему благу за счёт интересов отдельных индивидов. Поэтому совершенно неправильно утверждение о том, что наказание, по соображениям общего удержания, несправедливо по своему существу, ибо если человека наказывают для того, чтобы побудить других избегать совершения преступных деяний, то наказываемый страдает не за то, что он сделал, а из-за склонности других людей поступать подобным образом².

Общество часто обращается с людьми таким образом, чтобы это содействовало всеобщему благу за счёт интересов отдельных индивидов. Это возможно при стихийных бедствиях, в период военных действий, в ситуациях чрезвычайного положения и т. д. Однако недопустимо, чтобы общество использовало лицо, совершившее преступление, для уменьшения преступности, исходя из того, что оно находится в распоряжении государства.

Мы не подвергаем сомнению утверждение о том, что самые драконовские законы — казни огнём и мечом, колесование и виселица — не уничтожили преступность. Но мы считаем, что, возникая в сознании, вслед за идеей совершения преступления, мысль о наказании способна гасить преступное желание, предотвращать, уничтожать или парализовать стремление к противоправному деянию. Само собой разумеется, что наказание на 100% этого достичь не в состоянии. Но совершенно ясно, что оно

¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 95.

² См.: *Buttur and Platt. The Meaning of Punishment // Issues in Criminology. 1966. N 2. P. 79, 93.*

способно с помощью элементов своего содержания оказать определённое противодействие. Как справедливо отмечает И. Анденес, «ещё меньше нам известно о том, сколько людей совершили бы преступление, не будь угрозы наказания»¹.

Итак, общество ставит перед наказанием цель — предупреждение преступлений. При этом, разумеется, мы далеки от мысли, что при всей сложности факторов преступности одно наказание может быть панацеей против всех преступных побуждений и против всех преступников. Полное уничтожение преступлений — это идеальное совершенство, достигнуть которого невозможно. Напротив, совершенно ясно, что наказание способно оказать лишь то противодействие, которое свойственно объективным возможностям наказания. Но, чтобы оценить его значение в осуществлении задач по борьбе с преступностью, необходимо иметь ясное представление о многоярусной системе причин, обуславливающих существование в наших условиях преступности², а также о тех средствах, с помощью которых достигается поставленная цель — ***предупреждение преступлений***.

Когда речь идёт о цели наказания, то всегда возникает вопрос: кому принадлежит право наказания? Понятно, что этот вопрос для обычных граждан, а также для многих работников правосудия и юстиции может показаться наивным, ибо он чисто философский. Однако, как справедливо отмечает Ю.В. Голик, «правильный ответ на вопрос о праве государства наказывать позволит точнее понять роль государства в современном, быстро меняющемся мире, роль и значение

¹ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 31.

² См.: Исмаилов И. Преступность и уголовная политика. Баку, 1990. С. 58.

уголовной юстиции и уголовной превенции, построить такую систему наказаний, которая будет приниматься всеми и, главное, будет работать»¹.

Берёт ли право наказания своё начало в религии, нравственности или просто в общественном интересе? По этому вопросу существуют различные мнения. Одни считают, что право наказания есть возмездие по началам справедливости, т. е. справедливость требует, чтобы хорошие поступки соразмерно награждались, а зло, в частности преступление, влекло за собой отплату эквивалентным злом, наказанием. Наказание не потому справедливо, что необходимо государству как орудие достижения известных предупредительных целей, а потому, что его требует справедливость, воздающая каждому по заслугам, и не допускается, чтобы злодеяния оставались безнаказанными.

Как усматривается, эта позиция основана на идее Канта о том, что право наказывать обосновывается не свойством прав, не интересами общества, а только нравственными требованиями.

Гегель же находит, что ссылка на нравственное чувство, положенное Кантом в основу доказательства права наказывать, представляется и бездоказательной, и произвольной, а право и все институты, на нём покоящиеся, должны быть незыблемы. Поэтому основу права наказывать нужно искать в свойствах человеческого мышления, в непреложных законах логики, во всемогущей силе понятия, в трёхчленном диалектическом развитии идеи как закона не только мышления, но и бытия. Исходя из этой философии Гегеля, получается, что субъектом наказания, т. е. тем, кому принадлежит право наказывать, является, по существу, само **право**, а государство — всего-навсего его орган. Возражая Беккариа и Руссо, Гегель говорит, что наказание справедливо

¹ Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 21.

не потому, что государство имеет право наказывать, а, наоборот, государство имеет право наказывать потому, что наказание справедливо.

Следует отметить, что ещё до Канта и Гегеля в трактатах «Горгиас» и «О государстве» Платон говорил об идеальном государстве, которому дано право осуществления воздающей справедливости.

Такого же мнения придерживался Гуго Гроций, который считал, что зло должно быть наказано и необходимо, чтобы общество имело право (всё равно в какой степени) и силу подвергать его заслуженной каре.

Теория Божественного происхождения права наказания ищет основы права наказания не в начале нравственности, общественном интересе, возмездии или же в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого общения, в законах мироздания, т. е. в религии. Суть рассуждения такова: сам Бог, с сотворения мира, взял на себя труд управлять всеми делами в жизни физической, как и в жизни духовной, в политике, как и в религии, что Он один сделал людей тем, кем они стали теперь, не позволяя им становиться какими-нибудь другими, что Он их законодатель, их учитель, их господин и их судья.

Представители теории Божественного происхождения права наказания утверждали, что право отпущения, принадлежащее Богу, в то же время может быть делегировано духовным и светским властителям. На последних возлагается обязанность наказывать. Таким образом, получается, что право наказывать принадлежит лишь Богу и что без его полномочия никто, даже общество, не имеет права налагать руку на человека, на его свободу и жизнь. Следует отметить, что в период Средневековья канонисты, ссылаясь на Божественные писания, а также на рассматриваемую теорию, смогли осуществить с помощью наказания неопишуемые жестокости, казни и пытки для достижения своих целей.

Существует также точка зрения, утверждающая, что право наказания — область врачебного искусства. Поэтому преступников никто не имеет права наказывать, их следует вылечить с помощью различных инструментов, упражнениями, которые мало-помалу возвратят больному органу недостающие ему силы и здоровье или исправят неправильность его формы, извращенной по капризу природы. Но существуют ли для этого лекарства? Тюремны заменяют особенного рода госпитали, а правосудие и уголовное законодательство будут низвергнуты с престола в пользу новой терапевтической и гигиенической системы.

Мы не ставили перед собой цель подробно рассматривать существующие в литературе теории относительно права государства наказывать. Однако считаем необходимым отметить, что, по данным Н.Д. Сергиевского, начиная с Гуго Гроция насчитывается до 24 полных философских систем и около 100 отдельных теорий разных юристов, примыкавших в основном к тому или иному направлению¹. В их числе есть также школы философов и правоведов, которые вообще отвергают право наказывать, отрицая существование самого объекта этого права, т. е. нравственного зла.

Представители другого направления, в частности Спасович, признаком отрицания права наказывать наказывают отрицание свободы воли и зачисляют в эту группу всех детерменистов с теологами и материалистами.

Наконец, существует другая школа, представители которой, не отрицая права наказания, не признают того, что этим правом могло пользоваться как общество, так и вообще какая-либо власть.

В настоящее время во всех цивилизованных государствах, безотносительно их политической организации, конкретным носителем общественного уголовного права явля-

¹ См.: *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. СПб., 1890. С. 77.

ется верховная государственная власть. Поэтому проблема заключается не в том, заслуживает ли зло наказания, — это очевидно, а в том, может ли общество наказывать, в каких пределах и в какой сфере и во имя чего обществу предоставляется это право.

В период семейной и родовой жизни народов право наказывать детей и отчасти жён за преступления и проступки, совершаемые в семейном кругу, принадлежит главе семейства или рода. В принципе, не было и нет ни одного сообщества, которое не имело бы своих обязательных правил и не поддерживало бы себя с помощью тех или иных принудительных мер. Предводители племён, родов, союзов вначале являлись не только законодателями, но также судьями и исполнителями собственного приговора. Право наказания принадлежало только им.

На смену роду и его членам в качестве факторов реакции против противоправных, а точнее, вредоносных действий в ходе исторического развития мало-помалу выступала в поступательно развивающемся государстве государственная власть. Она и взяла на себя обязанность охранительницы заповедуемого ею внутреннего мира от всяческих нарушений. Ей единственной стало принадлежать как право запрета известных деяний и недеяний под страхом наказания, так и право назначения и исполнения наказаний. Таким образом, право наказания перешло от руководителей племён, родов и союзов к государству, потому что все члены общества отказались от него в пользу этого органа.

Однако это вовсе не означает, что государство произошло или образовалось в результате произвола людей. В его основе лежит нравственная необходимость. Люди по самой природе своей вынуждены жить в государстве, ибо для благосостояния и развития человека и роста культуры необходима совместная организованная жизнь людей, называемая общежитием, которое немыслимо без правового порядка.

А правопорядок возможен только в государстве, которому предоставлено право останавливать тех, кто нарушает его законы, т. е. общество поручило государству защищать его соответствующими средствами от противозаконных действий. Речь идёт о таких средствах защиты, как уголовное наказание. Поэтому можно утверждать, что ***естественное начало — основной принцип права наказания — вытекает из необходимости защиты как самого общественного организма, так и отдельного его индивидуума.*** Право наказания, принадлежащее государству, составляет его обязанность, долг перед отдельными членами общества, а также перед всем обществом.

С другой стороны, всякое нарушение установленных правовых норм вызывает реакцию не только со стороны общественного мнения, но и со стороны государства, прилагающего свои силы на защиту того или другого закона, исходящего от общественной власти.

Итак, право наказания, принадлежащее государству на основе общественного договора, так же неоспоримо, как и право наказания главы семейства, с тем только различием, что у первого оно не может иметь в виду ту же цель, что и у последнего¹.

В руках государства наказание становится средством охраны общественного порядка и предупреждения преступлений путём принуждения и устрашения. При этом следует особо подчеркнуть, что речь идёт не о предоставлении государству права мстить нарушителю за его деяния, а о том, что наказание представляет собой такую же нравственную необходимость, какой является для человека жизнь в обществе себе подобных.

Именно чувство справедливого возмездия (не мести) требует существования и применения уголовного наказания,

¹ См.: Франк А. Указ. соч. С. 116.

без которого не может существовать само государство. Вот почему наказание правомерно и справедливо. Ради устранения самосуда, беспредела, мести общество в лице государства берёт на себя обязанность наказать преступника, ибо этого требует человек, который претерпел зло, стал объектом насилия, оскорбления, лишился имущества и т. д. Наконец, чтобы убедиться в том, нужно наказание или нет, полезно оно или бесполезно в современном обществе, достаточно представить себе, что произойдёт на другой день после объявления об отмене уголовного наказания за преступное поведение. Таким образом, по словам И.Я. Фойницкого, «право наказания принадлежит единственно и исключительно государству как его субъекту»¹.

В заключение следует подчеркнуть, что, прежде чем поставить перед наказанием определённую цель, необходимо уяснить для себя средства её достижения, а также подумать о реальности этой цели, её практической достижимости и об объективных возможностях самого наказания. История наказания в борьбе с преступностью свидетельствует о том, что цель удержания (предупреждения) людей от совершения преступлений в той мере, о которой мы мечтаем и на которую надеемся, практически не достигается. Наоборот, преступность не уменьшается, а растёт. Поэтому встаёт вопрос о реальном уровне достижения цели наказания, который зависит от объективных его возможностей. Мы не можем требовать от наказания того, на что оно не способно. Значит, следует исследовать пределы возможности наказания.

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюмоведением // Философия уголовного права. С. 302.

2. Средства достижения цели

Средства — это, в конце концов, всё.

Каковы средства — таков и результат.

Создатель Махатма Ганди

С момента вступления в силу закона угроза наказания — выступает в качестве средства предупреждения. В противном случае наказание — только пустословие, ничего не значащее, абстрактное понятие. Поддерживая теорию динамического уголовного наказания, которая довольно широко была распространена в начале XX века в Германии, А.И. Коробеев, А.В. Усс и Ю.В. Голик делают вывод, что наказание вначале работает как безликая угроза, затем назначается конкретному человеку и, наконец, исполняется¹.

Таким образом, получается, что уголовно-правовая санкция практически никакой роли не играет в предупреждении преступных проявлений со стороны членов общества. По мнению указанных авторов, «инструментом влияния на поведение людей здесь является ориентирующее информирование, действующее, по меньшей мере, одновременно в двух плоскостях: как своего рода гарантия-обязательство, даваемая всем членам общества, выполнять функции по защите соответствующих социальных благ, а с другой — как безличная угроза, адресованная потенциальным нарушителям установленного запрета»². В то же время утверждается, что единственной значимой функцией наказания на данном этапе, т. е. на этапе уголовно-правовой санкции, является общепредупредительная функция³. Но если наказание уже на этом этапе выполняет задачу предупредительную, значит, оно «работает», выступает в качестве угрозы и, соответственно,

¹ См.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. С. 157.

² Там же.

³ См.: Там же.

является средством достижения поставленной цели. Поэтому очень важно понять механизм психологического взаимодействия человека и уголовного наказания. Иначе говоря, выяснить — как происходит воздействие уголовного наказания на членов общества и как человек психологически воспринимает эту угрозу. Всё это необходимо для усиления эффективности угрозы наказания в целях удержания людей от совершения преступлений. Может быть, действительно, угроза наказания значения для воздержания людей от преступных намерений не имеет? Ну, а если имеет, то в какой мере? Почему же человечество за всю свою историю не в состоянии посредством уголовного наказания удержать людей от совершения противоправных действий? Может быть, всё-таки дело не только в наказании как самом популярном и дорогостоящем средстве борьбы с преступностью? Ясно одно: ни одно государство никогда не пыталось отказаться от уголовного наказания, хотя доказано, что этим средством уничтожить преступность невозможно. К сожалению, мы лучшего ещё не придумали. Поэтому нам остаётся только одно: найти пути повышения эффективности воздействия уголовного наказания. При этом надо иметь в виду, что речь идёт не о путях социального характера, а о принудительных мерах.

Угроза наказания имеет дело, скорее, с психологией людей. Поэтому, если бы психологи серьёзно заинтересовались воздействием угрозы наказания на человека, это привело бы к важным практическим результатам. Речь идёт об изучении психологической закономерности системы «человек — угроза наказания». Только таким образом мы сможем уяснить психологическое отношение к этой угрозе. Рассмотрение этого вопроса требует в очень краткой форме обратиться к науке психологии, которая изучает закономерности и механизмы психической деятельности людей.

Изначально психология развивалась как составная часть философии, и только в середине XIX в. она выделилась в са-

мостоятельную науку. В связи с этим В.П. Тугаринов отмечал: «Философия является итогом, обобщением всего предшествующего развития науки и практики. Это обстоятельство делает философию теоретической основой, идейным фундаментом всех социальных наук»¹.

Философия помогает решать ряд важнейших проблем, среди которых, прежде всего, стоит назвать вопросы о природе психического, об уровнях психического и концепции человека и личности. С чувством сожаления приходится констатировать, что юриспруденция на сегодняшний день не в полной мере использует результаты этих исследований применительно к области изучения причин преступного поведения человека. Что касается исследования проблем психического воздействия наказания на человека и механизма восприятия личностью самой угрозы, а также сдерживающей роли наказания от противоправных действий субъекта деятельности, то они практически никогда не были объектом научного рассмотрения. Нельзя, конечно, не отметить, что исследования в области юридической психологии за последние 30 лет приобрели широкий диапазон. Как известно, в настоящее время достаточно глубоко исследованы такие области юридической психологии, как судебная психология, психологические основы предварительного расследования, психология судебной деятельности, исправительно-трудовая психология и т. д. Представляется, что назрела необходимость в исследовании и разработке общей психологии в союзе с уголовным правом научных критериев и методов системы «человек — угроза наказания». Это поможет дать научно обоснованные рекомендации законодателю при построении уголовно-правовой санкции.

¹ Тугаринов В.П. Законы объективного мира, их познание и применение. Л., 1954. С. 98.

*Гюстав Доре. Ад. Иллюстрация
к «Божественной комедии» Данте*

Наказание — это результат нарушения установленных государством соответствующих уголовно-правовых норм, регулирующих правила поведения людей. Такое нарушение в уголовном праве называется преступлением. Можно сказать, что государство установило определённые правила нашего поведения, т. е. запретило совершение действий, противоречащих интересам общества и отдельных личностей. Таким образом, запрет есть

начало взаимодействия человека с наказанием. Поэтому в системе «человек — угроза наказания» особое место принадлежит оценке способности человека к усвоению, восприятию самого запрета, ибо для признания его способным к ответу (наказанию) за нарушение запрета, т. е. установленного порядка, необходимо выяснить, насколько он вообще способен понимать регулирующую роль базовых ценностей и норм общества. А для этого он должен иметь возможность доступа к информации о них, должен понимать, что можно, а что запрещено. И только после этого человек способен учитывать их наличие и находить соответствующее решение: принимать к руководству или отвергать в ситуации выбора.

Иначе говоря, лицо, желающее или намеревающееся совершить противоправное деяние, должно уяснить запреты, а также уметь оценить само действие и его последствия. При этом достаточно оценить способность к усвоению норм

и ценностей, регулирующих поведение в уголовно-релевантных ситуациях, и учитывать их при выборе варианта поведения. Поэтому для наступления ответственности вполне достаточно того, что субъект осознаёт вред своего деяния и его последствия для других, нарушение им установленных уголовно-правовых норм¹.

Осознание вредности последствий в случае посягательств на блага другой личности или на интересы общества имеет место и при относительно невысоком уровне развития интеллекта. В связи с этим интересна позиция Гегеля, полагающего достаточной для наказания способности предвидеть необходимые последствия избирательного варианта поведения, так как только их «введение» можно вменить в вину. Причём, надо осознать «всеобщее качество» поступка, т. е. уметь соотносить его с задаваемыми обществом ориентирами, о которых тоже должно быть «вёдомо»².

Правовая наука традиционно исходит из того, что наказание предполагает осознание как фактических, так и юридических признаков и общетеоретической характеристики права как инструмента регулирования общественных отношений, который должен проходить через сознание и волю людей. Удачной представляется мысль В.П. Сальникова о том, что достаточно ориентироваться на нравственные нормы, лежащие в основе принципов права, в частности, на основные юридические понятия, такие, например, как «преступление», выражающие эти принципы³. Это и даёт возможность принять решение о правомерном или неправомерном поведении в условиях отсутствия информации о конкретной правовой норме, основыв-

¹ Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 84.

² Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1993. С. 245–249.

³ Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Саратов, 1989. С. 46–47.

ваясь на понимании общей направленности законодательства, его функций, выражения в нём нравственных требований. За словами запрета следуют слова, устанавливающие наказание. Что это означает, понимает каждый нормальный человек. В то время как запрет позволяет пробудиться желанию, слова о наказании должны пробудить ужасающие представления. «И заповедовал Господь Бог человеку... а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:16–17). Что означает «умрёшь», Адам, конечно же, совсем не понимал, однако если допустить, что это было ему сказано, его непонимание не препятствует тому, что он получает представление об ужасном. В этом отношении даже животное способно понять выражение лица и оттенки голоса говорящего человека, не понимая самих слов. Совершая грех, Адам понимал, что он нарушает запрет, т. е. «Божий Закон», и что за это будет наказан. Тем не менее он не смог себя удержать. С одной стороны, запрет пробуждает в нём желание, а с другой — страшит, поскольку запрет пробуждает в нём возможность свободы. Вот почему природу первородного греха следует объяснять через категорию страха, который является содержанием любого наказания.

Угроза воздействия на людей порождает у них страх перед наказанием и, тем самым, оберегает во многих случаях от совершения преступлений. Этот страх возникает ещё до наступления последствий от противоправных деяний, в результате которых может наступить наказание. Профессор Гарвардского университета В. Кеннон ещё в 1927 г., исследуя физиологию эмоций, пришёл к выводу, что «страх, ярость, боль и муки голода представляют собой элементарные чувства, которые с полным правом относятся к наиболее могучим факторам, определяющим поведение человека и животных»¹.

¹ Кеннон В. Физиология эмоций: телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. Л., 1927. С. 15.

Страх возникает уже в момент пробуждения желания совершить преступление, ибо именно с этого момента появляется инстинкт самосохранения, на который и опирается страх. Иными словами, страх — внутреннее состояние, обусловленное грозящим реальным или предполагаемым бедствием. Как говорят психологи, страх — это желание того, чего страшишься, это симпатическая антипатия. Человек нарушает закон, желая этого, но, одновременно, боится, ибо помнит о том, что за это предусмотрено наказание.

Страх — это чуждая сила, которая захватывает индивида, и он не может освободиться от неё, да и не хочет, так как страшится, но страшится того, чего желает. Вот почему все потенциальные преступники обладают чувством страха. Это относится и к лицам, неоднократно совершавшим преступления, — к рецидивистам. Поэтому утверждение Н.В. Крыленко о том, что «психология так называемых рецидивистов и профессионалов-преступников общеизвестна: полная недейственность для них угрозы репрессии является фактом установленным»¹, абсолютно несостоятельно и необоснованно. Позицию Н.В. Крыленко поддерживает А.Ф. Зелинский, полагая, что одной из предпосылок рецидива преступлений выступает эмоциональная глухота не только по отношению к другим людям, но и к собственной судьбе, что делает рецидивистов равнодушными к угрозе наказания².

Речь может идти только о степени страха. Чувство страха имеет инстинктивно-биологические основы и присуще не только людям, но и животным. То, что бывают люди, которые вообще не ощущают никакого страха, следует понимать в том смысле, что и Адам никогда не почувствовал бы страха, нарушая запрет, если оставался бы просто животным. Поэтому неспособность страшиться является дока-

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. М., 1930. Т. 3. С. 68.

² Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений (структура, связи, прогнозирование). Харьков, 1980. С. 44.

зательством, что данный индивид — либо животное, либо ангел, — а они оба, также в соответствии с Божьими писаниями, менее совершенны, чем человек. Следовательно, страх выступает выражением совершенства человеческой природы. В своё время Ч. Беккариа говорил: «Хотите предупредить преступление?... Сделайте так, чтобы люди боялись их и только их. Страх перед законом благодатен!»¹

У рецидивистов чувство страха притупленное, оно находится на низком уровне, но оно существует. Вот почему совершение очередного преступления для них не представляет большого труда, ибо угроза наказания не оказывает на рецидивистов достаточного сдерживающего воздействия. И наоборот, человек, впервые совершающий преступление, испытывает глубокий страх. Что может оттолкнуть его от преступного намерения. Если это произойдёт, то можно считать, что это результат воздействия уголовного наказания.

Всем известно, что женщины, по сравнению с мужским населением, совершают преступления гораздо меньше. В Азербайджане в среднем это 10% от всех преступлений. Одна из главных причин этого заключается в том, что страх свойствен женщине в большей степени, чем мужчине, ибо женщина чувственнее мужчины и испытывает больший страх перед уголовным наказанием. Поэтому чем глубже человек пребывает в страхе, тем более велик этот человек, хотя и не в том смысле, в каком люди это обычно понимают, когда страх наступает из-за чего-то, что лежит за пределами человека. Нет, это понимается в том смысле, что человек сам создаёт страх. И этот страх охраняет его от совершения противоправного деяния.

Анализируя состояние страха и его причины, психологи выделяют четыре вида страха: биологический, социальный, моральный, дезинтеграционный. Данная классификация ис-

¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 151.

ходит из особенностей ситуации, вызвавшей страх. Ситуации, связанные с непосредственной угрозой жизни, вызывают биологический страх, который является первичной формой страха, возникающего в случае депривации первичных жизненных потребностей. Состояние кислородного голодания (например, при сердечной недостаточности) вызывает острое чувство страха. Социальный страх развивается в случае нарушения взаимодействия с ближайшим социумом (страх быть отвергнутым близкими, страх наказания, страх учителя и т. д.).

Страх перед уголовным наказанием, исходя из этого положения психологии, появляется в результате нарушения человеком соответствующих правил общежития. При этом, естественно, лицо знает, что за это поведение оно должно будет нести соответствующую ответственность. Появляется ощущение страха перед наказанием, сопровождающееся интенсивными проявлениями показателей физиологической реактивности, такими как тревога, дрожь, сердцебиение и т. д. Страх влияет на протекание психических процессов, в частности, наблюдается плохая осознанность восприятия, имеются трудности сосредоточения. На мышление страх влияет по-разному. У одних повышается сообразительность, они концентрируются на поисках выхода. В этом случае человеку, намеревавшемуся совершить преступление, легче принять то или иное решение, т. е., взвесив все варианты, определить целесообразность преступного поведения. У других ухудшается продуктивность мышления, т. е. они не в полной мере осознают последствия преступлений. Поэтому угроза наказания на них действует слабо. По данным А.В. Наумова, на вопрос: «Почему, по Вашему мнению, люди не совершают преступлений?» из 400 человек 17,4% ответили: «Из-за страха перед наказанием»¹.

¹ См.: *Наумов А.В.* Реализация уголовного права. Волгоград, 1983. С. 28.

Некоторые авторы, не отрицая вполне устрашения наказанием, не надеются на спасательное влияние страха. Так, например, Д.А. Дриль писал: «Страх не действует и не может действовать постоянно. У дурных натур легко возникают увлечения, вытекающие из особенностей их существа, и наступают моменты забвения, когда представления опасности и чувство страха отпадают и не говорят в них, и тогда они все снова и снова впадают в преступление. Необходимо, чтобы в самом человеке существовали внутренние задерживающие моменты»¹.

Воздействие страха наказания отрицает также Б.М. Бехтерев, полагая, что страх уже потому не может воздействовать на совершение преступлений, что человек, совершающий преступление по расчёту, прежде всего, обдумывает меры к тому, чтобы ускользнуть от правосудия².

Однако ясно одно: пока существует уголовное право как отражение условий общественного развития, сохранится страх перед наказанием, который хотя и не единственный компонент общепредупредительного воздействия, но обязательно ему присущий.

В буддистском джагаке 44 «О моските» повествуется, что «лучше умный враг, чем друг, обделённый умишком, ибо умный враг, страшась наказания, не совершил бы человекоубийство».

В системе «человек — угроза наказания» риск играет особую, специфическую роль. В лингвистике риск определяется как «действие наудачу, в надежде на счастливый исход»³.

В психологии наиболее распространённой является трактовка риска как ситуативной характеристики, состоящей в неопределённости её исхода и возможности неблаго-

¹ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 75.

² Бехтерев Б.М. Указ. соч. С. 716.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 848.

приятных последствий неуспеха. Риск является решающим фактором с сохранением эффектов угрозы, принимаемых в расчёт потенциальным преступником, ибо многие люди не преступают закон потому, что их удерживает от этого преувеличенное представление о риске. Как отмечал И. Анденес, «даже простой здравый смысл подсказывает, что степень риска быть разоблачённым и осужденным имеет первостепенное значение для предупредительного воздействия уголовного наказания»¹.

Поэтому угрозой наказания мы стремимся убедить людей, что преступление нецелесообразно из-за слишком большого риска. «Сигналы», посылаемые уголовно-правовыми санкциями, с одной стороны, содержат фактическую информацию о том, с чем связан риск неповиновения, а с другой стороны, возвещают, что неповиновение — зло.

Теоретически потенциальный преступник при принятии решения в ситуации риска:

а) осознаёт цель как негативную, т. е. вредную, в результате которой причиняет вред, нарушает закон;

б) оценивая ситуацию, понимает, что достижение преследуемой преступной цели невозможно без опасности;

в) уже обладает определённой информацией, достаточной для предвидения возможных последствий выбора данного варианта поведения и для вероятного вывода о шансах достижения цели.

Обычно угроза наказанием психологически связана с уяснением санкции, т. е. степени риска в случае неправомерного поведения. В связи с этим исключительно важное значение для эффективности механизма общепредупредительного воздействия, а значит, и для построения действенной уголовно-правовой санкции имеет учёт психологического отношения потенциальных преступников к угрозе наказанием.

¹ Анденес И. Указ. соч. С. 69.

Потенциальный преступник должен знать, что риск, на который он идёт, совершая преступление, столь велик, а наказание столь сурово, что он может больше потерять, чем выиграть от совершения преступления. А это значит, что потенциальный преступник должен сознавать: а) величину риска; б) суровость наказания; в) расчёт при совершении преступления. При этом возможно несколько вариантов.

Первый: потенциальный преступник сознаёт, что:

- а) риск небольшой;
- б) наказание несуровое;
- в) расчёт выгодный.

В такой ситуации есть все основания полагать, что «неустойчивое» лицо может совершить преступление, рассчитывая на то, что не будет разоблачено. Поэтому оно, фактически, об угрозе наказания и не думает. Но если даже и думает, то всё равно может не остановиться перед совершением преступления, ибо наказание — несуровое. Намерение совершить преступление подкрепляется также и тем, что расчёт выгодный. Значит, эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания невысокая. Поэтому для её повышения необходимо:

- а) совершенствовать работу правоохранительных органов, особенно оперативно-розыскной службы;
- б) усилить наказание за данное конкретное преступление.

Второй: потенциальный преступник сознаёт, что:

- а) риск большой;
- б) наказание суровое;
- в) расчёт невыгодный.

В таком случае есть все основания полагать, что вероятность совершения преступлений незначительная. Можно говорить об эффективности общепредупредительного воздействия уголовного наказания. Поэтому нет необходимости усиливать наказание и работу правоохранительных органов.

Третий: потенциальный преступник сознаёт, что:

- а) риск большой;
- б) наказание несуровое;
- в) расчёт выгодный.

В данном случае «неустойчивое» лицо понимает, что будет разоблачено и наказано, если совершит преступление. Однако в силу того, что наказание — несуровое, причины, толкающие лицо на преступление, действуют сильнее, чем страх перед ответственностью. Поэтому для повышения эффективности общепредупредительного воздействия необходимо усилить наказание.

Четвёртый: потенциальный преступник сознаёт, что:

- а) риск небольшой;
- б) наказание суровое;
- в) расчёт невыгодный.

В данном случае потенциальный преступник совершает преступление, рассчитывая любыми путями уйти от ответственности, хотя знает, что наказание — суровое. Поэтому не имеет смысла усиливать наказание за данное преступление, а необходимо совершенствовать работу правоохранительных органов.

Итак, исследование психологии потенциальных преступников позволяет сделать следующий вывод. ***Решающими факторами в создании удерживающего эффекта уголовного наказания являются: а) неотвратимость наказания; б) усиление угрозы наказания за отдельные категории преступлений.***

При этом если первый фактор является обязательным для всех преступлений, то усиление угрозы наказания может дать общепредупредительный эффект в отношении таких потенциальных преступников, у которых, в силу специфики характера преступления, имеется достаточное время и возможность до или в процессе их совершения, во-первых,

сознавать те последствия, которые его ожидают в случае разоблачения, во-вторых, противопоставить ожидаемую от преступления пользу угрозе наказания.

Психологическое отношение потенциальных преступников этой категории к угрозе наказания отличается тем, что у них есть возможность до или в процессе совершения преступления соизмерить выгоду от результата совершённого действия и ответственность за него. В итоге они решают: выгодно или не выгодно совершать им преступление.

В данном случае можно говорить о неэффективности общепредупредительного воздействия уголовного наказания. Значит, целесообразно усилить ответственность за это преступление до тех пределов, когда совершение этого преступления станет лицу невыгодным.

Есть категория преступлений, когда у субъекта преступления нет времени делать расчёт между выгодой, которую он получит в результате своего антиобщественного поведения, и наказанием. Так, например, при совершении внезапно возникшего хулиганства лицо осознаёт, что совершает антиобщественное действие, но у него нет времени и возможности задуматься над тем, какой вид и размер наказания его ожидает. Таким образом, угроза наказания свою предупредительную функцию не может выполнить полностью. Поэтому для предотвращения подобного рода преступлений наказание не нуждается в усилении.

Санкцию, точнее, её угрозу можно, конечно, назвать «побуждением к действию», однако это побуждение совсем другого рода, так сказать, косвенное в своём отношении к поведению как таковому, опосредованное комплексом эмоциональных, психологических, оценочных и других моментов.

Сдерживающее влияние устрашения отнюдь не такое простая явление, как полагают некоторые. Очень многие преступники в момент совершения преступления настолько напряжены (особенно, если преступление совершается

впервые), что не способны осознать последствия своих действий. Другим удаётся убедить себя в том, что они смогут избежать наказания.

Любая угроза наказания, в том числе и самая строгая, бессильна остановить лицо от намерения совершить преступление, если оно не способно соизмерять выгоду и потерю в результате антиобщественного поведения. Поэтому угроза наказания должна быть точно обозначена в уголовно-правовой санкции с тем, чтобы в сознании потенциального преступника страх перед наказанием перевешивал соображения о потерях, связанных с воздержанием от преступления. Иначе говоря, угроза наказания должна быть построена таким образом, чтобы то лишение, которое вытекает для преступника из наказания, было бы несравненно чувствительнее тех выгод и наслаждений, которые он может получить от совершенного зла. Лицо, желающее совершить преступление, как правило, исходит из соответствующего расчёта: на одной чаше весов — та выгода, которая его ожидает, а на другой — угроза причинения страданий и лишений и т. д. Поэтому если угроза окажется сильнее, то воля лица, желающего совершить преступление, будет парализована и он может отказаться от преступного намерения.

Угроза наступления возмездия усиливается эффективной деятельностью органов правосудия по разоблачению преступников и их наказанию. Поэтому факт применения наказания к конкретным лицам, осознание реальности и неизбежности наказания являются эффективными предупредительными средствами, удерживающими большую часть населения от совершения преступлений. В этом и заключается устрашительная функция наказания. Степень устрашения, таким образом, зависит напрямую от степени уверенности быть наказанным.

Ещё со времён Ч. Беккариа считается общепризнанным, что неизбежность разоблачения и наказания имеет большее

значение для удержания людей от совершения преступлений, чем суровость карательных мер. Даже простой здравый смысл подсказывает, что степень риска быть разоблачённым и осуждённым имеет первостепенное значение для предупредительного воздействия угрозы уголовного наказания. Ч. Беккариа писал: «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жёстким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность»¹. На это важное обстоятельство обращали внимание также представители русской дореволюционной школы уголовного права. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что понятие «безнаказанность» включает в себя не только факт неразоблачения преступника, но и возможность уйти от ответственности на стадии расследования и судебного разбирательства, а также расчёт на институт помилования и амнистии.

В принципе, надо согласиться с тем, что в современных условиях среди населения достаточно широкое распространение получило мнение о возможности избежать ответственности и наказания за совершённое преступление. Такое недоверие к органам правосудия, естественно, оказывает существенное влияние на уровень преступности в стране. В среднем в Азербайджане ежегодно остаются нераскрытыми 8–10% преступлений от общего количества всех выявленных преступлений; от 10 до 14% — тяжких и особо тяжких преступлений; около 10% — умышленных убийств.

В своей книге «О преступлениях и наказаниях» в разделе «О помиловании» Ч. Беккариа предупреждал: «Показывать людям, что можно прощать преступление, что наказание не является необходимым их последствием, — значит питать в них надежду на безнаказанность, заставлять думать, что, раз может быть дано прощение, исполнение наказания над

¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 124.

теми, кого не простили, является, скорее, злоупотреблением силы, чем проявлением правосудия»¹.

С 1996 по 2010 г. в отношении 53 558 человек были приняты акты о помиловании и амнистии. За 15 лет, т. е. с 1995 по 2010 г. было принято 48 указов о помиловании, на основании которых освобождены от отбывания наказания 5121 человек, из них: 2623 — осуждённых за умышленное преступление, 29 — осуждённых к пожизненному лишению свободы. С 1996 по 2009 г. на основании 9 актов об амнистии оказались на свободе 48 437 преступников, из которых 3394 отбывали наказание в местах лишения свободы. Без сомнения, гуманизм необходим, но нельзя так часто и широко жертвовать общественной безопасностью в пользу отдельного лица, ибо создаётся общее представление о безнаказанности.

В науке уголовного права дискуссионным является вопрос относительно объекта угрозы наказания. В своё время Э. Ферри в уголовной социологии распределил социальные классы по трём категориям по их отношению к уголовному наказанию.

К первой группе принадлежат высшие в нравственном отношении классы. Они никогда не совершают преступлений и составляют меньшую часть общества. Это категория людей, для которых уголовное наказание совершенно бесполезно.

Ко второй группе принадлежит низший класс, который поставляет большинство прирождённых преступников. Наказание как угроза против них бессильно, потому что эта угроза попадает на почву, лишённую общественного чувства, благодаря чему на наказание они смотрят как на простой риск.

Наконец, у последнего социального класса индивидов отсутствует прирождённая склонность к преступлению, но их честность не выдерживает испытания. Для них наказание

¹ Там же. С. 155.

в качестве психологического воздействия может иметь некоторое значение¹.

Р. Гарофало, разделяя идеи Э. Ферри, считал, что необходимо отличать класс преступников, способных чувствовать устрашающую силу угрозы наказания, от тех преступников, на которых этот страх оказывает меньшее влияние.²

По мнению современного сторонника теории общего предупреждения И. Анденеса, население можно разделить на три категории: а) законопослушные люди, которые идут по правильному пути, независимо от угрозы закона; б) потенциальные преступники, которые нарушили бы закон, не будь угрозы наказания, и в) преступники, которые, вполне возможно, боятся закона, но не настолько, чтобы это удержало их от правонарушений. Удерживающий эффект наказания действует в отношении промежуточной категории — потенциальных преступников³.

С.Н. Тимошев ещё в 1914 г. пришёл к выводу, что абсолютное большинство населения царской России удерживалось от совершения преступлений лишь угрозой наказания⁴. Такие утверждения свидетельствуют о высоком общепредупредительном значении уголовного наказания, хотя никаких данных, подтверждающих такое заключение, не имеется. По мнению С.И. Курганова, прямыми адресатами угрозы наказания являются не все субъекты, а те из них, которые не совершают преступлений только из-за страха перед наказанием.⁵

¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 258–259.

² Carofalo. Criminalogia. 2-е изд. Турин, 1886. С. 217.

³ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 125.

⁴ Тимошев С.Н. Уголовное осуждение. СПб., 1914. С. 304–306.

⁵ Курганов С.И. Наказание. Уголовно-правовой, уголовно-исправительный и криминологический аспекты. М., 2008. С. 172.

В.М. Коган полагает, что с точки зрения действия угрозы наказания население можно разделить на три категории. Первую категорию составляют люди, для которых угроза не имеет мотивирующего значения, так как они не совершают преступлений в силу сознательности или других обстоятельств, вообще не связанных с уголовным запретом. Ко второй категории принадлежат люди, для которых угроза не имеет мотивирующего значения, так как они совершают преступления, несмотря на угрозу неблагоприятных последствий. К третьей категории относятся люди, для которых угроза имеет мотивирующее значение, так как они не совершают преступлений из страха перед неблагоприятными уголовно-правовыми последствиями. Они составляют главный объект угрозы наказанием¹.

Анкетирование осуждённых к лишению свободы, т. е. лиц, которых угроза уголовного наказания не удержала от совершения преступлений, показало следующее. По данным А.И. Марцева, из 200 человек при совершении преступления 58% относились к грозящему им наказанию безразлично², а по данным И.С. Ной, из 245 человек 64% не думали о наказании при совершении преступления³.

Положение о том, что угроза возможного наказания удерживает какую-то часть людей от совершения преступлений, можно считать аксиомой⁴. Однако количественно определить эту часть не представляется возможным. И дело не только в уголовном наказании, а в большей степени в невозможности на сегодняшний день объяснить причины преступности вообще. Наука уголовного права в той новой форме, в которую

¹ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 160–161.

² Марцев И. Общая превенция преступления // Правоведение. 1970. № 1. С. 73.

³ Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания... С. 153.

⁴ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 114.

она начинает облекаться, ищет, прежде всего, естественные причины патологического общественного явления, называемого преступлением; она, таким образом, старается найти верное средство если не для полного уничтожения, то для удержания его в известных границах. Гиппократу принадлежат слова: «Чего не лечат лекарства, излечивает железо; чего не врачует железо, исцеляет огонь; чего не исцеляет огонь, то следует считать неизлечимым».

Преступность в современном обществе — явление неизлечимое, ибо человечество для этого использовало и сейчас использует все необходимые средства, включая самое важное и вынужденное — уголовное наказание. Угроза наказания охватывает всех членов общества, а не какую-то категорию людей, ибо законодатель не в состоянии определить конкретную направленность этой угрозы. Однако люди по-разному воспринимают наличие уголовного наказания. Для одних это предупреждение, а для других — средство удержания от намерения совершить преступление. Но страх перед угрозой наказания присутствует у всех. Этот вывод основан на данных психологии о том, что в психике любого человека взаимодействуют рациональная, эмоциональная и волевая сферы.

Внешнее поведение людей в индивидуальных поступках продиктовано их внутренней психической деятельностью. При этом волевые акты психики порождаются как мыслями, так и чувствами, взаимовлияющими друг на друга. Воздействуя на разум и чувства извне, можно предопределить волю человека, сформировать её «изнутри» и пробудить к проявлению в виде волевого действия. *Задача устрашения состоит именно в возбуждении такого мотива поведения, который, вступая в борьбу с иными мотивами, должен преодолеть их и склонить субъекта к требуемому правомерному поведению. Как правило, это мотив страха перед неблагоприятными последствиями неповиновения.*

Но об этом, видимо, можно говорить только применительно к тем преступлениям, совершению которых предшествует определённый расчёт, взвешивание «за» и «против», т. е. борьба мотивов. Поэтому совершенно прав К.А. Сыч, утверждая, что «страх... чтобы иметь значение действенного мотива, способного изменить поведение человека, удержать его от общественно опасного поступка, должен быть реальной категорией, оказывающей постоянное влияние на сознание лица»¹.

Степень устрашающего воздействия зависит от уровня социально-нравственной запущенности субъекта. Несомненно, чем больше «запущен» индивидум в этом отношении, а значит, меньше социализирован, тем сложнее воздействовать на него угрозой наказания. На граждан, более образованных и более нравственных, мягкие наказания, т. е. меньшая доза устрашения, могут производить такое же действие, как жестокие наказания на граждан другой страны, отличающихся грубостью, дикостью и невежеством. Поэтому следует с пониманием относиться к тем государствам, которые сегодня отказываются уничтожить смертную казнь, а также предусматривают более жёсткие уголовные наказания, по сравнению со странами Запада, за одинаковые по характеру и тяжести преступления.

Многие учёные на Западе, а в последнее время и российские учёные, говоря о «кризисе наказания», т. е. о бесполезности и неэффективности устрашения, напрямую связывают это с состоянием преступности. При этом, как правило, тезис о низком общепредупредительном воздействии устрашения подменяется совершенно другим — о низком воздействии одного из наказаний — смертной казни. Так, например, Н.С. Таганцев в своё время писал: «Оттого-то жизнь и не оправдала надежд, возлагаемых на смертную казнь: она

¹ Сыч К.А. Указ. соч. С. 16–17.

Казнь. Гравюра XVII в.

повсюду, как доказывают статистические данные, остаётся без всякого влияния на рост преступности»¹.

Но вот именно эта прямая «увязка» и является, на наш взгляд, глубокой ошибкой. Наказание выполняет свою роль в системе мер борьбы с преступностью настолько, насколько это возможно. Мы не думаем, что где-либо были приведены убедительные доказательства уменьшения преступлений вследствие смягчения уголовной репрессии. Ещё менее вероятны доказательства того, что смягчение наказания имело последствием увеличение преступлений. А ведь этого достаточно, чтобы с позиции устрашения объявить себя противником усиления или же сторонником смягчения наказания без научного основания. Поэтому попытки непосредственно связать цифровые показатели о числе совершённых

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 2. М., 1994. С. 188.

преступлений только с одним обстоятельством — усилением или смягчением устрашения — несостоятельны, ибо здесь действуют и многие другие факторы.

Конечно, наказание не останавливает всех преступников, подобно тому как медицина не вылечивает всех больных. Несомненно одно: борьба с преступностью может быть успешной лишь при сочетании экономических, социально-культурных, воспитательных и правовых мер. Наказанию оставим ту роль, которая ему присуща: роль одного из способов защиты общества от преступлений. Нельзя забывать, что динамика преступлений определяется более важными законами социальной жизни того или иного государства.

Теперь о смертной казни, точнее, о её устрашительной, предупредительной силе.

Долгие годы среди учёных и общественных деятелей не прекращались споры в отношении того, имеет ли право на существование такое наказание, как смертная казнь. Этой проблеме были посвящены тысячи работ. Сегодня почти во всех странах, как сохранивших смертную казнь, так и отказавшихся от неё, время от времени вспыхивает острая полемика. Это касается европейских стран, Соединённых Штатов Америки, государств постсоветского пространства. Так, например, в английский парламент, после окончательной отмены смертной казни в 1969 г., 18 раз вносились предложения о её восстановлении.

Смертная казнь существовала у самых различных народов на всех ступенях культурно-исторического развития, при всех религиях и условиях жизни. В Средние века до XVII в. насчитывается более 20 видов применяемых казней, в том числе: кипячение в масле, вине или воде, колесование, четвертование, распятие, сожжение, закапывание живьём и т. д.

Как сторонники, так и противники смертной казни встречались ещё в древние времена. Так, в 427 г. до н. э. Диодат убедил Афинскую ассамблею изменить решение о

казни всех мужчин восставшего города Митилена, приведя аргументы, которые используются и в современных спорах, а именно: смертная казнь не удерживает от совершения новых преступлений.

В нашу задачу не входит рассмотрение всех «за» и «против» смертной казни. Об этом сказано достаточно много, особенно после появления трудов Ш. Монтескье и Ч. Беккариа. Так, Ш. Монтескье не отрицал смертной казни, но требовал значительного её сокращения, допуская её лишь при совершении важнейших государственных преступлений, убийств и покушений на убийство. Такая позиция автора была связана с объективной природой самой смертной казни как уголовного наказания. «Смертная казнь, — писал он, — извлечена из природы вещей, она построена из разума и из самого источника добра и зла. Гражданин заслуживает смерти, если он нарушил безопасность до такой степени, что лишил кого-нибудь жизни или покушался это сделать. Смертная казнь является тут как бы лекарством для больного общества»¹.

Ч. Беккариа считал, что смертная казнь — это бессцельная расточительность наказания, не способная сделать людей лучше. «Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подаёт людям пример жестокости»².

Кстати, ещё Платон допускал смертную казнь лишь как крайнее средство по отношению к неисправимым преступникам, когда все другие наказания оказываются бессильными. История свидетельствует, что сомнения в целесообразности смертной казни, высказанные Платоном, а затем Ш. Монтескье, Ч. Беккариа и многими выдающимися умами человечества, представлялись ересью среди не только философов и юристов, но и многих других видных деятелей различных направлений. Но с каждым десятилетием число таких меч-

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 320.

² Беккариа Ч. Указ. соч. С. 129.

тателей, сомневающих­ся возра­стало; их до­во­ды по­лу­ча­ли всё бо­лее и бо­лее прак­ти­че­ский ха­рак­тер.

Вы­да­ю­щий­ся рус­ский учё­ный-ю­ри­ст Н.С. Та­ган­цев пи­сал: «Не на­до бы­ть про­ро­ком, что­бы ска­зать, что не­да­ле­ко то вре­мя, ко­гда смер­тная казнь ис­че­знет из у­го­лов­ных ко­дек­сов, и для на­ших по­том­ков са­мый спор о её це­ле­со­об­раз­но­сти бу­дет ка­зать­ся столь же стран­ным, ка­ким пред­став­ля­е­тся те­перь для нас спор о не­об­хо­ди­мо­сти и спра­вед­ли­во­сти ко­ле­со­ва­ния или сож­же­ния пре­ступ­ни­ков»¹.

В на­у­ке мно­гие при­зна­ют, что су­ще­ст­ву­ет факт ге­не­ти­че­ской свя­зи на­ка­за­ния в ви­де смер­тной каз­ни с обы­ча­ем кро­вной ме­сти. Пред­став­ля­е­тся, что та­кой под­ход яв­ля­е­тся оши­бо­чным, по­сколь­ку кро­вная ме­сть ха­рак­те­ри­зу­е­тся та­ки­ми при­зна­ка­ми, ко­то­рые не мо­гут бы­ть ха­рак­тер­ны для смер­тной каз­ни. Кро­вная ме­сть счи­та­лась мо­раль­ным дол­гом, не­вы­пол­не­ние ко­то­ро­го влек­ло по­зор. В от­ли­чие от смер­тной каз­ни как воз­ме­з­дия, кро­вная ме­сть прес­ле­ду­ет цель под­дер­жа­ния ав­то­ри­те­та ро­да, пле­ме­ни, се­мьи. Кро­ме то­го, кро­вная ме­сть не пред­ус­ма­три­ва­ла обя­за­тель­ность со­раз­ме­ре­ния ме­жду вре­дом и ме­стью. За оби­ды мо­жно бы­ло да­же от­ку­пить­ся. Ес­ли об­ъ­ек­том смер­тной каз­ни вы­сту­па­ет не­по­сред­ст­вен­но сам пре­ступ­ник, то об­ъ­ек­том ме­сти мо­г бы­ть не толь­ко сам оби­д­чик, но и лю­бой член дан­но­го ро­да, пле­ме­ни, се­мьи и т. д. И­так, ис­точ­ни­ком кро­вной ме­сти яв­ля­ют­ся обы­чаи и нра­вы то­го или ино­го на­ро­да, а смер­тной каз­ни — ох­ра­на об­ще­ст­вен­ных и част­ных ин­те­ре­сов.

Ко­му же сле­ду­ет при­пи­сать от­ме­ну смер­тной каз­ни: бле­стя­щим фи­ло­со­ф­ским умам, вы­да­ю­щим­ся юри­стам или же даль­но­ви­д­ным го­су­дар­ст­вен­ным де­я­те­лям? По­ла­га­ем, что луч­ше, чем А.Ф. Кис­тя­ков­ский, на этот во­прос дать от­вет мы не в со­сто­я­нии: «Глав­ная за­с­лу­га от­ме­ны смер­тной каз­ни дол­жна бы­ть при­пи­са­на ко­рен­ным пе­ре­ме­нам, со­вер­шив­

¹ Та­ган­цев Н.С. Ука­з. соч. С. 190.

шимся в умственной, общественной и экономической жизни народов, переменам, в осуществлении которых принимали участие не единицы, а миллионы, и что этому, а не другому фактору обязаны своим появлением даже блестящие философские умы, защищавшие святость жизни человеческой»¹.

Среди аргументов сторонников немедленной отмены смертной казни один из основных всегда сводился к тому, что это наказание не имеет предупредительного значения. Хотя самым сильным доводом против этого наказания. Г.Д. Тард считает не соображения его бесполезности для общества, а то моральное и эстетическое отвращение, которое оно вызывает: «Я долго пытался преодолеть в себе чувство ужаса перед смертной казнью и не мог»².

Идея устрашающего воздействия смертной казни и эффективного её воздействия на сокращение преступности вызвала глубочайшие сомнения ещё 2500 лет тому назад. Г. Ашаффенберг пишет: «Самые драконовские законы — казни огнём и мечом, колесование и виселицы — не уничтожили преступления. Там, где устрашение не оказывает своего действия, должны быть приняты другие меры»³.

Утверждать, будто люди не боятся смерти, — значит утверждать ложь, восставать против природы, заявлять верх бессмыслицы. А.Ф. Кистяковский совершенно справедливо отмечает, что «нет ничего нагляднее, проще и очевиднее, как устрашимость смертной казни. Человек чувствует ужас при одном мысленном представлении этого наказания»⁴.

Жизнь — самое ценное благо, которое есть у человека. Как писал на заре гуманизма Т. Мор, «человеческую жизнь

¹ Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000. С. 32.

² Тард Г.Д. Указ. соч.

³ Ашаффенберг Г. Преступление и борьба с ним. М., 2010. С. 207.

⁴ Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 55.

по её ценности нельзя уравновесить всеми благами мира»¹. Страх смерти — серьёзный барьер для преступника. Даже исходя из обычного здравого смысла, люди боятся смерти более других видов наказания, а следовательно, смертная казнь сдерживает преступников больше, чем какое-либо другое наказание. В.А. Жуковский писал: «Казнь — не что иное, как представитель строгой правды, преследующий зло и спасающий от него порядок общественный, установленный самим Богом. Смертная казнь, как угрожающая вдали своим мечом Немезида, как страх возможной гибели, как привидение, преследующее преступника, ужасна своим невидимым присутствием, и мысль о ней воздерживает многих от злодейства»². Поэтому доводы о том, что смертная казнь совершенно не страшна, потому что она есть удел каждого, и что разные мудрецы считали её успокоением, а также физиологические соображения о безболезненности и даже некоторой приятности отнятия жизни посредством гильотины или виселицы, хотя бы они в научном отношении и были справедливы, по мнению А.Ф. Кистяковского, противоречат общему ощущению, общей настроенности³.

Без сомнения, главная устрашительная сила смертной казни заключается в её публичности, в обстановке, в том, что она прямо и непосредственно действует на зрителей. Поэтому когда-то, в частности в период Средневековья, сама казнь исполнялась не только публично, но, по возможности, на площадях при большом стечении народа или на перекрёстках больших дорог, где трупы казнённых были бы издали видны проходящим. Такое исполнение смертной казни не считалось чем-то позорным, а, наоборот, признавалось совершенно нормальным явлением. Это свидетельствует

¹ Мор Т. Утопия. М.; Л., 1958. С. 68.

² Жуковский В.А. О смертной казни // Сочинения. Т. XI. СПб., 1857. С. 186.

³ Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 57.

о том, что отношение к смертной казни как мере наказания в то же время выступает показателем уровня социального и культурного развития общества.

Само собой разумеется, что в современных цивилизованных странах это невозможно. Тем не менее даже наличия в законодательстве этой меры наказания достаточно, чтобы удерживать если и не всех, то многих или, по крайней мере, некоторых от совершения особо тяжких насильственных преступлений и умышленных убийств.

Итак, мы считаем, что такое уголовное наказание, как смертная казнь, есть способ устрашения преступников, имеющий благородные цели избавления человечества от самых жестоких преступлений, осуществляемый в то же время отнюдь не благородными и гуманными средствами. Ведь проблема смертной казни — проблема не столько уголовно-правовая, сколько гуманитарная, философская, рассматриваемая с позиций основных прав человека. Поэтому правовое наказание не должно нарушать ни одного права человека, а так как человек имеет право на жизнь, следовательно, наказывать человека смертью есть несправедливость. Таким образом, отрицая смертную казнь с позиций справедливости, мы, тем не менее, утверждаем, что эта мера уголовного наказания, как и все остальные, обладает качеством *устрашения*.

Так, например, если в России в 1998 г., когда приговоры к высшей мере наказания ещё выносились, прирост убийств составил 0,9%, то в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, этот прирост достиг уже 4,4%. Количество зарегистрированных убийств увеличилось и в 2000 г. на 2,2%.

Справедливость смертной казни может быть признана только тогда, когда доказана её необходимость и незаменимость. И наоборот: справедливость смертной казни подвергается сомнению, если доказана её нецелесообразность и заменимость. Существует ошибочное, на наш взгляд, мнение о том, что отказ законодателя от смертной казни как меры

наказания за наиболее тяжкие преступления и убийства не соответствует представлениям о справедливости, сложившимся в массовом общественном сознании.

История свидетельствует, что именно искажённое представление о справедливости как этической категории всегда было серьёзным препятствием для полной отмены смертной казни. Мало того, ссылаясь на понятие справедливости, даже приводились доводы в пользу расширения применения смертной казни, что, якобы, удовлетворяет чувство гнева, с которым население воспринимает рост преступности, и в частности насильственной. Если бы человек оперировал неизменяющимся понятием справедливости, то он давным-давно окончательно решил бы вопрос о смертной казни. Именно исходя из произвольно составленного понятия справедливости, люди в результате пришли к совершенно противоположным выводам о смертной казни. Одни говорят, что смертная казнь есть святое учреждение, она соответствует требованиям и принципам справедливости. Другие доказывают, что смертная казнь — наказание противное; оно основывается на силе, а не на правде и гуманизме.

Серьёзным аргументом в пользу уничтожения смертной казни, какой бы устрашающей силой она ни обладала, является её заменимость. Ч. Беккариа отмечал: «Я не вижу никакой необходимости уничтожать гражданина, если только смерть его не будет действительным и единственным средством удержать других от совершения преступления»¹.

Представляется, что смертную казнь, может быть, имеет смысл применять, если в распоряжении общества нет другого, более гуманного средства, дающего не меньший устрашающий эффект. Таким средством является пожизненное лишение свободы, которое применяют в настоящее время во многих странах взамен смертной казни. И.В. Лопухин в

¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 126.

своих записках писал, что «тяжкие наказания и заточения, употребляемые вместо смертной казни, при способах... исправления наказуемых, сохраняя их всегда на полезную для государства работою службу, столь же могут примером устрашать и удержать от злодеяния, если ещё не больше, чем смертная казнь»¹.

По этому поводу весьма прогрессивную мысль высказала в своё время Екатерина Вторая: «Смерть злодея слабее может воздержать беззакония, нежели долговременный и непрерывно пребывающий пример человека, лишённого своей свободы для того, чтобы наградить работою своею чрезо всю его жизнь продолжающуюся вред им сделанный обществу. Ужас, причинённый воображением смерти, может быть гораздо силён, по забвению в человеке природному иной противостоять не может. Правило общее: впечатления во человеческой душе, стремительные и насильственные, тревожат сердце и поражают, но действия их долго в памяти не остаются. Чтобы наказание было сходно с правосудием, то не должно тому иметь большей степени напряжения, как только, чтоб оно было довольно к отвращению людей от преступления. Итак, я смело утверждаю, что нет человека, который бы хотя мало подумавши, мог положить в равновесие, с одной стороны, преступление, какие бы оно выгоды ни обещало; а с другой — всецело и со жизнью кончающееся лишение вольности»².

Таким образом, хотим напомнить сторонникам смертной казни, что пожизненное лишение свободы, заменяющее исключительную меру наказания, является достаточно суровым устрашающим воздействием, чтобы удержать от преступления и самого решительного человека. Однако следует признать, что страх перед смертной казнью сильнее, чем перед

¹ Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного советника сената И.В. Лопухина, сочинённые им самим. М., 1860. С. 8.

² Наказ Её Императорского Величества Екатерины Второй. СПб., 1820.

пожизненным лишением свободы. Этот факт бесспорный, хотя некоторые с этим не согласны. Преступник, которого ведут к исполнению смертной казни, предпочёл бы самое жестокое и длительное лишение свободы, самые тяжкие работы и условия отбывания, но не смертную казнь. Поэтому надо признаться, что страх даже пожизненного лишения свободы не может удерживать от совершения преступлений в такой степени, в какой смертная казнь. Однако это обстоятельство ещё не оправдывает существования смертной казни. Для эффективного устрашения следует, чтобы наказание в виде пожизненного лишения свободы было публичным, т. е. члены общества были информированы об условиях отбывания наказания.

Без сомнения, исполнение наказания, в особенности лишение свободы, фактически оказывает устрашающее воздействие на граждан, т. е. реальное применение наказания подкрепляет превентивное воздействие, убеждая всех в неотвратимости и неизбежности наказания. Поэтому мы категорически не согласны с С.И. Кургановым, утверждающим, что «если воздействие угрозы наказания характеризует механизм достижения цели общей превенции, то воздействие реально исполняемого наказания — цели частной превенции»¹.

Угроза наказания без реального исполнения никогда не может оказать устрашающего воздействия на людей, ибо карательное содержание наказания, т. е. реальная угроза, связано именно со страданием, ограничениями, болью, которые могут быть причинены и ощущаемы только в процессе исполнения наказания. Кроме того, наказание следует понимать не только в форме уголовно-правовой санкции, предусмотренной в законе, но и как сложное явление, состоящее из наказания в виде угрозы его назначения и исполнения. Наказание — система, образующаяся именно из этих отдельных институтов. Но лишение свободы как вид

¹ Курганов С.И. Указ. соч. С. 173.

наказания может иметь общепредупредительное значение тогда, когда порядок его исполнения способен оказывать устрашающе-сдерживающее влияние на сознание граждан общества. Порядок этот определяется режимом, т. е. укладом, образом жизни осуждённого, его поступками и поведением в целом. От того, насколько режим совершенен и целесообразен, упорядочен и стабилен, в немалой степени зависит эффективность устрашительного воздействия исполнения данного вида наказания, а значит, достижение конечной цели — предупреждения преступности.

В принципе, реализация режима лишения свободы — это, прежде всего, целенаправленный карательный процесс. Именно за счёт своих карательных элементов режим, причиняя страдания и лишения заключённому, выполняет задачу устрашения, так как страх перед неприятными последствиями преступления оказывает сдерживающее влияние на людей. Поэтому эффект устрашающего воздействия исполнения наказания был бы несомненнее, если бы больше внимания уделялось разъяснению порядка и условий отбывания лишения свободы среди населения в реальности. Люди должны знать, что их ждёт в местах лишения свободы после совершения преступления, что им придётся терпеть, какие карательные ограничения существуют во время отбывания наказания. Желательно также, чтобы это наказание исполнялось в месте совершения преступления. Но самое главное — следует обеспечить чувствительность этой меры наказания. При соблюдении этих условий устрашающее воздействие пожизненного лишения свободы будет максимально приближено к смертной казни. «Как ни сильно впечатление, производимое смертной казнью, — отмечал Ч. Беккариа, — оно подлежит быстрому забвению, свойственному человеку даже в наиболее важных делах, в особенности под влиянием страстей»¹.

¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 126.

Чувства страха, переживания, страдания при пожизненном лишении свободы появляются не сразу, а по прошествии определённого времени, когда преступник полностью начинает осознавать значение и суть этого наказания. После наступает период, когда он смиряется с реальностью и судьбой на оставшуюся часть жизни.

Можно ли назвать гуманной мерой пожизненное заключение? Без сомнения, по сравнению со смертной казнью эта мера гуманная.

И.И. Карпец, напротив, полагает, что заменить смертную казнь пожизненным заключением — не значит сделать добро¹.

Не есть ли пожизненное заключение пожизненным мучительством? Вправе ли государство узаконивать мучительство, нравственно ли это?

Любое наказание отличается своим внутренним содержанием, такими свойствами, которые обязательно связаны с определёнными лишениями, страданиями, потерями и т. д. Без этих качеств наказание теряет своё значение и социальную полезность.

Мучительство — это не цель, а компонент содержания наказания, без которого невозможно достижение цели предупреждения преступности. Чего хочет достичь государство этой мерой? Когда преступность наступает нагло и массированно, когда отдельные её виды приобретают опасный характер, тогда общество имеет право, по выражению А. Франка, сказать: «Жизнь твоя стала опасною для жизни твоих близких, так как ты не признаёшь за ними права жить, она перестала быть священной для меня, потому что ты злоупотребляешь ею, она не принадлежит больше тебе самому; я приношу её в жертву моему праву, спокойствию и безопасности»².

¹ См.: Карпец И.И. Польза или зло? // Смертная казнь: За и Против. М., 1989. С. 361.

² Франк А. Философия уголовного права. СПб., 1868. С. 195.

Предупредительно-устрашительным воздействием обладает также второй этап динамического процесса, в результате которого реализуется объективно необходимый элемент содержания наказания — справедливое возмездие за совершённое деяние. На данном этапе преступнику приходится отвечать за конкретное преступное деяние, т. е. держать ответ за свой поступок. Это необходимо для восстановления чувства справедливого возмездия (не мести), ибо в противном случае нам бы пришлось столкнуться с диким самосудом, мстью, так как никто из нас не согласился бы, чтобы совершивший преступление не испытал бы страдания и боль. С другой стороны, справедливое воздаяние является важнейшим устрашительным средством предупреждения преступлений. Какова бы ни была угроза уголовного наказания в виде санкции, без практического осуществления, реализации справедливого воздаяния достижение конечной цели наказания невозможно. Общество должно знать, что угроза наказания не просто существует на бумаге, а реально применяется органами государственной власти в лице судебных органов. Достижение цели предупреждения преступлений поэтому зависит не только от правильного построения уголовно-правовых санкций, но и во многом от того, насколько действенным оказался приговор суда, в котором определяется справедливое воздаяние. От этого в значительной мере зависит также эффективность третьего, последнего, этапа процесса реализации содержания наказания — исполнения наказания. Разумеется, речь идёт не о применении к преступникам повышенных мер уголовного наказания, а о том, чтобы суды назначали такое наказание, которое удовлетворяло бы социальным требованиям общества с учётом интересов личности преступника. В качестве средства достижения цели наказания выступает также карательно-воспитательное воздействие на осуждённых в процессе исполнения судебного приговора. Это этап динами-

ческого процесса реализации содержания наказания, т. е. элементов кары, которые обладают определёнными устрашительно-предупредительными качествами.

Кара как элемент содержания наказания реализуется именно при исполнении наказания. Все остальные мероприятия воспитательного характера не вытекают из сути и содержания наказания, поэтому они не могут именоваться карательным воздействием. Эти меры воспитательного воздействия применяются не за то, что лицо совершило преступление, а потому, что исполнение карательного воздействия нуждается в дополнительных сознательных мероприятиях в целях достижения предупреждения преступлений. Реализация кары является преднамеренным причинением осуждённому определённых лишений, страданий, ограничений, в зависимости от вида наказания, а меры воспитательного воздействия не есть лишение осуждённого каких-либо благ и по своим объективным свойствам не являются источником страданий. Поэтому всё, что находится за пределами содержания наказания и применяется в процессе исполнения наказания, образует в своей совокупности так называемые меры воспитательного характера.

В науке уголовного и исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права по этому вопросу отсутствует единство мнений, что привело учёных к острой полемике. Суть разногласий заключается в следующем: исчерпывается ли содержание наказания одной лишь карой, или она дополняется элементами воспитания. На первый взгляд может показаться, что этот вопрос носит только теоретический характер. Однако необходимо иметь в виду, что от решения этой проблемы зависит эффективность реализации уголовной и уголовно-исправительной политики, построение многих институтов уголовного и уголовно-исполнительного права, характер деятельности учреждений по исполнению наказаний. В итоге, по вопросу содержания наказания одни авторы

полагают, что наказание складывается из двух частей — кары и воспитания¹. Так, например, А.И. Коробеев, А.В. Усс и Ю.В. Голик пишут: «Не вызывает сомнений тот факт, что наказание обладает воспитательным потенциалом и может оказывать на лиц, его претерпевающих, позитивное, исправительное влияние»².

Другие считают, что наказание является карой за совершённое преступление и что включать в его содержание меры воспитания нелогично³.

В конечном счёте авторы, примыкающие к первой группе, заключают: 1) если кара не дополняется воспитанием или если воспитание применяется без кары, то и в первом, и во втором случаях наказания нет; 2) никакое наказание, лишённое элементов воспитания, не способно достичь поставленных перед ним целей; 3) наказание, являясь по своему содержанию карой, влечёт за собой устрашение, так как содержит элемент страдания в результате того, что человек претерпевает какие-то лишения. В то же время, являясь воспитанием, наказание влечёт за собой убеждение; 4) кара не

¹ См.: *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения в ИТУ. С. 53–61; *Ной И.С.* Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 25–26; *его же.* Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов, 1965. С. 29–48; *его же.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. С. 21–25; *Шаргородский М.Д.* Курс советского уголовного права. Т. II. Л., 1970. С. 201; *Осинов П.П.* Указ. соч. С. 67–69.

² *Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В.* Указ. соч. С. 128.

³ См.: *Стручков Н.А.* Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства. С. 34–35; *его же.* Уголовная ответственность и её реализация в борьбе с преступностью. С. 55–58; *Ненашев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 16–18; *Ненашев А.Е.* Новые работы по исправительно-трудовому праву // Социалистическая законность. 1963. № 10. С. 93; *Ременсон А.Л.* Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключённых. С. 12–18; Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. М., 1977. С. 5–8; и др.

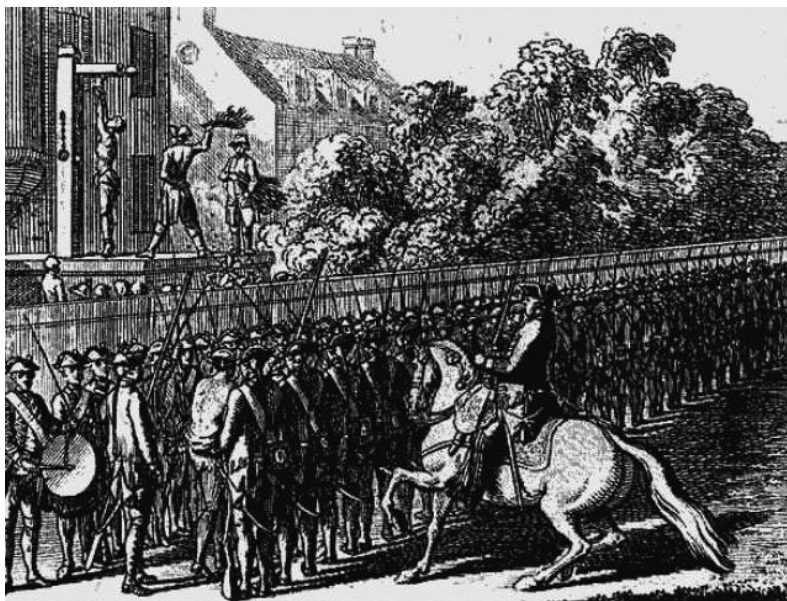

воспитывает и не может воспитывать человека в том смысле, который вкладывается в понятие воспитания.

Сторонники противоположной точки зрения приходят к следующим выводам: 1) сущность и содержание любого вида наказания — только кара. Без кары нет наказания; 2) средства и методы достижения целей наказания сводятся к режиму, так как в режиме выражается кара; 3) такие средства, как труд, политико-воспитательная работа, общеобразовательное обучение и профессионально-техническая подготовка, лежат за пределами содержания наказания и образуют сопутствующий его исполнению процесс исправительно-трудового воздействия (при лишении свободы); 4) в тех случаях, когда самого наказания, содержащего в себе только элементы кары, недостаточно, чтобы исправить и перевоспитать преступника, к нему присоединяются меры исправительно-трудового воздействия: трудовое воспитание, вовлечение в общеобразовательную учёбу, проведение политико-воспитательных мероприятий и т. д., которые, однако, в содержание наказания не входят.

Мы исходим из того, что содержание наказания не находится в зависимости от того, как его сформулировал законодатель в законе и какие цели он перед ним поставил. По своему внутреннему содержанию наказание, помимо элементов возмездия и страха, состоит из кары. И законодатель не в состоянии «очистить» наказание от этих свойств или добавить какие-то элементы воспитания.

Постановка перед наказанием цели исправления абсолютно не свидетельствует о том, что в содержании наказания имеются элементы воспитания. Цель исправления стоит не перед наказанием, а перед исполнением наказания, что не одно и то же. Понятно, что одними карательными мерами невозможно положительно воздействовать на личность осуждённого, ибо «кара, т. е. причинение лишений, введение правоограничений, словом, — причинение ущерба

Наказание штицрутенами. Гравюра XVIII в.

личным интересам осуждённых, не может рассматриваться в качестве средства воспитания. Кара не воспитывает, она подавляет, устрашает и, в лучшем случае, вырабатывает конформность поведения»¹.

Угроза карой не может воспитывать, изменять сознание, укреплять моральные чувства, способствовать осознанию моральной порочности преступлений. Кара, если её рассматривать как средство воздействия на личность осуждённого, может способствовать достижению предупредительной, но не воспитательной цели. Таким образом, карательное и воспитательное воздействие — это относительно самостоятельные явления, имеющие различную правовую природу. Меры

¹ *Осипов П.П.* Теоретические проблемы построения и применения уголовно-правовых санкций. С. 68.

воспитательного воздействия не входят в содержание наказания, а соединяются с ним в едином процессе исполнения карательно-воспитательного воздействия на осуждённых в целях достижения цели предупреждения преступлений.

Единство карательных и воспитательных элементов в достижении поставленной цели наиболее ярко показано на примере лишения свободы. Включаясь в целостную систему, они образуют качественно новое явление — карательно-воспитательное воздействие, состоящее из элементов кары и воспитания. Итак, в процессе исполнения наказания решаются две относительно самостоятельные и в то же время очень тесно взаимосвязанные между собой задачи — реализация карательных элементов, а также организация воспитательного воздействия, которая является сопутствующим наказанию мероприятием.

С помощью решения первой задачи мы информируем население о тех элементах кары, которые ей присущи, и, тем самым, стремимся в максимальной степени достичь цели предупреждения преступлений со стороны неустойчивых членов общества. Это уже реальная угроза наказанием. И вряд ли найдётся какой-либо человек, который не знал бы о существовании мест лишения свободы и о тех условиях, в которых преступник отбывает наказание.

Наказание в процессе реализации карательного воздействия причиняет осуждённому определённые страдания. Именно это свойство является необходимым признаком кары как элемента содержания наказания. При этом следует подчеркнуть, что страдание — не цель наказания, а свойство кары, т. е. её неотъемлемая характеристика и качество. И то, что преступника следует поражать в его чести, так же как и в его имуществе и свободе, что нравственные страдания должны соединяться со страданиями физическими, — совершенно справедливо, поскольку само совершение преступления уже бесчестит преступника. При этом мы

прекрасно понимаем, что страдание не должно быть бесчеловечным и бесцельным мучением.

А. Франк писал: «Унижение не должно заходить до крайности, до того, чтобы уничтожить последнюю искру чести в преступнике. Нельзя также допустить, чтобы унижение одних становилось более зрелищем и праздником для других, чем уроком»¹. В то же время, как справедливо отмечал Э. Ферри, «мы решительно противимся ниспровержению всех принципов общественной справедливости, при котором тюрьмы становятся более удобным и комфортабельным помещением, чем жилища честных, но бедных людей»².

Рассматривая эту проблему, нельзя не коснуться точки зрения Н. Кристи, который ставит и пытается решить вопрос о пределах причинения боли и страданий при применении наказания. Он пишет: «Одно из правил, которому нужно было бы следовать, таково: если есть сомнение, то нельзя причинять боль. Другое правило должно состоять в том, чтобы причинять как можно меньше боли. Ищите альтернативу наказанию, а не альтернативные наказания»³.

История применения наказания свидетельствует о постепенной его гуманизации, т. е. об ограничении боли и страданий, хотя от этого в деле борьбы с преступностью лучше не стало. В современных местах отбывания наказания такие феномены, как боль и страдание, составляющие содержание кары, близки к исчезновению. Но ведь постепенное уменьшение этих компонентов наказания в конечном счете может привести к некарательному воздействию, а значит, к вытеснению устрашения как средства достижения предупреждения преступлений. Без сомнения, наказание, назначаемое и исполняемое, представляет собой сознательное причинение

¹ Франк А.Д. Философия уголовного права. С. 61.

² Ферри Э. Указ. соч. С. 270–271.

³ Кристи Н. Указ. соч. С. 22.

боли и страдания. Но это совсем не месть, а справедливое воздаяние. И сегодня мы не можем отказаться от него, иначе наказание не достигнет своего назначения.

Что же такое страдание? Страдание относится к числу тех понятий, реальный жизненный смысл которых, как нам кажется, ясен даже для обыденного сознания. Однако оно имеет противоречивое, сложное содержание. **В психологическом** плане страдание — это особое переживание, связанное с ощущением неудовольствия. **В социальном** отношении страдание представляет собой результат отчуждения, непризнанности другими. В плане **религии** страдание — чисто религиозное учение, не выходящее за грань религии и не входящее в повседневную жизнь. Поэтому это явление считают связанным исключительно с отношением людей с Богом, но никак не между людьми. Значит, страдание — это жертва чему-то высшему, божественному, святому. Страдание можно также трактовать как претерпевание. **В юридическом** аспекте страдание понимается как результат совершенного зла или же как средство достижения цели наказания.

Страдание — совокупность крайне неприятных, тягостных или мучительных ощущений живого существа, при котором оно испытывает физический и эмоциональный дискомфорт, боль, стресс, муки и т. д. Понятно, что причинами страданий могут быть различные обстоятельства — любовь, болезнь и т. д. Такого рода страдания не носят принудительного характера со стороны государства, т. е. это не принудительное страдание, а естественное человеческое чувство.

Страдание как признак, свойство кары отличается именно принудительным характером, ибо оно осуществляется помимо воли самого человека, в особых для этого условиях. Поэтому от такого страдания необходимо отделять нравственные муки, угрызения совести, испытываемые преступником,

хотя бы они были столь велики, что для их прекращения он спешил отдаться в руки правосудия, чтобы выстрадать свою вину¹. Именно благодаря страданию лицо, совершившее зло, должно искупить свою вину, осознать ошибочность своего поведения, понять привлекательность и прелесть жизни на свободе. Страдая, осуждённый глубже ощущает противоречия и парадоксы жизни, осознаёт зло и добро, переосмысливает свои поступки. Такое утверждение основывается на том, что страдание, как объясняет наука психология, способно производить в душе человека положительное действие, способствовать развитию смирения, кротости, послушания, доброты и милосердия. Страдание способствует также проявлению инициативности преступника, в частности в процессе перевоспитания и самовоспитания. В то же время следует отметить, что страдание — угрожающее здоровью человека состояние, приводящее к неврозам и психозам.

Гораздо сложнее организация воспитательного воздействия, ибо здесь речь идёт об устранении, ликвидации в личности осуждённого тех черт и свойств характера, которые привели его к совершению преступления. В связи с этим, естественно, возникает вопрос об объекте воздействия наказания при его исполнении. Имеются различные мнения по этому вопросу. Так, например, И.И. Карпец полагал, что в качестве объекта наказания выступают все блага, присущие человеку как социальному существу: жизнь, тело, имущество, свобода, честь, достоинство².

Более широко понимают объект уголовного наказания А.И. Чупаев и А.П. Фирсова: «Под объектом уголовно-правового воздействия следует понимать правовой статус личности, представляющий собой правовое положение

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1902. С. 824, 949, 957.

² Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 81.

человека в обществе и государстве, состоящее из совокупности принадлежащих ему прав, свобод и обязанностей»¹.

Совершенно в иной плоскости, в более узком значении определяет объект наказания И.М. Гальперин, рассматривая в этом качестве личность преступника в её криминологическом смысле².

Ещё одно высказывание: «Общим объектом уголовного наказания являются охраняемые законом юридические благо лица, лишение или ограничение которого — кара за совершённое им преступление»³.

Вначале следует отметить, что объект выступает одной из фундаментальных философских категорий. В гносеологии под объектом понимают то, на что направлена познавательная субъективная активность. Именно из этого принципиального положения философии следует исходить при ответе на вопрос: что является объектом карательно-воспитательного воздействия в процессе исполнения наказания? Представляется, что объектом карательного воздействия являются те ограничения и лишения определённых благ и прав, которые предусмотрены приговором суда и условиями отбывания наказания в местах лишения свободы. Поэтому они не могут быть объектом воспитательного воздействия, ибо эти элементы входят в содержание наказания. Помимо объекта воздействия при исполнении наказания следует также учитывать предмет, который рассматривается как аспект, сторона объекта, находящаяся в области интересов конкретного исследования, то, что выделено из объекта в процессе его преобразования при вы-

¹ Чупаев А.И., Фирсова А.П. Указ. соч. С. 162.

² Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983. С. 46.

³ Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав. Теоретико-методологические объекты исследования: Дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2001. С. 300.

полнении внутреннего и внешнего действия. Предметом воспитательного воздействия в процессе исполнения наказания является качество личности, способствующее совершению преступления. Таким образом, получается, что объектом карательно-воспитательного воздействия является личность осуждённого, с ее отрицательными, вредными, антиобщественными качествами.

Практика свидетельствует, что причины, по которым устрашающее действие наказания не оказывает должного влияния на население, и в особенности на уже наказанных, различны. Прежде всего они кроются в самом исполнении наказания, которое при ближайшем знакомстве в значительной степени утрачивает свой устрашающий характер.

Удивляешься, когда узнаёшь, что история тюрьмы как места заключения обычных правонарушителей насчитывает чуть более 200 лет и что эти учреждения были задуманы в Америке при осуществлении гуманных реформ. До этого преступник подлежал уничтожению или вечному изгнанию, но никак не сохранению, а тем более, исправлению. Вскоре после провозглашения независимости США группа пенсильванских квакеров решила покончить с обычным для воров, грабителей и бандитов наказанием — виселицей, а для мелких преступлений — с телесным увечьем, позорным столбом, поркой. Результатом их усилий было создание в 1790 г. в Филадельфии первого «пенитенциария» — тюрьмы на Уолнат-стрит. Основная функция пенитенциария состояла в изоляции преступника.

Однако пересозданием всей карательной системы мы обязаны Джону Говарду — автору классического сочинения, вышедшего в свет в 1777 г. под заглавием “State of prisons in England and Walles”. Этот труд справедливо ставят в один ряд с книгой Ч. Беккариа, поскольку вопрос о тюрьмах, т. е. о наказании, которому в будущем пришлось стать центром карательной системы, имел колоссальное уголовно-полити-

ческое значение. Говард посвятил всю свою жизнь служению делу улучшения тюремного заключения и превращения его в разумно поставленную карательную меру. В частности, он рекомендовал, чтобы тюрьмы строились на возвышенных и открытых местах, по возможности на берегу реки, которая во избежание сырости всё же не должна омывать тюремных стен. Последние не должны превышать высоты, необходимой для пресечения побегов, чтобы не препятствовать свободной циркуляции воздуха.

Джон Говард

В 1781 г. появляется книга Ж.-П. Бриссо де Варвилля “*Théorie*”, в которой он подробно рассмотрел тюремный вопрос. Трудно передать в нескольких словах богатое содержание его труда, посвященное тюремной реформе. Одна из основных идей его книги: «Надо карать для пользы общества, а не приносить виновных в жертву»¹.

Сейчас места лишения свободы — главная, почти единственная мера устрашения, и практически все попытки придумать какие-либо другие меры, которые носили бы характер кары, угрозы, устрашения, оказались, как известно, тщетными. Правда и то, что достаточно длительная история лишения свободы наглядно свидетельствует о его малоэффективности, а по мнению некоторых исследователей, — о несостоятельности. И законодатели, и судьи, и учёные-юристы, и, конечно же, работники мест лишения свободы окончательно разочаровались в этой мере наказания,

¹ *Brissot de Warville*. Указ. соч. Т. 1. Р. I–V, X.

которая не только не подготавливает людей к нормальной жизни на свободе, а, наоборот, делает их совершенно непригодными для этой жизни. Однако отказ от лишения свободы как меры наказания есть, вместе с тем, отказ от последней меры, которая располагает устрашающей силой. В полном объёме лишение свободы означает исключительную невозможность располагать собой и своими действиями, даже двигаться, как это было в древнем и средневековом праве. В современных условиях мы понимаем под лишением свободы определённое ограничение свободы распоряжаться собой, своими правами, но не полное их отнятие.

А.А. Пионтковский писал: «Всякое уголовное наказание по своему содержанию является причинением на основе судебного приговора определённого ущерба от имени государства правам и интересам лица, виновного в совершении “зла”, страдания. Это есть необходимое существенное свойство всякого наказания»¹. К сожалению, приходится констатировать, что современные места лишения свободы более не носят сильного устрашающего, сдерживающего характера, не говоря уже об исправительных возможностях.

Высказывание о том, что «исправительно-трудовые учреждения, решая главную поставленную перед ними цель — исправление и перевоспитание осуждённых, не могут одновременно выполнять и задачу устрашения»², в настоящее время представляет скорее декларацию, чем реальность. Система мест лишения свободы в том виде, в каком она существует сегодня, не может исправлять преступников, более того, при такой системе число рецидивистов возрастает. Наблюдается малоэффективность такого

¹ Пионтковский А.А. Основные аспекты теории наказания // Советское государство и право. 1969. № 7. С. 35.

² Елеонский В.А. Лишение свободы как наказание, соединённое с исправительно-трудовым воздействием: Учебное пособие. Рязань, 1975. С. 17.

воздействия, как устрашение и на самих осуждённых, и на других членов общества.

Нами было опрошено около 1000 осуждённых повторно, из которых 85% отметили слабую сторону исполнения наказания, т. е. его недостаточную карательность и строгость. Из 1500 граждан, никогда не совершавших преступления, 90% не имеют представления о тех ограничениях и страданиях, которые имеют место при исполнении наказания.

Тенденция к постоянному улучшению условий жизни в местах лишения свободы, основываясь на принципе гуманизма, приводит к полному исчезновению этого вида наказания по содержанию. Современные места отбывания наказания, в частности места лишения свободы, выглядят, скорее, как приличные мотели или «пионерские лагеря» для взрослых. Хорошее питание, спортивные занятия, практически неограниченные свидания и т. д. Всё это представляется как отдых за счёт налогоплательщиков, в том числе и тех, которые пострадали от преступных деяний. Нельзя забывать, что гуманизм исполнения наказания проявляется не в том, чтобы государство содержало в праздности лиц, совершивших преступления, а в том, что наказание, применяемое к преступникам, не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Иногда у людей складывается впечатление, будто бы в местах лишения свободы жизнь лучше, чем жизнь беженцев, а также определённой части населения. Получается, что преступление выгодно для преступников, которые находятся на иждивении государства.

Таким образом, можно иметь самые лучшие законы, профессиональных судей, выносящих справедливые приговоры, но если не будет нормальных, эффективных и настоящих мест лишения свободы, со способными работниками мест исполнения наказания, то, не задумываясь ни на минуту, закон можно бросить в корзину, а приговор — сжечь.

Ослабление режима исполнения наказания не может быть бесконечным. Причинение страданий и лишений менее того, что необходимо для устрашения, не может быть допущено, ибо такое устрашительное воздействие исполнения наказания полезно и его надо сознательно и правильно использовать в соответствии с требованиями гуманизма, не забывая при этом принцип социальной справедливости, учитывая интересы надёжной охраны всего общества.

Конечно же, речь не идёт о применении таких форм, методов, о которых высказывался один из начальников американской тюрьмы: «Наши методы могут показаться чрезмерно суровыми. Но самый быстрый, эффективный, наименее дорогостоящий способ воспитать человека — это причинять ему боль всякий раз, когда он ошибается, — то же самое, что с любым другим животным... Мы хотим, чтобы человек, выпущенный отсюда, был готов сделать всё, даже умереть, лишь бы не возвращаться сюда снова»¹. Между тем, возникает естественный вопрос: может быть, наша существующая система наказания несовершенна или слишком гуманна и поэтому не обладает соответствующей устрашительно-предупредительной силой?

Представляется, что наши уголовно-правовые санкции достаточно оптимальны и в целом по видам и размерам соответствуют мировым стандартам. Однако законодателю было бы целесообразно подумать об ужесточении санкций за некоторые умышленные преступления, а также за те, уровень которых в течение десятилетий не только не уменьшается, а, наоборот, показывает тенденцию к росту. Речь идёт об умышленном причинении тяжких телесных повреждений, преступлений, связанных с наркотиками, хулиганстве, воровстве и мошенничестве. В принципе, следует исходить из следующего положения: необходимо усилить наказание за

¹ Комсомольская правда. 1958. 9 марта.

те преступления, причины которых не зависят или в малой степени зависят от внешних социальных условий реальной действительности. И наоборот. Однако надо помнить, что любые рекомендации и предложения по совершенствованию уголовно-правовых санкций принесут пользу законодательным органам лишь в том случае, если они будут опираться на изучение широкого опыта применения наказания, что позволит избежать субъективизма при разработке и издании новых уголовных законов. Ведь может быть и так: само название достаточно эффективно, т. е. способно сдерживать субъектов, склонных к совершению преступления, а судебная практика снижает эту эффективность. Анализ карательной практики судов Азербайджана за последние 10 лет показывает, что процент назначения наказания в виде лишения свободы в среднем составляет 45%. Для сравнения: начиная с 1971 по 1989 г., т. е. до развала СССР, процент лишения свободы колебался в пределах 40–45%. Отметим, что отрицание возможной эффективности наказания в истории человечества и отдельных государств не может быть правильным. Речь может идти лишь об уровне эффективности. Поэтому в современных условиях, на наш взгляд, вопрос должен стоять иначе: каковы пути (меры) повышения эффективности уголовного наказания?

Таким образом, можно констатировать, что угроза наказания оказывает положительное воздействие на преступность. При этом под угрозой наказания следует понимать не только уголовно-правовую санкцию, но и справедливое воздаяние, которое осуществляется в процессе назначения наказания, а также практическое исполнение судебного решения. Устрашающая сила наказания выражается в их совокупности и единстве, ибо по отдельности, изолированно они функционировать не в состоянии. В то же время тот факт, что человек совершает преступления, означает, что он именно не был устрaшен и что при тех условиях, в которых он находился в момент совершения преступления, наказание

не в силах было утратить его. Поэтому следует подумать о совершенствовании устрашительного воздействия наказания. В любом случае, на вопрос, обладают ли наказания в действительности способностью защитить общество и в какой мере они ею обладают, можно ответить: наказание, без сомнения, обладает предупредительной силой, но не в той мере, которая бы нас устраивала. В связи с этим само собой возникает проблема эффективности наказания, к обсуждению которой хотелось бы обратиться. Иначе говоря, следует определить уровень соответствия результата наказания по отношению к намеченной реальной цели.

3. Эффективность наказания: «Цель — Результат»

Слово «эффективность» уходит своими корнями в латинское “effectus”, что означает «результат, следствие каких-либо причин, действий»¹. Философы под эффективностью понимают «меру целевой возможности»². Экономисты связывают эффективность с достижениями экономически выгодных результатов³.

Некоторые учёные пришли к выводу, что в силу взаимообусловленности социальных и экономических процессов понятие «эффективность» отнюдь не принадлежит только экономической науке при одном лишь условии, что в основе социальной эффективности лежит эффективность экономическая⁴.

¹ Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. 1978. Т. 30. С. 382.

² Андрющенко М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Философские и социологические исследования. Л., 1971. С. 45.

³ См.: Зеленецкий Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. М., 1971. С. 122–123.

⁴ См.: Виленский М. О критериях оценки экономической эффективности новой техники // Вопросы экономики. 1972. № 10. С. 117.

Мы согласны с В.В. Головченко, который полагает, что в правовую науку слово «эффективность» проникло из науки экономической (общей теории управления)¹.

Эффективность — это категория оценочная. Она раскрывает соответствие деятельности поставленной перед нею цели. Именно так понимают понятие эффективности многие юристы. Например, В.И. Каминская считает, что эффективность означает соответствие фактически достигнутого поставленной цели².

Другие авторы, в целом соглашаясь с такой позицией, делают некоторые оговорки: они связывают эффективность не просто с достижением поставленных целей, а с достижением их с минимальными затратами материальных средств, человеческой энергии и времени. Поэтому под эффективностью правовых норм понимается получение наибольшего результата в достижении цели³. Существуют также попытки при определении эффективности выйти за пределы формулы «цель — результат». По мнению таких авторов, эффективность правового воздействия есть получение наибольшего результата в достижении цели, максимально полезного для развития общества результата воздействия права на общественные отношения; достижение определённых социально полезных результатов в регулируемых общественных отношениях в целях их развития (устранения), совершенствования, охраны и укрепления; объективная возможность, способность применяемого средства содействовать достижению желаемой цели. Так, Ф.Н. Фаткуллин и Л.Д. Чулюкин

¹ См.: *Головченко В.В.* Эффективность правового воспитания. Понятие, критерии, методика измерения. Киев, 1985. С. 12.

² См.: *Каминская В.И.* Теория советского уголовного процессуального закона: Автореф. докт. дис. М., 1967. С. 30.

³ См., например: *Лебедев М.П.* Государственные решения в системе управления социалистическим обществом. М., 1974. С. 23.

писали: «Под эффективностью социалистических правовых норм следует понимать их способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения и на установки их участников в заданном направлении при тех социальных условиях, которые реально существуют в период их действия в стране»¹.

За последние годы появилось несколько работ, посвящённых эффективности уголовного наказания², где авторы высказывают самые различные точки зрения по этому вопросу. Так, например, Г.Н. Симушков полагает, что определение эффективности наказания должно заключаться в сравнении показателей рецидивной преступности и отрицательного поведения после освобождения от наказания с такими же данными в период отбывания наказания³. По мнению А.М. Яковлева, «эффективность наказания — степень реального обеспечения безопасности общества»⁴. Б.С. Никифоров определял понятие эффективности уголовного наказания как проверяемую практикой борьбы с преступностью и предупреждения преступлений адекватность положений закона потребностям жизни, правильность назначения и исполнения наказания⁵.

¹ Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 26.

² См., например: Симушков Г.Н. О понятии и критериях эффективности отбывания исправительных работ // Преступность и её предупреждение. Л., 1971; Яковлев А.М. Об эффективности исполнения наказания // Советское государство и право. 1964. № 1; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973; Злобин Г.А. О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступности. М., 1965; и др.

³ См.: Симушков Г.Н. Указ. соч. С. 154.

⁴ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 101.

⁵ См.: Никифоров Б.С. К вопросу об изучении эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968. С. 4.

Таким образом, он отождествляет понятие эффективности уголовного наказания с правильностью его назначения и исполнения. С такой позицией соглашается и С.М. Дементьев: «...можно сделать вывод, что не сама норма определяет её эффективность, а её применение и, в первую очередь, применение санкции»¹.

Мы полностью поддерживаем тех авторов, которые считают, что понятие эффективности уголовного наказания может быть представлено как соотношение цели уголовного наказания и результатов его воздействия. Поэтому проблема эффективности уголовного наказания предполагает и научную разработку цели, выяснение того, насколько она соответствует действующим закономерностям и способна ли реализация наказания влиять (и в какой мере) на поступательное развитие общества. При этом следует отметить, что наказание направлено на достижение одной-единственной цели — предупреждения преступлений.

Для того чтобы цель наказания могла служить непосредственным эталоном оценки эффективности, цель необходимо уточнить и конкретизировать. Однако наличие самых точных представлений о цели не даёт возможности судить об эффективности наказания, пока не выяснится, будет ли и насколько достигнута планируемая цель. Поэтому при изучении эффективности наказания важным является вопрос о том, что представляют собой его будущие (предполагаемые) результаты.

Если это так, то прогнозирование будущих результатов наказания оказывается необходимым компонентом изучения его эффективности. Такой вывод вытекает из положений о том, что сущность определения эффективности любого управленческого решения состоит в сопоставлении фактически достигнутого и намеченной цели. Поэтому при

¹ Дементьев С.М. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Ростов н/Д, 1981. С. 144.

изучении эффективности любого управленческого решения появляется потребность в научном предвидении сравнительно отдалённых последствий применяемого решения.

Таким образом, проблема прогнозирования результатов наказания имеет исключительно важное значение, ибо в конечном счёте это отражается на выборе вида и размера наказания, назначаемого подсудимому. Между тем эта проблема в науке вообще не разработана. Попытка разработки методики конкретных исследований с помощью прогнозирования связана пока только с весьма проблематичными вычислениями чистого эффекта действия правовых норм¹.

Центральное место в проблеме установления эффективности наказания занимает вопрос о критериях, показателях и оценках. Выяснить последнее — значит найти «точку отсчёта» при измерении действенности наказания, как и любого другого явления².

В то же время решение этого вопроса представляет большие трудности и вызывает многочисленные споры.

Хорошо известно, что экономисты, благодаря знанию технических процессов и существующих методов производства, физических производственных возможностей, потенциальных издержек и затрат, способны с весьма незначительными погрешностями определить эффективность производственной деятельности предприятия и прогнозировать издержки при производстве того или иного вида продукции. Особенность уголовного наказания состоит в том, что здесь речь идёт не о конкретной экономике, не о производстве продукции и материальных затратах, а о явлениях более сложных — о социальном процессе, последствие которого труд-

¹ См.: Никитинский В.И., Глазырин В.В., Казаринова С.Е. О методике измерения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1975. № 9. С. 27–30.

² См.: Сундуrow Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. Казань, 1980. С. 65.

но предвидеть, а полученный результат сложно оценить, не увязывая его с той социальной целью, достижению которой был подчинён этот процесс.

Г.Н. Симушков полагает, что для оценки эффективности наказания необходимо сравнить показатели рецидивной преступности, отрицательного поведения после освобождения от наказания с такими же данными в период отбывания наказания¹. Таким образом, чтобы измерить и оценить эффективность наказания, необходимо знать: а) показатели рецидивной преступности; б) поведение лиц, освобождённых от наказания; в) поведение таких осуждённых в период отбывания наказания. Фактически речь идёт о сравнении поведения осуждённых до (в период отбывания наказания) и после освобождения. При этом понятие «поведение осуждённого» следует понимать в широком смысле слова, включая показатели рецидивной преступности.

Г.С. Гаверов пришёл к выводу о том, что «в современных условиях мы не имеем какого-либо другого устойчивого показателя, на основе которого можно было бы делать вывод об эффективности наказания. Чем ниже уровень рецидивной преступности среди лиц, отбывших наказание, тем выше эффективность наказания»². Однако следует помнить, что процент рецидивистов среди отбывших наказание имеет значение при понимании структуры преступности. Он важен для выяснения того, каков контингент преступников, имеем ли мы дело с лицами случайными или рецидивистами. Такой учёт поможет разработке правильной политики, но он мало значим для общего анализа эффективности наказания.

¹ См.: Симушков Г.Н. Указ. соч. С. 154.

² Гаверов Г.С. Понятие и критерии эффективности уголовного наказания // Вопросы назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности и наказания: Учебное пособие. Иркутск, 1976. С. 60.

Г.А. Злобин делит критерии эффективности наказания на две группы: критерии эффективности общепредупредительного воздействия наказания и критерии эффективности частнопредупредительного воздействия наказания¹. Ф.Н. Фаткуллин и Л.Д. Чулюкин считают, что возможный путь измерения эффективности нормы права — определение соотношения цели, результата, издержек².

В то же время некоторые авторы высказывают сомнения по поводу возможности измерения и оценки эффективности уголовного наказания. Так, М.Д. Шаргородский писал: «Представляется сомнительной возможность путём эмпирического анализа исследовать или статистически определить конкретное воздействие определённых мер наказания (как в отношении отдельных лиц, так и вообще) на достижение его целей»³. Далее он указывал, что «критерии эффективности наказания определяются тем, что все цели наказания, указанные в литературе, кроме цели совершения преступлений, либо достигаются самим фактом применения (возмездие, кара, причинение страдания, восстановление справедливости и т. п.) и, таким образом, для констатации их эффективности никакие критерии не нужны, либо вообще их эффективность не может быть учтена какими-либо конкретными критериями (исправление, перевоспитание и т. п.)»⁴.

Некоторые авторы сводят понятие и оценку эффективности действия права к правоприменительной деятельности. По их мнению, только через правоприменение может про-

¹ См.: Злобин Г.А. Указ. соч. С. 64–65.

² Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Указ. соч. С. 22.

³ Шаргородский М.Д. Цели наказания в социалистическом уголовном праве и его эффективность (анализ и прогноз) // Преступность и её предупреждение. Л., 1971. С. 120.

⁴ Там же.

являться эффективностью действия правовых решений. Так, С.Г. Струмилин отмечал, что всякий юридический закон начинает действовать, проявлять свои потенции лишь в случае его нарушения, т. е. когда применяются санкции закона¹. С точки зрения А. Кузнецова, «эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений и их социальная ценность наиболее полно проявляются в процессе правоприменения, в частности при назначении и исполнении наказания»². В связи с этим достаточно сослаться на И.М. Гальперина, который совершенно справедливо отмечает, что «возможно представить ситуацию, когда эффективность наказания снижается за счёт недостатков в деятельности органов, исполняющих наказание, при условии, что оно было законным, обоснованным и справедливым. Не исключено и обратное положение: исполнение наказания находилось на уровне предъявляемых требований, но недостижение высокой степени эффективности было обусловлено тем, что вид и (или) срок соответствующего наказания назначены судом без учёта положений закона об индивидуализации ответственности»³. Некоторые учёные полагают, что «эффективность уголовно-правовых санкций можно оценивать по их реальной возможности обеспечивать высокую степень частного и общего предупреждения преступлений»⁴.

По нашему мнению, критерий означает средство для решения чего-либо, признак истинности, достоверности или

¹ См.: *Струмилин С.Г.* Проблемы социализма и коммунизма в СССР. М., 1961. С. 133.

² *Кузнецов А.* Роль нормы уголовного права в предотвращении преступлений // Советская юстиция. 1981. № 10. С. 5.

³ *Гальперин И.М.* Наказание. Социальные функции, практика применения. М., 1983. С. 154–155.

⁴ *Игнатов А.Н., Осипов П.П.* Роль уголовно-правовых санкций в предупреждении преступлений // Вестник Ленинградского университета. 1981. № 5. С. 64.

мерило суждения. В философском понимании критерием истинности утверждения, гипотезы теоретического построения является общественная практика. Исходя из этого, под критерием эффективности уголовного наказания можно понимать результат его воздействия на: а) лиц, совершивших преступления и отбывающих наказание; б) других граждан.

Поэтому, прежде чем определить критерий эффективности наказания, важно установить основные направления механизма его воздействия на сознание и поведение преступников, а также других лиц, исходя из той цели, которая перед ним (наказанием) стоит. Но для этого надо определить, кто является объектом воздействия уголовного наказания.

При установлении действенности (эффективности) наказания цель и результаты её достижения необходимо «материализовать», «овеществить» посредством введения соответствующих показателей, которые придали бы им количественную определённость. «Объективность таких измерений, — отмечает М.Я. Савин, — во многом зависит от показателей, нахождение которых представляет известную трудность»¹. Показатель эффективности — признак, характеризующий запрограммированную цель, а также фактически достигнутый результат и позволяющий придать им количественную определённость.

Таким образом, если критерий означает средство для решения чего-либо, признак истинности, достоверности или мерило суждения, то показатель позволяет судить о развитии какого-либо явления. По критерию можно судить о явлении в целом, в данном случае — о результатах воздействия наказания в соответствии с его целью. Показатель же, раскрывая это состояние, выступает уже в качестве формы, наполняющей его содержание. Критерий и показатель эффективности могут различаться по объёму, поскольку по-

¹ Савин М.Я. Административный штраф. М., 1984. С. 37.

казатель не всегда с достаточной полнотой отражает суть явления в целом.

Итак, ясно, что для определения эффективности наказания необходимо измерить цель, которая перед ним стоит, и результаты, полученные после его применения, и посредством сравнения сделать соответствующие выводы относительно эффективности или неэффективности.

Но измерить величину — значит найти отношение измеряемой величины к другой однородной величине, принятой за единицу измерения¹. Иначе говоря, чтобы осуществить процедуру измерений, нужно, прежде всего, провести их сравнительный анализ, т. е., во-первых, найти непосредственный эталон оценки, во-вторых, выразить в однозначных единицах измерения как цель наказания, так и результаты его действия. А из этого следует, что мы не можем измерить эффективность наказания до тех пор, пока не выразим предварительно его цель и результаты в соотносимых единицах измерения, для чего необходимо разработать систему показателей.

Какими же признаками должны характеризоваться показатели эффективности уголовного наказания?

Во-первых, показатели должны раскрывать качественное значение цели уголовного наказания и фактически достигнутых результатов его (наказания) воздействия; во-вторых, показатели должны давать количественное представление о цели и достигнутых результатах наказания. А из этого следует, что показатели эффективности уголовного наказания должны быть: а) количественно измеренными; б) практически простыми и удобными для применения; в) реальными и конкретными.

¹ См.: Мельников О.Н. О роли измерения в процессе познания. Новосибирск, 1968. С. 6.

В связи с этим возникает вопрос: как измерить соотношение между целью и результатами наказания, и обязательно ли это соотношение должно иметь характер числового отношения?

На наш взгляд, измерение эффективности наказания не обязательно требует числовых показателей. Это практически трудная задача. Они могут основываться на относительных величинах числа: низкая, средняя, максимальная; худшая, средняя, лучшая; малая, средняя, большая. Такого же мнения придерживается А.Э. Жалинский. Он отмечает, что «в практике можно ввести три... степени эффективности: максимальную, среднюю и низкую (нулевую). По максимальной — поставленные цели осуществляются в максимальном объёме при минимальной затрате социальных средств и в кратчайший срок. Средняя эффективность — это осуществление целей с затратой средств в объёме, допускаемом обществом, в сроки, позволяющие использовать полученные положительные результаты. Низкая эффективность предполагает нереализованность конкретно определённых целей»¹.

Представляется целесообразным выделить четырех условных ступеней эффективности наказания: высокоэффективная, среднеэффективная, малоэффективная, неэффективная (нулевая эффективность).

Высокоэффективная ступень — результат оказался настолько положительным, что равен либо приближается к идеалу, задуманному как цель. В таком случае наказание сдерживает людей от совершения преступления. Однако преступность существует, ибо она имеет социальные корни. Её уровень незначительный, идёт тенденция к снижению. Борьба с преступностью — не проблема. Таковы результаты наказания.

¹ Жалинский А.Э. Анализ и оценка эффективности предупреждения преступности // Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 241.

Среднеэффективная ступень — обеспечение достижения определённых результатов соответствует современному уровню объективно предъявленных требований. Применительно к эффективности наказания это означает, что наказание не в состоянии сдерживать всех людей от совершения преступлений. Поэтому незначительная часть населения всё-таки совершает преступления. Следовательно, преступность существует, хотя её уровень и невысокий.

Малоэффективная ступень — результаты наказания оказались значительно ниже намеченной цели. А это значит, что наказание не в состоянии сдерживать определённую часть населения от совершения преступлений. Поэтому уровень преступности относительно высокий и стабильный. Тенденции к снижению не наблюдается, наоборот, идёт рост отдельных категорий преступлений. Проблема борьбы с преступностью острая.

Неэффективная ступень — наказание как мера борьбы с преступностью не способно принести положительные результаты, т. е. оно не в состоянии сдерживать значительную часть населения от совершения антиобщественных деяний. Уровень преступности очень высокий, идёт тенденция к её росту. Сводить эффективность наказания к реально наступившим желаемым результатам нельзя, ибо трудно представить себе ситуацию, когда и цель, и результат совпадают полностью. Кроме того, результаты наказания могут быть недостижимыми не из-за того, что оно неэффективно, а из-за того, что оно плохо реализовано, например, из-за необеспечения принципа неотвратимости наказания. Для обеспечения эффективности наказания необходимы соответствующие предпосылки и условия. К числу общих предпосылок эффективности наказания относятся экономический и политический строй общества, уровень сознания и правосознания граждан, высокая культура и т. д. Главная задача — выделить основные результаты и определить

основные показатели эффективности наказания. При оценке эффективности следует учитывать не только результаты, достигнутые в отношении поставленной цели, но и побочные результаты, которые оказались с ними непосредственно связаны. Нужно признать, что соотношение цели и результатов наказания создаёт серьезные проблемы. С таким выводом согласны многие учёные, занимающиеся проблемой эффективности¹. Однако это ни в коей мере не даёт основания отказать от попыток измерения эффективности наказания, как это делает В.И. Пугинский². Для обеспечения эффективности наказания необходимы соответствующие предпосылки и условия. Что следует понимать под предпосылками эффективности наказания? В.В. Лазарев пишет, что предпосылками можно именовать существующие, объективно обоснованные экономические, политические, идеологические и правовые факторы, которые в той или иной степени самим фактом своего существования влияют на эту деятельность в направлении упрощения её результативности³.

Исходя из этого, к числу общих предпосылок эффективности наказания относятся экономический и политический строй общества, уровень сознания и правосознания граждан, высокая культура, уровень развития науки и степень использования её достижений на практике⁴. Условия эффективности уголовного наказания — это требование к качеству организации и осуществлению его назначения и исполнения.

Эффективность наказания может быть обеспечена при условии, если установленная в законе санкция соответствует

¹ См.: Эффективность действия правовых норм. Л., 1977. С. 35.

² См.: Пугинский В.И. Исследование эффективности гражданско-правовых средств // Вестник Московского университета. 1977. № 6. С. 16.

³ См.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. Казань, 1975. С. 100.

⁴ См.: Сундуrow Ф.Р. Указ. соч. С. 76.

принципам уголовного права и обеспечивает достижение цели наказания, его неотвратимость, возможность его индивидуализации и, наконец, экономию карательных средств. Этим требованиям уголовной политики должны быть подчинены характер уголовно-правовых санкций, их пределы, а также практика применения наказания.

Итак, можно сделать следующий вывод. Эффективность есть качественно-количественная характеристика, отражающая определение соотношения цели и результатов. Исходя из этого, мы рассматриваем эффективность наказания как соотношение между фактическим результатом действия этого наказания и той реальной целью, для достижения которой оно применяется.

Отообразим это в виде формулы:

$$Эн = Рн / Цн,$$

где: Эн — эффективность наказания — подлежит оценке;

Рн — результат наказания — ?, т. е. следует определить;

Цн — цель наказания — предупреждение преступлений.

Определим уровень эффективности уголовного наказания на примере Азербайджанской республики.

Результаты наказания

Статистика преступности в Азербайджане за последние 10 лет свидетельствует о том, что, начиная с 2000 г., идёт тенденция к её росту. Так, если в 2000 г. в Республике было зарегистрировано 13 958 преступлений, то в 2010 г. этот показатель достиг 23 000, т. е. вырос более чем на 9000 преступлений. К сожалению, за этот период уменьшения количества преступлений не наблюдалось, что свидетельствует о закономерности роста преступности. В среднем за отмеченный период показатель преступности составляет более 18 000 преступлений. Для сравнения приведем данные о со-

стоянии преступности в странах СНГ. Так, например, в России с численностью населения в 143 млн 400 тыс. в 2006 г. было выявлено 3 855 373 преступления, что составляет 2754 преступления на 100 тыс. населения. Это самый высокий показатель среди государств — членов СНГ. Самый низкий уровень — в Таджикистане. При численности населения 7,5 млн в указанном году в этой Республике было совершено 11 223 преступления, т. е. 162 преступления на 100 тыс. населения. В Азербайджане эти показатели следующие: население в 2007 г. составляло 8,5 млн; было зарегистрировано 19 045 преступлений, что составляет 223 преступления на 100 тыс. человек. Это второй лучший показатель в СНГ в отмеченном году.

За период с 2000 по 2010 г. не уменьшилось также количество тяжких и особо тяжких преступлений, умышленных убийств, изнасилований, т. е. всех видов преступлений против личности. Ежегодно совершается более 200 умышленных убийств, около 16 000 тяжких и особо тяжких преступлений, 35 изнасилований.

В целом преступления против личности составляют почти 50% от общей массы совершённых преступлений. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть, что, по сравнению с 1992–1999 гг., за период 2000–2010 гг. умышленных убийств стало значительно меньше. Начиная с 2000 г., наблюдается тенденция к снижению этого вида преступлений. Для сравнения: в 1992 г. было совершено 564 умышленных убийства; в 1994 г. — 499; в 1996 г. — 400; тогда как в 2000 г. — 226; в 2002 г. — 212; в 2004 г. — 201.

В то же время фиксируется тенденция к росту преступлений, связанных с наркотиками.

Уменьшаются преступления с использованием огнестрельного оружия. Так, если в 2000 г. этот показатель был в пределах более 100 преступлений, то в 2008 г. — 71. Для сравнения: в 1992 г. преступлений с использованием

огнестрельного оружия было более 800; в 1993 г. — 440; в 1994 г. — 487; в 1995 г. — 384.

Что касается преступления в виде взяток, то следует заметить, что, по сравнению с 2000 г., в 2008 г. было выявлено и обнаружено в 11 раз меньше преступлений этого вида, т. е. с 1992 по 2010 г. идёт тенденция к тому, что взятка как вид преступления не обнаруживается. Разумеется, это не соответствует реальной действительности. В 1997 г. было выявлено — 68; в 1998 г. — 66; в 1999 г. — 68; в 2001 г. — 54; в 2004 г. — 5; в 2007 г. — 8 преступлений в виде взяток.

В общем количестве зарегистрированных преступлений воровство, мошенничество, хулиганство и преступления, связанные с наркотиками, в совокупности ежегодно составляют почти 50%.

Характеристика отдельных видов преступлений

Хулиганство. Более 12% всех совершённых преступлений за последние 10 лет приходится на хулиганство. Из них 17% преступлений совершаются в нетрезвом состоянии, а 12% — ранее осуждёнными. Около 90% всех хулиганств совершаются людьми со средним образованием; более 90% — трудоспособными работающими лицами.

Наркотики. Ежегодно в Азербайджанской республике в среднем совершается примерно 2500 преступлений, связанных с наркотиками, что составляет 15% от общего числа зарегистрированных преступлений. Из них: только 2% от подобных преступлений совершены иностранцами; 30% — ранее осуждёнными; 96% преступлений приходится на трудоспособных безработных.

Кража составляет более 16% всех преступлений. Из них: 11% — совершаются несовершеннолетними; около 5% — лицами в нетрезвом состоянии; около 20% — ранее осуждёнными; 93% — лицами со средним образованием. Более 90% воров — трудоспособные неработающие.

Изнасилование. Ежегодно в Республике в среднем совершается 35 изнасилований. Из них более 30% — лицами в нетрезвом состоянии, а около 12–13% — ранее осуждёнными. Почти все изнасилования совершаются лицами со средним образованием.

Умышленное убийство. Средний показатель уровня умышленных убийств за период с 1992 по 1998 г., т. е. тогда, когда ещё существовала смертная казнь за это преступление, составлял приблизительно 450, а с 1999 по 2008 г., т. е. когда смертная казнь была отменена, около 200. В нетрезвом состоянии совершается почти 25–30% умышленных убийств, а около 20% — ранее осуждёнными. Трудоспособные безработные совершают убийства в 88–89% случаях; лица со средним образованием — в 86% случаях.

Преступность несовершеннолетних в течение 10 лет демонстрирует в целом стабильные показатели и колеблется в пределах 5–7% от общего количества преступлений. Из них: 10–12% приходится на кражи; 4–5% — на тяжкие преступления.

Женская преступность. Более 10% преступлений совершаются женщинами. Характерная особенность: около 17% приходится на преступления, связанные с наркотиками, а более 25% — с применением физической силы, в том числе: 15% — избиения; 10% — причинение лёгкого телесного повреждения. Мошенничество и кражи составляют соответственно по 8% т. е. 16% в совокупности. На хулиганство приходится 11% преступлений, а на убийства — 5–6%.

Сравнительная характеристика со странами СНГ и некоторыми странами мира

Во всех странах СНГ самым распространённым видом преступления остаётся присвоение чужого имущества в разных формах (кража, мошенничество). Так, в Белоруссии — 65–67% (кража — 58%; мошенничество — 3–4%).

В Грузии — кража — 43%; мошенничество — 5%. В Таджикистане — кража — 31%; мошенничество — 6–7%.

Северная Европа. В этой части Европы самый низкий показатель преступности фиксируется в Исландии. В процентном отношении к общему числу населения преступность составляет 0,04%, а её удельный вес на 100 тыс. населения — 3,9. Самый высокий показатель преступности в Эстонии — 0,34%; удельный вес — 339. Следует заметить, что высокий показатель преступности в Северной Европе наблюдается также в Латвии (0,34%) и в Литве (0,23%).

Западная Европа. По показателям преступности самыми благополучными странами являются Швейцария и Франция. Уровень преступности в этих странах составляет 0,8%. Самый высокий показатель в Нидерландах — 0,12%.

Южная Европа. Самый высокий показатель преступности в Испании и Португалии (0,14%), самый низкий — в Косово и Хорватии (0,6%).

Выводы

После распада СССР преступность в Азербайджане не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась, и наблюдается тенденция к её росту. То же самое происходит и в других странах СНГ. Увеличилось количество умышленных убийств и других тяжких и особо тяжких преступлений. До распада СССР в Азербайджане совершалось ежегодно в среднем 14–15 тыс. преступлений. В 1987 г. было зарегистрировано около 14 тыс. преступлений, а в 2007 г. — почти 19 тыс.

Приведем средние показатели преступности в сравнении с европейскими странами, где численность населения почти такая же, как в Азербайджане. Как отмечалось, в среднем в Азербайджанской республике ежегодно совершается, по официальным (зарегистрированным) данным, за последние 10 лет более 18 000 преступлений. В Австрии средний показатель составляет 8000, а в Швейцарии — около 6000.

Так, например, если в 2005 г. в Азербайджане было зарегистрировано более 18 000 преступлений, то в Австрии — 8500. В 2004 г. в Швейцарии этот показатель составил около 6000, а в Азербайджане — около 17 000.

Резко увеличилось количество преступлений с использованием огнестрельного оружия, особенно в первые годы после развала СССР (1992–1996 гг.).

Основную массу преступности составляют: преступления против личности — 47–48%; преступления против общественного порядка и общественной безопасности — 32–33%; преступления в экономической сфере — 17–18%.

Зафиксирован рост преступлений, связанных с наркотиками, — 10–11% ежегодно от общего количества преступлений.

Более 85% лиц, совершивших преступления, — трудоспособные безработные; а 84–85% — имеют среднее образование; 12–14% — ранее были осуждены. В нетрезвом состоянии совершаются около 10% всех преступлений.

Итак, статистические данные состояния преступности в Азербайджане за последние 20 лет позволяют отнести уровень эффективности уголовного наказания к третьей, **малоэффективной**, ступени эффективности, в то время как поставлена цель по крайней мере к постепенному, но стабильному сокращению преступности, чего, к сожалению, не наблюдается. В чём же причина? Понятно, что это связано с комплексом многочисленных обстоятельств и условий социального, экономического, а также политического характера. Но нас интересует роль **уголовного наказания** в борьбе с преступностью и причины его малоэффективности в предупреждении преступлений.

В принципе, определить «вину» уголовного наказания в уровне существующей преступности практически невозможно, поскольку не представляется возможным отделить от общей массы преступности ту часть, которая непосред-

ственно связана с неэффективностью или малоэффективностью именно устрашительно-предупредительного воздействия уголовного наказания. Поэтому малоэффективность наказания связана также с теми причинами преступности, борьба с которыми находится за пределами объективных возможностей наказания.

Надо помнить, что ближайшее будущее наказания невозможно определить вне контекста причин преступности. Вопрос, который всегда возникал и сейчас возникает при обсуждении роли наказания в борьбе с преступностью: является ли она вечной категорией, может ли человечество избавиться, в том числе и с помощью наказания, от этого социального зла? Ведь нельзя забывать, что теория причин и предупреждения преступлений появилась вследствие того, что, несмотря на ужесточение уголовных наказаний, уровень преступности продолжал расти. Вот почему очень важно знать объективные возможности уголовного наказания в достижении поставленной цели.

4. Причины преступности и объективные возможности наказания

*Медицина учит, что для того, чтобы
найти средства против какой-либо
болезни, надо сперва открыть
и изучить причины этой болезни.*

Ближайшее будущее наказания нельзя определить вне контекста причин преступности, вечное исследование которой означает, что она является нежелательным, но в то же время закономерным продуктом общества, своеобразной патологией, не поддающейся полному уничтожению.

Однако это вовсе не подтверждает тот факт, что её нельзя контролировать. Иначе говоря, отказ от познания причин преступности не означает простое следование социально-логическому постулату: преступность — явление нормальное и потому неизбежное, а подводит к мысли, что обществом управляет стремление не к организации, а к хаосу. Эта мысль сегодня искушает многих¹. Так, например, социолог Э. Дюркгейм утверждает, что «преступность — нормальное общественное явление»².

Ф. Филшер совершенно справедливо оценил этот тезис «как парализующий удар», порождающий дегенерацию криминологической мысли. По его мнению, и мы с ним вполне согласны, преступность представляет собой не норму, а социальную патологию, с которой общество не вправе мириться³.

Э. Ферри с связи с этим отмечал: «Во всяком случае, каковы бы ни были социальные последствия и обратные действия преступления, оно всегда является формой ненормальной деятельности, а следовательно, нельзя согласиться с Дюркгеймом, что преступление относится к области нормальной социологии, а не к области социальной патологии»⁴. Представляется, что Дюркгейм, скорее всего, смешал понятия нормальности и постоянства известного социального факта: социальный факт может быть постоянным и в то же время ненормальным, если он происходит в меньшинстве случаев.

Несомненно, преступление — социальное зло. Но из того, что зло кажется неистребимым, ещё не следует предоставлять ему свободно распространяться дальше. Необходи-

¹ См.: Криминология. XX век. С. 227.

² *Durkheim E. Les regles de la method Sociologique. Paris, 1950.*

³ *Filser F. Kriminalitätsveränderung und die Perspektive der Menschheitswerte. Progressive kriminologische Pfaffenweiler, 1996.*

⁴ *Ферри Э. Указ. соч. С. 119.*

мо, по возможности, ограничить его размеры. В своё время С.К. Гогель совершенно справедливо подчёркивал, что «преступность — одно из самых сложных явлений социальной жизни... но как и вся социальная жизнь и все её явления, оно определяется и вызывается целым рядом причин — и чисто внешних, природы, климата, времени года, плодородия почвы и т. д., и целого ряда антропобиологических причин, корнящихся в устройстве, наклонностях, характере людей, расы, народа, местности, наконец, причин, корнящихся в истории и всём социальном и политическом строе народа»¹.

Даже какая-либо конкретная болезнь тоже имеет не одну причину. Ещё в ранних работах выдающегося советского клинициста и теоретика медицины И.В. Давыдовского подчёркивалась несводимость причин заболевания к одному какому-либо фактору. «Этиология (причинность) — это не отдельно взятая вещь: это всегда процесс, отношение вещей на реальных основах взаимодействия»². Ещё более сложной оказалась картина причин преступности. Выяснилось, что здесь действуют социальные, экономические, психологические, организационные, правовые и многие другие факторы, связанные практически со всеми сферами общественной жизни. Выделить какой-нибудь фактор как причину происходящих изменений, а тем более, как причину существования социальных отклонений, в целом, оказалось невозможным³. В связи с этим советский криминолог В.В. Панкратов писал: «Под причиной в некоторых случаях приходится понимать процесс. Причиной можно считать и законы функционирования, и законы развития». При изучении преступности

¹ Гогель С.К. Указ. соч. С. 6.

² Давыдовский И.В. Общая патология человека. М., 1961. С. 16.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 198.

приходится изучать в конечном счёте механизм действия социальных законов¹.

В последнее время накапливается всё более фактов, подтверждающих, что преступность находится в прямой зависимости от социальных условий, в особенности от тяжёлого экономического положения населения. Благодаря точным статистическим данным доказано, что ряды преступников пополняются, главным образом, из беднейших, обездоленных слоев населения. Не подлежит сомнению также и тот факт, что крупные социальные перевороты, изменения в общественно-политической жизни содействуют развитию преступности среди населения. Так было в России после Октябрьской революции 1917 г., а также после развала Советского государства. При этом речь идёт о повышении числа не политических преступлений, а преступлений уголовного характера. Изменения общественно-политической системы всегда обостряют социальные отношения и создают, тем самым, поле для столкновения людей не на почве только правовых отношений, но и на почве различных социальных взглядов, вследствие чего поднимается до необычайной степени рост преступности.

В советский период господствующей и распространённой являлась точка зрения, согласно которой преступность при социализме обусловлена влиянием капиталистического мира, с одной стороны, и пережитками прошлого в сознании людей — с другой. Отсюда следовал весьма ошибочный и, практически, вредный вывод: «Преступность порождена не социалистическими общественными отношениями — она представляет собой сложное отрицательное явление, уходящее своими корнями в предшествующие общественно-экономические формации»².

¹ Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. М., 1972. С. 27, 29.

² Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. С. 67.

Бесспорным является тот факт, что преступность существовала и существует во всех обществах, независимо от их общественно-политического устройства, и причины её имеют одни и те же корни — социальные, социально-экономические, социально-политические и др. Поэтому уровень преступности в том или ином обществе находится в прямой зависимости от того, как решены и решаются проблемы, являющиеся объектом регулирования только самого государства. Наказание в данном случае выполняет вспомогательную роль. Однако, помимо понятия «преступность», существуют также понятия «преступление» и «преступник». Ведь преступление — дело рук личности. Поэтому, прежде всего, возникает вопрос, где же за вышеуказанными социальными факторами скрывается сама личность? А это означает необходимость в исследовании причин противоправного поведения отдельного человека на индивидуальном уровне. Почему один человек при одних и тех же условиях совершает преступления, а другой — нет? Дело в том, что, кроме общих социальных, экономических и иных факторов, имеются и ближайшие факторы, которые, собственно, и решают вопрос о возможности совершения того или иного преступления данным лицом. Иначе говоря, общие социальные факторы создают только благоприятные условия для совершения преступления. Однако этого недостаточно, поскольку нужны ещё и предрасполагающие факторы, нужна обстановка. Таким образом, для совершения преступления необходимы общие социальные факторы, а также совокупность ближайших условий, окружающих данную личность и определяющих данное преступление и его характер¹.

¹ Бехтерев Б.М. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности... С. 708–709.

С точки зрения медицины, в развитии болезни ведущую роль играет внешняя среда. Изменения внутренних свойств организма, вызванные факторами среды и стойко закреплённые, в дальнейшем сами могут играть ведущую роль в возникновении болезни. Это ещё раз подтверждает, что внешние условия, о которых мы говорили, могут быть причиной совершения преступления. Однако та же медицина считает, что большое значение в развитии болезни, кроме этиологического фактора (т. е., причины болезни) и внешних условий, имеют защитно-приспособительные механизмы организма. А это, в свою очередь, означает, что принятые решения о совершении преступления зависят не только от соответствующих совокупных условий, но и от воли самого индивидуума. Но в какой мере свободен человек в своих действиях, т. е. обладает ли он свободной волей, нравственной свободой тогда, когда желает добра или зла, или же механизм человеческого поведения обусловлен факторами биологического или социального порядка либо теми и другими одновременно.

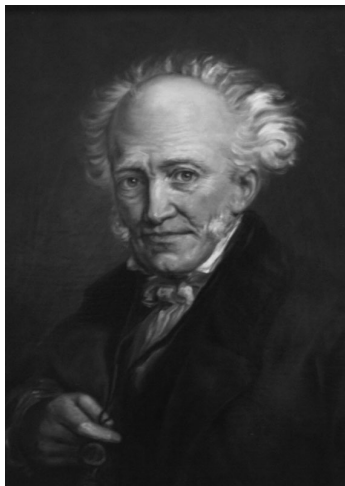
Следует отметить, что ни один вопрос так не тревожил выдающиеся умы человечества, не разделял мыслителей на столь резко противоположные лагеря, как вопрос, свободен ли человек в выборе своих действий или несвободен?

В нашу задачу не входит подробный анализ сложного философского вопроса о свободе воли, тем не менее, его нельзя обойти вниманием совсем, поскольку он непосредственно связан с учением о наказании вообще и с учением о «праве наказания» в частности.

Спор о свободе воли, как и все рассуждения, относящиеся к области веры и чувства, всегда велись в приподнятом, эмоциональном тоне. Так, например, Шопенгауэр в своё время третировал сторонников свободы, называя их «поверхностно мыслящими умами». Баварский министр народного просвещения фон Ландманн в своей приветственной речи на III Международном психологическом конгрессе, состо-

явшемся в 1896 г. в Мюнхене, сказал: «Я надеюсь, что психологические конгрессы будут содействовать устранению великой опасности, которой грозят общественной жизни культурных наций известные психологические теории, и убеждён, что эти съезды не только не поколеблют, но ещё более укрепят прежнюю веру в ответственность человека за свои поступки»¹.

Артур Шопенгауэр

Более уравновешенной выглядит позиция Г. Ашаффенберга, который писал: «Приёмами, подсказанными теми или иными аффектами, научные вопросы не разрешаются. Принимая во внимание, что известная часть наших выдающихся мыслителей опирается на идею свободы воли, я думаю, что взгляд Шопенагауэра столь же несправедлив, как и противоположный взгляд тех мыслителей, которые полагают, что отрицание свободы воли ведёт к уничтожению нравственности и морали, правового и общественного состояния, государства и церкви»².

В связи с этим совершенно недопустимым является высказывание Л.П. Мануврие о том, что «человек рождается преступником так же, как собака рождается способной плавать; он всегда способен совершить преступление»³. Если это так, то почему одни совершают преступления, а другие — нет? Почему преступников значительно меньше,

¹ Цит. по: Ашаффенберг Г. Преступление и борьба с ним. М., 2010. С. 190.

² Там же.

³ Мануврие. Actes du congres de Paris. Lyon, 1895. P. 29.

чем законопослушных людей? Преступники в мировом масштабе сегодня составляют 5–6% от численности населения. Однако Мануврие прав в том, что человек на самом деле может быть преступником, если этого захочет он сам. Поэтому преступление следует рассматривать как действие человека, злоупотребляющего свободой воли во вред интересам общества и его членов, а также свободно распоряжающимся этой волей в своих интересах.

Вот почему мы не можем согласиться с представителями детерминистического направления, утверждающими, что человек — слепая игрушка внешних обстоятельств, поэтому он никогда и ни в чём не бывает свободным, его поступки всегда детерминированы внешними обстоятельствами. Так, П. Гольбах считал, что необходимость и свобода воли являются взаимоисключающими понятиями и человек полностью находится во власти природы. Он пишет: «Человек не свободен ни одну минуту своей жизни... Он не властен поступить иначе, чем он поступает в тот момент, когда его воля определяется выбором»¹. По сути, аналогичной точки зрения придерживался и Д. Дидро: «Воля не менее механична, чем разум. Всё, как в природе, так и в обществе, полностью детерминировано, что полностью исключает свободу воли»².

Такая философия, естественно, полностью отвергает значение уголовного наказания в борьбе с противоправными проявлениями, ибо если человек не свободен в своих поступках, то отсутствуют и принципы, которые должны быть положены в основу его ответственности. Ведь невозможно же наказанием повлиять на внешние обстоятельства, игрушкой которых является человек.

С другой стороны, непонятно, чем же руководствуется человек, совершая не зло, а добро. Получается, что здесь

¹ Гольбах П. Система природы. М., 1940. С. 111.

² Дидро Д. Избр. соч. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 297.

тоже включается не свободная воля, нравственная свобода, а вне его воли происходящие процессы. Если преступления и добрые дела являются результатом не свободной воли человека, а сложного, не зависящего от него внешнего процесса, то почему мы осуждаем зло, считаем его деянием, противоречащим интересам большинства, а добро поощряем, ценим и одобряем? А потому, что у человека существует нравственное чувство и связанный с ним мотив долга, а значит, у него существует и свобода воли. Поэтому люди с высоким чувством нравственного долга способны совершать добрые поступки, а с низким, неразвитым — преступления. И то, и другое — результат свободной воли человека.

Окружающая нас природа полна загадок, и самая сложная из них — сам человек как естественный результат её эволюции. Но в то же время как личность он является продуктом общества и, тем самым, удваивает сложность познания. И всё же сегодня имеются серьезные исследования различных наук, результаты которых позволили познать сущность человека и причины его поведения в социальной среде. В частности, современная наука о человеке даёт нам возможность правильного понимания свободы, осознания того, что совершение проступков зависит от добровольного выбора самой личности. Доказано, что истинно свободным считается человек, который, отличая нравственные поступки от пороков, умеет в своих безграничных желаниях оставаться в рамках установленных обществом моральных и правильных норм. Человек может, когда это необходимо, независимо от внешних условий, сказать себе — нет! Поэтому мы не можем согласиться с известной концепцией «дегенерации» З. Фрейда, согласно которой именно дегенерация (патология техники) обуславливает девиантное поведение¹.

¹ Freud Z. New Introductory lectures on psychoanalysis. Harmondsworth. Penguin, 1973.

И. Кант подчёркивал: «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таковым. И то, и другое должно быть результатом его свободного произволения; иначе это не могло бы быть вменено ему в вину»¹.

Реальная жизнь свидетельствует, что очень часто человек сталкивается с неблагоприятными условиями общественной социальной жизни, вредоносно и разрушительно влияющими на психофизическую организацию, являющуюся причиной его неуравновешенности и неустойчивости. Под влиянием таких внутренних состояний он упорно и страстно ищет причины своего неудобства в окружающей его среде, во внешних условиях и изыскивает меры к их устранению. Этот индивидуум ищет недостающего ему личного спокойствия и довольства, но ищет своеобразно. Он совершает, в силу своей слабохарактерности, противоправный или же нравственный проступок, а другой, обладающий силой воли, побеждает неблагоприятные условия и действует в пределах правовых и нравственных норм. Поэтому абсолютно прав К.А. Сыч, утверждая, что «если мы признаём за обществом и государством право спрашивать за поступки людей, наказывать их, то мы должны признать в качестве первейшего основания такого права свободную волю человека. В противном случае, ответственность за поступки наступает без вины»².

Ф.М. Достоевский в своём «Дневнике писателя» подчёркивал следующую мысль: «Делая человека ответственным, христианство, тем самым, признаёт и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общества, учение о среде доводит человека до совершенной

¹ Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 29–30.

² Сыч К.А. Уголовное наказание и его классификация... С. 8.

безразличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»¹.

Вот почему мы глубоко уверены в том, что никакие неблагоприятные условия внешней среды, социальные и экономические проблемы не могут быть причинами совершения преступлений, если на то нет волеизъявления самого человека. Индивидуум, обладающий силой воли, не теряющий выдержки в самых различных экстремальных и криминальных ситуациях, никогда не станет преступником.

Э. Ферри пытался нас убедить в том, что «человек, у которого нет предрасположения к преступлению, может при исключительных неблагоприятных обстоятельствах дойти до более или менее буйного помешательства или, наконец, до самоубийства, но из него никогда не выйдет “злодея”. Нельзя сделаться, желая, сумасшедшим и нельзя сделаться по желанию преступником»². Понятно, что употребляя выражение «предрасположение к преступлению», автор имеет в виду генетические корни человека. Без сомнения, наука в этом вопросе продвинулась очень далеко. Этот факт подметил ещё А.И. Герцен: «Каждый человек опирается на страшное генеалогическое дерево, корни которого чуть ли не идут до Адамова рая; за нами, как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана — всемирной истории; мысль всех веков на сию минуту в нашем мозгу»³.

Мы признаём, что генетика внесла существенный вклад в объяснение причин поведения человека, но не в связи с выбором поведения, а чисто с биологической и антро-

¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1873 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 9. СПб., 1891. С. 176.

² *Ферри Э.* Указ. соч. С. 114.

³ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. XI. М., 1957. С. 252–253.

пологической точек зрения. Мы исходим из того, что человек способен совершить зло не потому, что он предрасположен генетически к такому поведению, а потому, что это его решение основано на свободной воле.

Нельзя также забывать, что отказ от свободы воли в глазах большинства членов общества равносителен отрицанию чувства личной ответственности за свои поступки, что находится в противоречии с обычным для всех непосредственным сознанием. Преступное деяние личности является результатом, с одной стороны, внешних влияний, общих и ближайших, сложившихся вокруг данной личности, а с другой — свободной воли.

Итак, выбор лицом варианта поведения в каждом конкретном случае основан на знании и понимании им существующих связей между явлениями внешнего мира и на учёте требований, предъявляемых ему законом. Избирая определённое поведение, например, совершая преступление, человек в сложившейся ситуации для достижения поставленных целей может эти требования сознательно игнорировать либо соотносить с ними свои поступки. Способность преступника действовать «со знанием дела» и выступает обоснованием его уголовной ответственности. Поэтому ***наказание способно поражать волю, может предупредить или подавить преступление.*** Разрабатывая и применяя уголовно-правовые меры, направленные на противодействие преступности, общество исходит из представлений о том, что свобода воли, или нравственная свобода, представляет собой силу, при помощи которой человек делает выбор между добром и злом и желает того, что он выбрал после обсуждения, озарённого чувством нравственного долга.

Кроме того, следует иметь в виду, что хотя наказание непосредственного воздействия на социальные корни и причины преступности не оказывает, тем не менее оно способно оказать помощь обществу в устранении условий и обстоятельств,

способствующих совершению преступлений. И здесь хотелось бы обратить внимание на следующий момент.

Преступление — это понятие, применяемое в определённых исторических, социально-политических условиях, когда это возможно и необходимо и соответствует интересам общества. Ш. Монтескье писал: «В умеренных правлениях хорошему законодателю всё может послужить наказанию. Неудивительно ли, что в Спарте одно из

Шарль Луи де Монтескье

главных наказаний состояло в запрещении ссужать свою жену другому, получать в ссуду чужую жену и в необходимости видеть у себя дома только девственниц? Одним словом, всё, что закон назовёт наказанием, и будет действительно наказанием»¹. Поэтому понятия преступления, преступности связаны с существующими в том или ином обществе, нации идеями, нравами, обычаями, с представлениями о том, что преступно и должно влечь за собой уголовное наказание, а что — нет. В современном мире двоежёнство у одних народов считается преступлением, а у других — нормальным явлением. Употребление спиртных напитков в некоторых мусульманских странах, как известно, карается очень сурово. А в большей части земного шара не подлежит даже моральному осуждению. Поэтому человека можно причислить к категории преступников не потому, что он социально опасен по своей сущности, а потому, что это определено законодателем, исходя из национальных, исторических, социально-политических условий развития общества.

¹ Монтескье Ш. О духе законов. С. 87–88.

С некоторыми деяниями, определёнными государством как преступления, бессмысленно бороться посредством уголовного наказания. Для этого необходимы другие условия, другое время, в которых отпала бы необходимость совершения подобных поступков. Так, например, кровная месть на Кавказе существует тысячелетия. По происхождению кровная месть считалась семейной гордостью и была уделом только знатных семей. Оценивать кровную месть как пережиток прошлого — следствие незнания истории, традиций и национальных особенностей этих народов. Даже тоталитарный коммунистический режим не смог остановить обычай кровной мести, потому что для этих народов кровная месть не считалась преступлением, хотя законодатель и признал её таковым. Сегодня мы являемся свидетелями того, что кровная месть исчезает из жизни кавказских народов. И происходит это не за счёт уголовного наказания, а потому что народы становятся другими, изменяются оценки обычаев и традиций. Ещё недавно похищение девушки с целью женитьбы не считалось преступлением у многих народов Кавказа и Средней Азии и было достаточно распространено, хотя наказание за это было весьма суровым. Сейчас это явление очень редкое. Таким образом, рассматривать то или иное деяние как преступление следует через призму исторического развития народов.

То, что считалось в своё время деянием, поведением, заслуживающим общественного уважения и одобрения, со временем объявляется преступлением, и наоборот. Так, например, на дикарей убийство не наводило никакого ужаса, напротив, у многих из них оно считалось даже геройским подвигом. Спартанцы выбрасывали слабых детей, нисколько не мучаясь угрызениями совести, а арабы в доисламскую эпоху хоронили своих новорожденных дочерей. В Индии существует племя зака-каиль, живущее за счет воровства. Когда в племени рождается мальчик, над ним совершается

следующий обряд: ребенка проносят через отверстие, проделанное в стене, и произносят при этом три раза: «Будь вором!» Напротив, курутары отличаются абсолютной честностью: они никогда не лгут и скорее умрут с голода, чем решатся на воровство¹. Кстати, в Азербайджане проживают курды, у которых в своё время девушку не выдавали замуж за того, кто никогда не крал скот. Из десяти преступлений, за которые еврейские законы наказывали побиванием камнями, (идолопоклонничество, возбуждение к нему, служба Молоху, волшебство, вызывание духов, упорное неповиновение родителям, осквернение субботы, богохульство, изнасилование чужой невесты, дурное поведение молодой девушки) девять перестали в современном обществе считаться преступлениями. Осталось только изнасилование. Мало кто знает, что во второй половине XIX в. за производство аборта в России была установлена смертная казнь. Молодое современное поколение не поверит, что за куплю и продажу простых джинсовых брюк в советский период можно было получить наказание в виде лишения свободы. Кто подумает, что в Египте самым большим преступлением было убить кошку.

Итак, система добродетелей, так же как и система преступлений и порока, меняется вместе с ходом истории. Какова социальная организация, такова и преступность. Многие уголовно-правовые нормы возникли на основе нравственных норм того или иного народа. Поэтому всегда можно сказать, что, каков бы ни был преступник, при иных условиях он, возможно, был бы честным человеком и даже героем.

Тот или иной вид преступности, прежде чем утвердиться в каком-нибудь народе, непременно был сперва занесен к нему извне. Например, на Кавказе до Петра Великого понятия не имели о взяточничестве, подкупе. Для решения своих политических задач Пётр I рекомендовал своим

¹ Ломброзо Ч. Указ. соч. С. 30.

посланникам на Кавказе действовать при необходимости по принципу «не мытьём, так катаньем».

В различные периоды истории у разных народов степень общественной опасности преступления различалась. Так, в Средние века самым большим преступлением было святотатство, затем — зверство и мошенничество, а уже потом — убийство и кража. В советский период хищение государственного имущества считалось тягчайшим преступлением и наказывалось смертной казнью.

Хоть и говорят, что «у преступников нет национальности», тем не менее, всякая нация, всякая раса всегда имела и имеет своих мошенников, своих воров, своих насильников и убийц, характеризующихся национальными особенностями, так же как любая нация имеет свой менталитет, свою культуру, свой уровень развития и историю.

Каковы причины преступности и её особенности в Азербайджане с учётом его геополитических, национальных, природных, экономических, а также других условий?

Наряду с общими причинами преступности, свойственными любому обществу, имеют место и некоторые особенности, характерные для постсоветских республик, в том числе для Азербайджана. Важно выделить наиболее существенные и специфические для Республики в современных условиях факторы, которые в конечном счёте определяют состояние, динамику преступности и её характер. Один из них, на наш взгляд, заключается в том, что расширение гражданских свобод заставило людей самостоятельно принимать жизненно важные решения, к которым они были не готовы.

В период социализма государство, как известно, с одной стороны, чрезмерно вмешивалось в дела гражданина, контролировало и опекало его, но, с другой стороны, одновременно снимало с него ответственность, которую влекут за собой самостоятельность и инициатива. Поэтому несомненно, что снижение уровня контроля, под которым люди жили

всегда, способствовало преступному поведению отдельных лиц. Вот почему основные причины относительно умеренного уровня преступности в СССР в определённые исторические периоды были связаны именно с тотальным государственным и общественным, открытым и тайным контролем за поведением и деятельностью каждого человека, со всеобщим страхом перед репрессивным режимом. В хрущёвский же период преступность начала расти, ибо был ослаблен контроль за поведением людей.

Следует также иметь в виду, что на преступность большое внимание оказывает социальная сплочённость. Никто не может отрицать того факта, что советское общество было успешно функционирующим и отличалось большой сплочённостью, что выражалось в общих идеалах и представлениях о должном и порицаемом. Представляется, что отсутствие такой солидарности и социальной сплочённости в современном обществе привело к развитию в личности ничем не сдерживаемого эгоизма, своекорыстных побуждений.

В современном социуме люди чужды друг другу, никто не считает себя обязанным помогать соседу и ещё менее признаёт за собой право наблюдать за его поведением или представлять в этом отношении какие-либо требования. Поэтому сейчас преступление в глазах людей, общества потеряло значение деяния недостойного, позорного. В частности, речь идёт о таких преступлениях, как взяточничество, хищение, коррупция и т. д. Эти преступления стали восприниматься людьми как явления вполне нормальные. Е. Синегут отмечал, что «преступление, приобретающее характер всеобщий, перестаёт быть преступлением и становится нормой жизни»¹.

Причиной роста преступности в странах постсоветского пространства, в частности в Азербайджанской респуб-

¹ Энциклопедия афоризмов. Россыпи мыслей. М., 2003. С. 433.

лике, следует считать также то, что в обществе ослабло сдерживающее действие морали, и поэтому общество в настоящее время не способно на должном уровне оказывать ограничивающее воздействие на человека. В результате человек перестает подчиняться требуемым нормам поведения. На наш взгляд, самая большая ошибка современного общества состоит в том, что оно не способствует пробуждению в человеке высоких и благородных чувств, а, напротив, изо дня в день возбуждает в нём чувства дурные.

Доказано, что социальное неравенство — один из значимых источников преступности. При этом под социальным неравенством, которое, кстати, является объективным и необходимым в любом обществе, понимается противоречие между относительно равномерно распределёнными потребностями людей и существенно неравными возможностями их удовлетворения, определёнными, прежде всего, местом индивидуумов и социальных групп в социальной структуре общества. Именно социальное неравенство является причиной социальной неудовлетворённости на уровне индивидуального поведения, которое толкает людей на преступление.

Огромное влияние на состояние преступности в Республике оказывает экономический фактор, под которым понимается как бедность и условия, вызывающие таковую, так и другая противоположность — роскошь, ибо роскошь оказывает, несомненно, сильное влияние на нравы и отражается на ряде преступлений из области утончённого и неутончённого разврата и т. д.¹

По справедливому мнению Фоме, существует три великих источника преступности — чрезмерное богатство, крайняя бедность и праздность. Бедность вызывает, — и это было всегда в истории человечества, — проституцию,

¹ См.: Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М., 2010. С. 93.

детоубийство, бродяжничество, грабёж, убийство, и т. д. Бедность и нищета, как известно, существовали всегда и будут, вероятно, существовать ещё долго. Однако бедность и нужда нашего времени имеют свою специфику.

Достаточно отметить, что большое число людей встают каждый день утром, не зная, чем им заняться, ибо не имеют настоящей работы или же вообще не хотят работать. При этом, встречая на каждом шагу невольно манящую их роскошь и богатство, они, конечно, ничего, кроме недобрых чувств, к счастливым их обладателям питать не могут. В итоге, кто-либо из этих несчастных не выдерживает и совершает преступление.

Аристотель в своей «Политике» писал: «Разведение скота, агрокультура, разбой, рыбная ловля, охота — вот естественные для человека формы промышленности, которыми он пользуется для обеспечения своего существования». Великий философ полагал, что разбой — естественная форма существования, т. е. каждый человека выбирает ту или иную форму для добычи средств прожития. Люди разводят скот, занимаются торговлей для того, чтобы разбогатеть. Это вполне нормальное явление. Получается, что желание разбогатеть есть обычный и притом всё более преобладающий двигатель преступности, ибо разбой — очень простой и выгодный путь для приобретения богатства. Разница лишь в том, что в разведение скота нужно вложить много труда и средств, а для разбоя и грабежа в этом нет необходимости.

Г.Д. Тард пишет так: «Если бы экономисты постигли, что всякое богатство, приобретённое помимо труда, обязано своим появлением грубому или утончённому грабежу, то они получили бы правильное представление об огромной роли преступления в функционировании социального организма»¹. В связи с этим уместно вспомнить также слова Ф. Энгельса:

¹ Тард Г.Д. Указ. соч. С. 145.

«Должно быть, есть что-то гнилое в самой социальной системе, которая увеличивает своё богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растёт даже быстрее, чем численность населения»¹.

Ограниченность доступа для определённых людей к богатству, трудоустройству, образованию и т. д. приводит к тому, что для них остаётся только один выход — нарушение закона. Неужели современное демократическое общество способно порождать больше социально-экономических факторов, способствующих совершению преступлений, чем социалистическое, от которого мы отказались? Конечно же, нет. Нельзя забывать, что история подтверждает следующий факт: после всех общественно-политических перемен начинается сильный рост преступности, который продолжается до завершения переходного периода. Так было после Октябрьской революции 1917 г. Свидетелями этого мы являемся и сейчас, после развала Советского Союза.

Хотелось бы остановиться ещё на одной проблеме, которая в настоящее время как никогда требует своего рассмотрения. На основе статистических данных можно с полной уверенностью утверждать, что в Азербайджанской республике алкоголь во всех его видах играет главнейшую роль в чрезмерном распространении случаев тяжких телесных повреждений и умышленных убийств. Алкоголь, возбуждая и направляя в дурную сторону деятельность своей несчастной жертвы, мало-помалу совершенно овладевает ею, парализуя её лучшие и благородные чувства и болезненно изменяя её центральную нервную систему. Если допустить, что можно было бы одним ударом устранить злоупотребление алкоголем, то в силу уже одного этого в Азербайджане преступность в целом сократилась бы на 30–40%, а 2/3 случаев тяжких по-

¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 360.

вреждений и умышленных убийств исчезли бы совсем. «Алкоголизм создаёт класс несчастных, лишённых нравственных устоев и потерявших облик человеческий, которые характеризуются ранним извращением инстинктов и хладнокровно совершают самые позорные и опасные действия»¹.

Как бороться с этим социальным фактором? Возможны различные варианты: начиная с репрессивных (уголовная ответственность), фискальных (увеличение налога на алкоголь), административных (полное запрещение продажи крепких спиртных напитков) и заканчивая воспитательными и психологическими мерами (пропаганда). Вся беда заключается в том, что наше население не знакомо с культурой употребления спиртных напитков. Мы ведь не знаем, что в южных странах желательно пить чай или воду; в более северных — вино; ещё дальше пьют крепкие напитки; наконец, за полярным кругом пьют масла и жиры. Это рекомендации учёных-медиков и психиатров, сделанные на основе исследований влияния различных видов алкоголя на поведение человека. Так, например, известно, что более или менее сильный холод вызывает известную затрату энергии, что побуждает к употреблению спиртных напитков. В тёплых краях, наоборот, в этом нет необходимости, поэтому алкоголь оказывает отрицательное влияние на организм человека и на его поведение.

Дж. Гарибальди, рассказывая об американских всадниках, никогда не щадивших упавших или раненных врагов, писал: «Постоянное употребление исключительно мясной пищи и привычка проливать ежедневно кровь быков являются, вероятно, причиной того, что они столь легко совершают убийства»². А ведь и мы в Азербайджане употребляем много мяса и на глазах у всех, включая детей, проливаем кровь баранов и птиц.

¹ *Mozel. Teatre de d den rescence de l tspe re humaine. Париж, 1857. С. 390.*

² *Caribaldi. Memorie. Флоренция, 1888. С. 184.*

Хотелось бы остановиться ещё на одном вопросе, ибо он имеет прямое отношение к Азербайджану как южной стране. Речь идёт о влиянии климата на преступное поведение.

Как известно, самыми важными причинами всякого биологического явления считаются метеорологические факторы, среди которых на первом месте стоит теплота. Исходя из этого, Ч. Ломброзо пытался доказать, что теплота имеет огромное влияния на многие преступления. По его статистике, оказывается, что в Англии и Франции убийства и изнасилования преобладают в жаркие месяцы. Он пишет: «Таким образом, мы видим, что на кровавые преступления больше влияет климат, нежели раса»¹.

Э. Ферри на основании французской уголовной статистики за период с 1825 по 1878 г. также приходит к заключению, что между теплотой и преступлениями наблюдается известная параллель не только по месяцам, но и по годам.

Г.Д. Тард пытается доказать, что климат играет определённую роль в преступности, особенно насильственной. Он пишет: «Я не думал отрицать влияние жары на усиление жестоких и кровожадных инстинктов. Я знаю, что максимум преступности против личности, т. е. кровавых преступлений, падает на весну или лето, а максимум преступности против собственности — на осень или зиму»². В другом месте своего труда Г.Д. Тард считает, что «из всех преступлений против личности наиболее заметному влиянию температуры подвержены изнасилование и посягательство на чувство стыдливости»³.

В ненаучности подобных утверждений сомневаться не приходится, ибо они безосновательны, как теоретически, так

¹ Ломброзо Ч. Указ. соч. С. 30.

² Тард Г.Д. Указ. соч. С. 315.

³ Там же. С. 90.

и практически, и выведены из следующего умозрительного высказывания: «Южанин не любит спиртных напитков; он чувствует себя пьяным от рождения: солнце и воздух для него страшный естественный алкоголь, силу которого испытывает на себе всякий, кто родился под южным небом»¹. Что касается преступлений против собственности, то, по мнению Ч. Ломброзо, они чаще всего совершаются зимой.

Что же показывает нам статистика, к которой любят очень часто обращаться вышеуказанные авторы? Россия, как известно, холодная страна, а Азербайджан и Таджикистан — жаркие страны. В России на каждые 100 тыс. населения ежегодно совершается в среднем 2500 преступлений. Из общего количества преступлений: умышленных убийств и покушений — 23 000; умышленных нанесений вреда здоровью — 47 000; изнасилований — более 7000. Население России — около 144 млн человек. В Азербайджане, население которого составляет 9 млн, эти показатели выглядят следующим образом: на 100 тыс. населения совершается чуть более 200 преступлений; ежегодно в среднем из общего числа зарегистрированных преступлений умышленных убийств и покушений — 250; умышленных нанесений вреда здоровью — 230; изнасилований — 35. В Таджикистане, население которого чуть более 5 млн, на 100 тыс. совершается 175 преступлений. Соответственно, из общего числа всех преступлений: убийств и покушений — 150; умышленных нанесений вреда здоровью — 120; изнасилований — 66. Эти статистические данные свидетельствуют о том, что насильственные преступления, так же как и другие преступные проявления, вряд ли зависят от климата и расы. По данным ООН, самый высокий уровень преступности фиксируется в Северной Америке, а самый низкий — в арабских странах.

¹ Daudet. Nouma Ruonmestan. — Цит. по кн.: Ломброзо Ч. Преступление... С. 5.

Разница в 26–42 раза. При этом особо отмечается рост тяжких и особо тяжких преступлений.

Таким образом, получается, что жаркий климат, наоборот, положительно влияет на состояние преступности. Полагая, что низкий уровень преступности в арабских странах объясняется двумя причинами: религиозностью, а также отказом от употребления спиртных напитков и одурманивающих веществ. Следует также иметь в виду, что высокий уровень преступности непосредственно зависит от нравственных устоев общества. В арабских странах мораль, норма поведения всегда имела границы. Все знают и понимают это. Поэтому необходимости в их перечислении нет. Есть только необходимость в их соблюдении. Общество в состоянии дать нравственную оценку тому или иному поведению человека, а это приводит к тому, что преступное поведение всегда является объектом осуждения с точки зрения нравственных норм. А ведь нравственное осуждение всегда было сильным сдерживающим фактором от преступных действий. На рост преступности в Азербайджане за последние 20 лет не могло не оказать влияния также состояние войны с Арменией, в результате которой без жилья, работы, имущества оказались около миллиона беженцев, получивших не только материальный, но и моральный и психологический удар.

Когда-то Ч. Беккариа писал, что цивилизация, как и варварство, дикость, создаёт особого рода специфическую преступность¹. Сегодня мы сталкиваемся с тем, как цивилизация чуть ли не ежедневно создаёт новые преступления, а обществу, соответственно, приходится искать способы борьбы с этими проявлениями. При этом следует особо подчеркнуть, что разнообразия в новых наказаниях не наблюдается. Бесспорно, цивилизация, ослабляя семейные узы, увеличивает число бесприютных и беспризорных детей — кандидатов в

¹ См.: Беккариа Ч. Указ. соч. С. 36.

преступники; увеличивается также число наркоманов и алкоголиков. Однако вряд ли будет правильным считать цивилизацию причиной преступных проявлений. Опыт многих стран мира свидетельствует о том, что правильное и целенаправленное использование достижений цивилизации, наоборот, может и должно способствовать уменьшению преступности.

Итак, состояние преступности в Азербайджанской республике на современном этапе позволило обществу убедиться в совершенной негодности современной системы борьбы с преступностью, которая включает в себя несколько направлений. К сожалению, возможности государства осуществлять адекватные меры борьбы с преступностью явно отстают от общественной потребности. В конечном счёте мы, по образному выражению В.Н. Кудрявцева, оказались после развала СССР в криминальном капкане с очень туманными перспективами выбраться из него¹. Что же делать? Как остановить наплыв преступности?

Представляется, что, в первую очередь необходимы социальные реформы, которые позволят создать общественный порядок — порядок в науке, образовании, религии, во всех формах труда и власти, в различных видах просветительских и культурных начинаний, которые взаимно оказывают друг другу внутреннюю поддержку. Такой порядок должен стать союзником в борьбе против преступности. В своё время Ф.Ф. Лист писал: «Подобно тому как гигиене уже удалось продлить человеческую жизнь, социальные реформы, народное образование и справедливость в управлении — уменьшат преступность. Это не утопия, а совершенно определённая и вполне доступная задача»².

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Введение // Лунеев В.В. Преступность XX в. М., 1997. С. 1.

² Лист Ф.Ф. Задачи уголовной политики... С. 103.

Социальные реформы, как известно, зависят от экономического положения общества, т. е. от общего положения населения не только в финансовом, но и в духовном, нравственном и политическом отношении. Поэтому рост экономического положения общества должен осуществляться именно исходя из этого принципа. Нельзя забывать, что именно высокое развитие народа (моральное, экономическое, культурное, правовое, политическое, психологическое, религиозное и т. д.) может произвести значительное уменьшение нравственного и правового зла.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что склонность к преступлению присуща не самому организму, созданному, как говорят Божественные писания, по образу и подобию Божьему, а внешним условиям. Первый грех был вызван для Адама — Евой, а для Евы — яблоком. А как Ева находилась вне Адама, так и яблоко находилось вне Евы. Следовательно, злая воля прародителей наших определилась к своему греху извне — не будь яблока, не согрешила бы Ева; не будь Евы, не согрешил бы Адам. Но если склонность к преступлению присуща не человеческому организму, а внешним условиям, то, стало быть, силы и условия добрых поступков, порочных и злых — одни и те же и все они находятся в человеке, так сказать, в скрытом состоянии и могут стать живыми силами при соответствующих обстоятельствах извне. Следовательно, против преступления мы должны действовать не одним наказанием, а ещё и средствами, парализующими внешние условия, которые вызывают к деятельности порочные, злые силы, находящиеся в человеческом организме. Иначе говоря, ***необходимо действовать не только устрашением, наказанием, но и средствами, способными истребить сами причины, изменить характер самих факторов преступлений.***

Так, например, большинство преступлений против личности обуславливается складом характера и темпераментом

того или иного лица — в этом никто не сомневается. Но подавить в себе движение чувств и страстей может только лицо с развитыми взглядами на жизнь, развитыми убеждениями, с выработанными правилами для действия. Чем незрелее, необразованнее человек, тем менее он будет иметь возможности подавить свои преступные наклонности. Великий Вольтер когда-то сказал: «Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны»¹. Поэтому самым лучшим средством против наклонности к преступным посягательствам является воспитание и образование, словом — духовное развитие человека. А это уже выходит за пределы объективных возможностей уголовного наказания, ибо оно не в состоянии парализовать злое намерение человека собственными силами, так как наказание действует не на внешнюю причину преступления, а на внутреннюю волю. Поэтому наказание является как бы тормозом, удерживающим человека от совершения преступного поступка посредством устрашения, но не средством, искореняющим преступление как социальное явление. Государство, влияя на условия внешней среды, тем самым, влияет и на направление деятельности человека.

5. К вопросу о «кризисе наказания»

Факт малоэффективности уголовного наказания поставил под сомнение его будущее в борьбе с преступностью, начиная с Ч. Ломброзо, который, опираясь на антропологию, психологию, уголовную статистику, уголовное право и тюрьмоведение, предложил отказаться от наказания как средства бесполезного и заменить его другими мерами. Что же предлагается взамен устрашения, наказания?

¹ Энциклопедия афоризмов. Россыпи мыслей. М., 2003. С. 427.

Доктрина уголовно-антропологической школы, признающая биологические свойства преступности, предлагала заменить уголовное наказание «мерами безопасности», а уголовно-социологическое направление — «мерами социальной защиты». Такая замена сводилась к поиску универсального средства преодоления преступности как социально-психологического явления посредством психолого-медицинского и социального влияния на сознание преступника. Так, А. Принс попытался теоретически обосновать необходимость замены уголовного наказания мерами социальной защиты, которые, по его убеждению, имеют принципиальную особенность.

В связи с тем, что в настоящее время в теории уголовного наказания всё чаще и настойчивее напоминает об идее социальной защиты, появляется необходимость и практическая потребность в проведении разграничения между институтом наказания и мерами социальной защиты. Как известно, понятие мер социальной защиты имеет давнее происхождение. Однако до настоящего времени окончательно не установлены ни сущность их отношений к наказанию, ни их объём. Существующие в литературе взгляды относительно природы мер социальной защиты можно свести к двум направлениям: признание принципиального различия между наказанием и мерами социальной защиты или отрицание его. Рассматривая внешнее выражение этого института и выясняя его внутреннее содержание, мы обнаруживаем, что меры социальной защиты — совершенно самостоятельный институт, занимающий особое место среди прочих форм предупреждения преступности. В отличие от наказания применение мер социальной защиты вызывается не потребностью дать оценку уже совершённому преступлению, а исключительно потребностью предотвратить возможность совершения преступления со стороны того лица, против которого они применяются. Из этого следует, что данному институту присущ исключительно превентивный характер.

Поэтому можно утверждать, что понятие наказания — более узкое понятие в том смысле, что меры социальной защиты представляют собой широкий круг возможностей для достижения поставленной цели.

С.К. Гогель отождествлял наказание с репрессией, источником которой, несомненно, является месть. Он пишет: «С зарождением и развитием государства в современном смысле слова месть в виде репрессии перешла в руки государственной власти... Репрессия, выполнение коей было в обязанности государства, оказалась совершенно бессильна в борьбе с преступностью и мало-помалу была признана, хотя и не окончательно, негодной в борьбе с преступностью»¹.

Представляется ошибочным и с юридической, и с социально-политической точек зрения ставить знак равенства между репрессией и наказанием. Репрессия — это исключительно политическое мероприятие со стороны государства и к правосудию прямого отношения не имеет. В то же время даже самые жестокие уголовные наказания, применяемые в борьбе с преступностью, не могут быть названы репрессивными, если нет политических целей.

Таким образом, отрицая наказание, Гогель предлагает переход от репрессии к превенции. «В пользу возможности такого перехода — и, притом, полного — от репрессии к превенции говорят следующие соображения. Совершение преступления в большинстве случаев является не случайностью в жизни отдельного человека, а результатом, завершением медленного и последовательного процесса экономического, физического и нравственного ослабления»².

В том же духе выступал в своё время Д. Дриль. Он писал: «Результаты тщательного изучения явлений живой действительности громко возражают против применения в борьбе с

¹ Гогель С.К. Указ. соч. С. 142.

² Там же. С. 139.

породившимся уже преступником завещанных нам от седой старины мер репрессий, рассчитанных на причинение боли и страданий»¹.

Как видим, особой разницы между концепцией социальной защиты и превенцией не существует, ибо в обоих случаях речь идёт о предупреждении преступности не средствами наказания, а некарательными воздействиями на причины и источник преступности. Последователи концепции социальной защиты по инициативе итальянского адвоката Ф. Грамматика в 1945 г. в Генуе основали Центр социальной защиты, а француз М. Ансель организовал течение «новой социальной защиты». Идеи Ф. Грамматика представляют собой новый, современный вариант итальянской позитивистской школы, получившей развитие в работах, как было указано, Р. Гарофало и Э. Ферри. Ф. Грамматика отрицал право государства наказывать преступников, а М. Ансель исходил из того, что в отношении преступников следует применять лишь гуманные меры воздействия с целью их исправления и перевоспитания.

Как видим, сторонники нового движения социальной защиты признают концепцию социологов о социальной защите и соглашаются с их отказом от классического понимания наказания как ответственности за вину. Между тем, в отличие от представителей социологической школы, сторонники нового направления пытаются найти равновесие между обществом и личностью, обвиняя классиков и неоклассиков в том, что они наказание считают единственно возможным и справедливым видом реакции со стороны государства. А.А. Пионтковский решительно опровергал теорию «новой социальной защиты», усматривая в ней чрезмерную субъективизацию и психологизацию института наказания².

¹ Дриль Д. Указ. соч. С. 158.

² Пионтковский А.А. О теории «новой социальной защиты» в уголовном праве // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 14.

Сегодня некоторые исследователи полагают, что «криминология XXI в. должна обратить внимание на перспективность некарательных санкций, включив их в контекст индивидуальной профилактики преступлений»¹. Что же такое некарательное воздействие, ссылки на которое в последнее время стали очень модными в науке уголовного права и криминологии?

Суть некарательного воздействия в следующем: приговаривать людей, виновных в одинаковых преступлениях, к различным мерам воздействия во имя их реабилитации, наказывать не за деяние, а в связи с условиями его совершения. Иначе говоря, идея наказывать не за деяние, а в связи с условиями его совершения, варьируя меры наказания в соответствии с предполагаемыми опасными свойствами личности преступника, в конечном счете вызвала к жизни теорию и практику некарательного воздействия. Эта система основана исключительно на принципах восстановления личности преступника или, если это невозможно, его изоляции до тех пор, пока это необходимо, чтобы лишить его возможности вновь совершить преступление. Для этого некоторыми представителями этой теории предлагается привлекать психиатров, психологов с целью восстановления психики лица, совершившего преступление. В принципе, некарательное воздействие воспринимается как мероприятие благородное, гуманное, ибо оно направлено на улучшение здоровья пациента, преследуя при этом одну цель — вернуть человеку социальное здоровье, излечить его от преступления. Однако, как утверждает медицина, чтобы лечить, надо знать причину болезни. Как известно, и по сегодняшний день причины преступного поведения человека точно ещё не определены. Кроме того, если даже эта причина кроется в самом человеке, помимо внешних условий, то тогда необходимо уточнить

¹ Криминология XX век. С. 12.

конкретный источник, скрывающийся в сложном биологическом организме. Но возможно ли это?

Сегодня наука еще не в состоянии дать положительный ответ на этот вопрос. По сравнению с уголовным наказанием, которое имеет глубокую историю применения разнообразных жестоких видов такого наказания, некарательное воздействие, наоборот, выглядит гуманным и современным. Вот почему неудивительно, что оно рассматривается как задача будущего.

Идея некарательного воздействия имеет ещё одно преимущество. Дело в том, что не только теоретически, но и практически предупреждение преступности посредством уголовного наказания более сложное, с точки зрения определения его эффективности, чем некарательное воздействие, ибо речь идёт в данном случае о чётко определённом объекте — о том, кого подвергают воздействию.

Сторонники некарательного воздействия, как правило, рассуждают таким образом: опыт учит нас, что наказание оказывает на преступника как раз противоположное действие, так как ему свойственна тенденция деморализовать осуждённого и оно часто переводит его в класс социально отверженных. Возможно, процесс исполнения наказания, на самом деле, оказывает на определённую часть осуждённых отрицательное влияние, что в итоге приводит к рецидиву. Однако положительная роль наказания заключается в том, чтобы другие не совершали преступлений, т. е. в предупреждении посредством устрашительно-предупредительного воздействия.

Представляется, что предпринимаемые с наилучшими намерениями попытки заменить наказание совокупностью мер некарательного воздействия могут порождать неопределённость и произвол. Следует также помнить, что и с этической стороны концепция некарательного воздействия порывает со сложившимися тысячелетиями представлениями

о справедливости, мере добра и зла, соразмерности вины и ответственности и т. д.¹

Один из ярких современных представителей этой теории Н. Кристи отмечает, что «теория некарательного воздействия весьма успешно снимала вопросы ценностного характера. Основанное на аналогии с соматической медициной, некарательное воздействие воспринималось как очевидное благо. Лечение, а соответственно и некарательное воздействие, в системе уголовной юстиции имело цель улучшить состояние здоровья клиента. Поэтому было неуместно спрашивать, причиняет ли некарательное воздействие страдание»².

К.А. Сыч справедливо замечает: «Концепция некарательного воздействия являет собой, на наш взгляд, пример продолжения развития позитивистских идей в виде учения о “прирождённом преступном типе” (Ч. Ломброзо), концепции “опасного состояния” и “преступника — больного человека”, подлежащего лечению (Э. Ферри, Р. Гарофало)»³.

Таким образом, суть теории социальной защиты, концепции превенции и идеи некарательного воздействия, за исключением некоторых непринципиальных отличий, заключается, как мы усмотрели, в отрицании или же в недоверии наказанию как средству борьбы с преступностью. Представляется, что речь может идти не о замене наказания какими-то другими мерами, а об усовершенствовании его эффективности, а также о параллельном существовании различных мер борьбы с преступностью. Без сомнения, теоретически не исключается, что наступит «время, когда кара наказания утратит интенсивность в такой мере, что потребуются вводить новую терминологию»⁴.

¹ *Никифоров Б.С.* Вступительная статья // Анденес А. Наказание и предупреждение преступлений. С. 9.

² *Кристи Н.* Пределы наказания. М., 1985. С. 45.

³ *Сыч К.А.* Указ. соч. С. 60.

⁴ *Криминология XX век.* С. 225.

Однако, отказавшись от устрашения, от причинения зла, страдания, по крайней мере, сегодня, логически следовало бы отказаться от самого наказания, которое в настоящее время не представляется явлением позорящим, напротив, оно признаётся неизбежным и необходимым последствием известной профессии.

Говоря о наказании, очень часто и очень давно выдвигаются абсолютно нормальные и естественные аргументы: человечество перепробовало все средства репрессии, включая квалифицированные виды смертной казни и изощрённые пытки, однако ни преступность, ни иные формы девиантного поведения почему-то не исчезли. Ведь когда мы говорим о наказании как средстве борьбы с преступностью, речь идёт не о каких-то чудесах, не об искоренении преступности, а, главным образом, о приостановлении её дальнейшего роста. Следует также учитывать, что иногда достижение поставленной цели зависит не только от того, правильно ли она поставлена, но и во многом от эффективного использования имеющихся в нашем распоряжении средств достижения. Может быть, на самом деле, наказание по своим объективным возможностям — весьма полезное средство, однако мы не умеем им пользоваться в максимальной степени. Мы согласны с мнением С.К. Гогеля, который в своё время подчёркивал: «Наказания исключаются законодателем из лестницы наказаний тогда, когда они более совершенно не соответствуют взглядам и нравам общества вследствие происшедшего смягчения этих нравов, не допускающих более совершения жестокостей и насилий ни в частной, а тем более, в общественной жизни»¹.

Теперь хотелось бы задать вопрос: соответствует ли уровень нашей морали и нравственности и вообще нашего развития в широком смысле слова тому, чтобы отказаться от наказания и заменить его некарательными действиями?

¹ Гогель С.К. Указ. соч. С. 129.

Одно время в науке уголовного права советского периода существовало направление, которое считало, что уголовно-правовая политика идёт по пути сужения сферы применения уголовного наказания за счёт мер общественного воздействия и воспитания.

Так, И.И. Карпец писал: «В соответствии с совершенствованием общественных отношений, с ростом сознательности людей будет отпадать надобность в различных формах государственного принуждения. Наказание будет всё более вбирать в себя черты не столько карательной меры, сколько воспитательной»¹.

Некоторые авторы указывали, что развитие процесса замены мер наказания мерами общественного воздействия включает в себя в качестве предпосылки постепенное смягчение таких мер, что рост культурного уровня трудящихся приводит не только к снижению преступности, не только к тому, что начинается процесс замены мер наказания воспитательными мерами, но и к тому, что происходит смягчение самих мер, потому что более строгие меры во всё большем числе случаев уже не нужны².

По словам Н.А. Беляева, «основным путём замены наказания мерами общественного воздействия и воспитания является сокращение круга уголовно наказуемых деяний и сокращение преступности»³.

Понятие «меры общественного воздействия и воспитания» по своей сути тождественно понятиям «меры социальной защиты», «некарательное воздействие». Как известно, термин «социальная защита» возник раньше, а позднее стали использовать понятие «некарательные меры». Что

¹ Карпец И.И. Социальные и правовые аспекты учения о наказании // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 68.

² См.: Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.

³ Беляев Н.А. Избранные труды. С. 76.

касается мер общественного воздействия и воспитания, то этот термин был в моде в советский период и, как правило, использовался в идеологических и политических целях.

Сторонники постепенной замены уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания ошибочно, на наш взгляд, допускают возможным существование наказаний, вообще лишённых карательных элементов, что принципиально невозможно, ибо наказание состоит, прежде всего, из элементов кары. Поэтому полагать, что наказание вообще должно быть лишено элементов, причиняющих физические страдания или унижения, абсурдно. С.П. Мокринский писал: «Как факт чувствительной жизни, уголовное наказание является актом принуждения к страданию. С момента, когда государство перестаёт реагировать на определённые факты посредством причинения страдания, должно будет исчезнуть из юридического лексикона и само это исторически сложившееся понятие»¹.

Представляется, что изменение содержания наказаний путём постепенного сведения к нулю всех карательных его элементов есть мероприятие, практически несостоятельное и даже в современных условиях вредное, что подтверждается также состоянием, структурой и динамикой преступности. Речь может идти не о постепенной замене уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания, а о параллельном существовании мер некарательного характера с уголовным наказанием, что вытекает из принципиального взгляда на исторические судьбы государства и права, на роль и место принуждения и убеждения в обществе. При этом следует особо подчеркнуть, что широкое применение мер общественного воздействия вместо наказания сегодня, без всесторонней и глубокой предварительной подготовки к этому, может привести к нежелательным последствиям. В то же

¹ Мокринский С.П. Наказание, его цели и предложения. М., 1902. С. 3.

время нельзя не согласиться с тем, что современное законодательство, посвященное борьбе с преступностью, нуждается в подлинной реформе, по глубине соизмеримой, как отмечается в литературе, с реформами конца XVII — начала XIX в., когда человечество освободилось от членовредительских наказаний и квалифицированных видов смертной казни¹.

Существенную роль в развитии научной мысли в этом направлении должны сыграть пересмотр длительного срока наказания в виде лишения свободы, а также коренное изменение содержания исполнения наказания. Поэтому мы не можем согласиться с позицией, утверждающей, что «социальные системы должны строиться таким образом, чтобы свести к минимуму ощутимую потребность причинения боли с целью социального контроля»².

Такой подход является отрицанием общепредупредительного воздействия уголовного наказания, которое, как известно, играет существенную роль в предупреждении преступности. Без страдания, боли, лишений, являющихся элементом содержания наказания, вряд ли возможно воздействовать на поведение людей в социально полезном плане. Речь может идти только об ограничении этих карательных свойств наказания для лиц, совершивших незначительные преступления. Однако в ближайшей перспективе отсутствует возможность ограничения роли наказаний в предупреждении преступности и усиления внимания к другим мерам воздействия, прежде всего, к тем, которые способны оказывать воздействие на личность не только непосредственно, но и через изменения социально-экономических, культурных и т. п. условий, в которых она живёт и формируется.

Таким образом, хотелось бы напомнить тем, кто утверждает, что настало время, когда нужно остановить дальнейшее

¹ Криминология XX век. С. 12.

² Кристи Н. Указ. соч. С. 23.

продвижение теории устрашения: теория удержания полностью приемлема, если речь идёт о выборе между двумя крайностями — всё или ничего. Если не принимать никаких мер к правонарушителям, если их не устрашать, то это, повторяем, несомненно повлияет на общий уровень преступности.

Нельзя забывать, что в настоящее время способность эффективно противостоять преступности уже не частная проблема, а проблема выживания общества в целом. Сегодня нет необходимости доказывать, что положительных результатов в сдерживании преступности можно достичь не только с помощью рациональной социальной политики, но и оказывая воздействие на личность преступника. Поэтому социальный контроль над преступностью включает борьбу посредством наказания и профилактики. В связи с этим хотелось бы сделать ещё одно очень важное уточнение. Когда мы говорим об устрашении, речь не идёт о применении мер жестокости, а имеется в виду воздействие на определённую неустойчивую часть населения посредством целесообразного наказания с целью помочь им приспособиться к условиям жизни в обществе. Тем не менее можно было бы с большой радостью принять некарательное воздействие и отказаться от наказания, если была бы хоть какая-нибудь уверенность в том, что после этого преступность начнёт постепенно уменьшаться. А раз такой уверенности нет, то следует уголовное наказание рассматривать в качестве предупреждения преступлений и в недалёком будущем. Поэтому утверждение о том, что «в конечном счёте не так уже важно, действует наказание или нет, потому что оно выходит из употребления»¹, абсолютно беспочвенно. Правда в том, что показатели фактической преступности говорят о низкой эффективности предупредительного воздействия наказания, но в то же время они не дают

¹ Bittner and Platt. The meaning of Punishment // Issues in Criminology. 1966. Vol. 2. P. 79.

ответа на вопрос о количестве людей, не совершивших преступления вследствие именно этой угрозы.

Основываясь на этом, законодатель не задумывается над тем, применять или нет наказание, хотя ему известно, что угроза наказания не действует на всех исключительно. Поэтому вычленить страх наказания, устрашения из всей совокупности обстоятельств, по причине которых человек отказался от совершения преступления, и определить точно, какую долю эта угроза занимает в общем массиве причин, — практически невозможно.

Влияние уголовного наказания не поддаётся численному определению. Оно действует незаметно. Реальность заключается в том, что для сегодняшнего законодателя мотив предупреждения является главным при определении уголовных наказаний. Значит, не подлежит сомнению, что устрашительно-предупредительное действие наказания возрастает в отношении определённых категорий преступлений. Из опыта борьбы с преступностью в советский период можно привести факты, когда, действительно, вследствие ужесточения наказания за конкретный вид преступления (за хулиганство, взяточничество, хищение государственного и общественного имущества и т. д.) наблюдалось резкое снижение её уровня. Однако представляется совершенно недопустимым делать выводы о влиянии наказания на преступность с учётом жестокости репрессии и динамики судимости. На практике не может быть такого положения, чтобы уровень преступности колебался лишь под влиянием жестокости наказания. Обязательно требуется многофакторный анализ воздействующих на преступность обстоятельств в конкретных условиях.

Итак, рассуждая о будущем уголовного наказания и возможности его замены мерами некарательного воздействия, мы поддерживаем позицию А. Анденеса, который сказал: «Я выбираю уголовное право, которое имеет открытый и

прямой карательный характер и не пытается спрятаться за великодушной риторикой об исправлении и восстановлении личности, т. е. уголовное право, основанное, главным образом, на общем удержании и соображениях справедливости, и предсказываю, что ему принадлежит будущее»¹. Вот почему мы должны не о «кризисе наказания» говорить и спорить, а глубоко изучить и понять механизм воздействия угрозы наказания на человека. Можно ли открыть то, что прежде не было известно, или же восстановить позитивную истину и подкрепить её новыми доказательствами?

¹ Анденес II. Наказание и предупреждение преступлений. С. 261.

Глава III

Проблема наказания и теория прогнозирования

1. Прогностическая сущность наказания

Мы всегда рассматривали уголовное наказание как понятие только юридическое. Поэтому старались решить все проблемы, связанные с его эффективностью, путём исследования ряда насущных для практики частных вопросов назначения и исполнения наказания или же посредством совершенствования уголовного или уголовно-исполнительного законодательства. Мы глубоко убеждены в том, что, если бы в бытность Ч. Ломброзо, Э. Ферри и других учёных такие науки, как прогнозирование, кибернетика, математические методы и т. д., получили такое развитие, как сейчас, учение о наказании и его значении в борьбе с преступностью было бы значительно более глубоким, так как они обязательно воспользовались бы результатами этих наук. Наказание — сложное явление, а потому подход к его изучению только в пределах правовых наук бесперспективен. Такой феномен, как наказание, нуждается в системном подходе. Этого от нас требует будущее наказания.

Этимологически греческое слово “sistema” означает целое, состоящее из частей. Противоположным системе является понятие «не-система», т. е. хаос или суммативное множество. Под системой в современной науке понимается

целостное множество взаимосвязанных элементов¹. «...Система есть упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, закономерно образующих единое целое, обладающее свойствами, отсутствующими у элементов и отношений, его образующих»².

В связи с этим Д.А. Керимов отмечает: «Простые суммарные целостности (например, стог сена, куча мусора или яблоки в корзине) вовсе не являются системой. В отличие от первых (искусственно созданных или случайно образовавшихся), система — сложная целостность, возникшая в результате объективного, закономерного процесса соединения составляющих её элементов»³.

Понятие «система» широко используется как в общенаучной и специальной литературе, так и в повседневной жизни. Обычно оно употребляется в качестве синонима совокупности, комплекса определённых реальных объектов. Не является исключением в этом смысле также право и юридическая деятельность. В юридической литературе ныне всё чаще употребляются понятия «система», «системность», «системный подход», «системный анализ», «общая теория системы» и т. д.⁴

¹ См.: Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974. С. 82.

² Кравченко Р.Г., Скрипка А.Г. Основы кибернетики. М., 1974. С. 21.

³ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 220–221.

⁴ По вопросу о понятии системы применительно к юриспруденции см.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972; Сырых В.М. Структура, генезис, система как элементы исторического и логического методов познания права: Автореф. канд. дис. М., 1970; Чхитквдзе В.М., Ямпольская Ч.А. О системе советского права // Советское государство и право. 1967. № 9; Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права // Советское государство и право. 1971. № 3;

Мы уже привыкли к выражениям «система норм права», «система юридических учреждений», «система доказательств» и т. п., понимая под этим упорядоченное определённым образом (для каждой системы по-своему) какое-то множество элементов, которые между собой связаны и в совокупности образуют нечто целое.

Любая система имеет три принципа.

Первый принцип системности — целостность составляющих систему блоков — подсистем и элементов. Целостность понимается как принципиальная несводимость системы к простой сумме составляющих её компонентов. Система — качественное, устойчивое интегративное образование, а не механическая совокупность составляющих её частей.

Второй принцип — принцип иерархичности, многоуровневости и многоступенчатости. Всякая система является частью другой, более широкой системы, а её подсистемы и элементы, в свою очередь, могут рассматриваться как самостоятельные элементы.

Третий принцип — структурность системы. Структура — это, во-первых, качественное своеобразие слагающих систему подсистем и элементов, а во-вторых, сеть связей между ними. Структура — это закон строения и поведения системы, устойчивые формы связей, взаимодействий и отношений внутри системы.

По степени сложности системы подразделяются на простые и сложные. **Простая система** не имеет разветвлённой структуры, содержит небольшое количество взаимодействующих элементов и выполняет простейшие функции. **Сложная система** имеет разветвлённую структуру и значительное количество взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, выполняющих более сложные функции.

Его же. Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 7.

Наказание как система относится к сложным целостным образованиям. Поэтому она характеризуется интегративными свойствами, которые определяют все другие их основные и специфические особенности.

Наказание как сложная система состоит из трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой частей, которые образуют динамический процесс: подготовка и принятие уголовно-правовой санкции, назначение и исполнение наказания.

Системный характер наказания требует комплексного, междисциплинарного подхода к его изучению. А для этого необходимо привлекать данные различных наук: категории, идеи, методы и средства философии и социологии, психологии и педагогики, кибернетики и теории информации, поскольку одна наука не в состоянии собственными силами решить рассматриваемую исследовательскую проблему. Иначе говоря, суть системного исследования применительно к наказанию заключается в концентрации закономерностей и категорий, методов и средств различных наук вокруг решения именно этой проблемы. При этом необходимо иметь в виду, что достижения других наук лишь тогда органически вольются в исследование данной проблемы, когда они будут служить специфическим целям и задачам уголовной и уголовно-исполнительной наук, которым принадлежит приоритет в решении этого вопроса.

Системный подход, получивший распространение во второй половине XX в., весьма плодотворен. Достоинство этого метода состоит в том, что он позволяет использовать математические методы, в частности математическое моделирование. Главное же — системный метод обеспечивает научно обоснованное целенаправленное управление познанными системами. Совершенно обоснованно представление о системности как о междисциплинарности исследования, т. е. совместном изучении объекта несколькими науками, каждая

из которых рассматривает его под каким-либо одним, специфическим углом зрения¹.

В связи с этим важными являются следующие рассуждения Б.М. Кедрова: «Дальнейший шаг в углублении взаимодействия наук состоит, во-первых, в том, что во взаимодействие вступают не только науки одного общего профиля, например, только естественные или только гуманитарные, но науки всех профилей; а во-вторых, их взаимодействие усиливается и доходит до образования из них некоторых слитных комплексов и до выработки нового комплексного метода исследования, представляющего собой дальнейшее развитие и совершенствование метода материалистической диалектики»².

Идея системности ныне прочно вошла в число основных методологических принципов проведения конкретных социальных исследований. И постоянное совершенствование организационных форм, методов, путей проведения комплексных исследований является одной из важнейших проблем научного поиска.

Завершая рассмотрение этого вопроса, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что «сейчас наступил такой период в научном развитии, когда, продолжая совершенствовать общенаучные представления о системности, надлежит переходить к их использованию в конкретных областях знания, где и происходит непосредственное «слияние» теоретической мысли с практическими потребностями социального развития»³. Поэтому только обращение к системному подходу как одно-

¹ См.: *Копнин В.В.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 288; *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 203; *Федосеев П.Н.* Проблема социального и биологического в философии и социологии // Вопросы философии. 1976. № 3. С. 74.

² *Кедров Б.М.* О современной классификации наук (основные тенденции в её эволюции) // Вопросы философии. 1980. № 10. С. 94.

³ *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 203.

му из методологических направлений в современной науке, позволяющему по-новому увидеть объект исследования, даёт возможность познать особенности и закономерности сложной системы уголовного наказания.

Многие проблемы современной системы наказания непосредственно связаны с его прогностической сущностью. Поэтому не вызывает никакого сомнения тот факт, что будущее наказания связано с использованием прогнозирования в учении о наказании и в практическом его применении в законотворческой, судебной деятельности, а также в процессе исполнения приговора.

В значительной степени эффективность устрашительного воздействия наказания и в целом достижения цели предупреждения преступлений зависит от предвидения будущих его результатов. Именно в этом и заключается проблема, поскольку мы сталкиваемся с прогнозированием, т. е. с предвидением будущих результатов наказания, в момент принятия решения, — начиная с принятия уголовно-правовой санкции и заканчивая исполнением судебного решения. Поэтому без научного прогнозирования практически невозможно устранить те препятствия, которые мешают повысить эффективность уголовного наказания. А это означает, что его малоэффективность — результат нашей неспособности использовать научные достижения в области прогнозирования. Как мы убедимся далее, эффективность уголовного наказания и пути её повышения связаны именно с его прогностической сущностью. Исходя из этого, считаем целесообразным попытаться разобраться в этом вопросе и предложить некоторые решения.

Прогнозирование результатов наказания направлено от известного к неизвестному, что порождает специфическую гносеологическую неопределённость научного предвидения. Невозможность непосредственного экспериментального контроля результатов уголовного наказания оставляет

во многих случаях открытым вопросом о подтверждении правильности или ошибочности выводов, поскольку на данном этапе развития науки для решения этой проблемы отсутствуют достаточные логические и практические средства. В.Г. Виноградов отмечает: «Отсутствие возможности непосредственно-профилактической экспериментальной проверки результатов научного предвидения затрудняет ответ на вопрос об истинности или ложности предвидения. Непосредственно практическую проверку результатов предвидения можно осуществить только после обнаружения предсказуемых явлений»¹.

Анри Пуанкаре

Значит, прогнозирование результатов наказания отличается невозможностью «сиюминутной» практической проверки истинности, обоснованности, надёжности прогнозов, так как существует сдвиг во времени проверки теории на практике от процесса её формирования. Наличие такого временного интервала создаёт некоторую гносеологическую неопределённость, поскольку к моменту окончательной проверки теории материальные объекты, которые она отражает, могут претерпеть существенные изменения. Это вторая особенность прогнозирования результатов уголовного наказания. Но она ещё не является основанием для отказа от прогнозирования. Как предупреждал А. Пуанкаре, «лучше предвидеть без абсолютной уверенности, чем не предвидеть вовсе»².

¹ Виноградов В.Г. Научное предвидение. М., 1973. С. 174.

² Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М., 1904. С. 159.

Без всякого сомнения, авторитет прогнозирования зависит, прежде всего, от степени вероятности прогнозов. Поэтому одной из самых актуальных проблем прогнозирования наказания является проблема априорной верификации и доказательства.

В философской литературе имеет место недооценка проблемы истинности прогнозирования. Так, например, утверждается, что «верификация как способ проверки знания, заключённого в прогнозе, не может ответить на вопрос — истинен или ложен прогноз», ибо «специфика знания, заключённого в прогнозе, состоит в том, что о его достоверности можно говорить объективно только после осуществления прогноза»¹. Следовательно, полагают авторы, прогнозирование теряет смысл, если ждать реализации прогноза для определения его достоверности и возможности использования.

Вопрос об объективной истинности прогнозирования результатов наказания тесно связан с проблемой критериев его истинности. Именно предварительное выяснение объективной истинности прогнозирования служит основой для анализа критериев истинности познания будущих результатов уголовного наказания. Такие критерии делятся на два класса: практический критерий и логические (косвенные) критерии. Организация прогнозирования наказания, т. е. формирование искомого, «есть, вместе с тем, определение и развитие критериев, на основе которых непрерывно определяется адекватность этого искомого исходным условиям и требованию решаемой задачи»². С одной стороны, в начале практической деятельности нет и не может быть никаких полностью готовых критериев и эталонов для вывода будущего результата относительно правильности или ошибочности уголовного на-

¹ Каспин В., Лисичкин В. О создании краткого словаря терминов по прогностике // Теория и практика прогнозирования развития науки и техники в странах — членах СЭВ. М., 1971. С. 353.

² Брумлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979. С. 180.

казания. Но, с другой стороны, организация прогнозирования результатов наказания невозможна без подобных критериев и эталонов. Отмеченное противоречие шаг за шагом разрешается именно в процессе создания, формирования будущего результата уголовного наказания.

Главным и подлинным критерием истинности прогнозирования выступает практика, т. е. факт наступления или ненаступления в будущем желаемого результата конкретного уголовного наказания. «Практикой своей, — подчёркивал В.И. Ленин, — доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний»¹. Практика есть основа прогнозирования. Именно в практике мы открываем свойства, предсказывающие будущее. Так, Ю.А. Васильев отмечает: «Практика обеспечивает материализацию, превращение в объективную реальность предвидимой цели, социального идеала»². К практике как критерию объективной истины прогнозирования нужно подходить диалектически, потому что она не только подтверждает или опровергает прогнозы о будущем результате уголовного наказания, но и сама нуждается в них.

С одной стороны, в процессе организации прогнозирования практика выступает как настоящая основа, как исходная материальная предпосылка всех прогностических изысканий, как неиссякаемый источник обогащения и развития научных представлений о будущем. Поэтому практика — единственное средство реализации и подтверждения прогнозирования теоретических предначертаний. Она является не только критерием надёжности прогноза будущего результата уголовного наказания в его окончательном виде, но и решающим средством уточнения, корректирования прогностических знаний

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.

² Васильев Ю.А. В.И. Ленин и социальное предвидение. Минск, 1978. С. 199.

в процессе их реализации. Специфика практики как критерия достоверности прогноза в этом смысле состоит в том, что проверка сегодняшних знаний о завтрашнем результате наказания производится на основе прошлой и настоящей практики применения наказания.

С другой стороны, практика не может обойтись без прогнозов в той или иной форме. Практика нуждается в прогностической деятельности законодателя, суда, органов, исполняющих наказание. Прогноз этих органов, получивший проверку на практике, подтверждает истинность и тех знаний, на основе которых он строится.

Результат практической реализации прогнозирования наказания полностью не может совпадать с его теоретической моделью, а соответствует ей в основном, существенном, определяющем. Так, например, суд точно не в состоянии определить в деталях, как себя будет вести осуждённый в местах лишения свободы через два года после осуждения. Но посредством прогнозирования суд может определить в будущем поведение данного осуждённого в целом.

Поэтому попытки предвосхитить будущие результаты уголовного наказания во всех подробностях представляют собой лишённое какого бы то ни было основания произвольное гадание, а не научное прогнозирование. При этом необходимо иметь в виду, что соотношение прогнозирования (цели) и результата практики неодинаково складывается в различных социальных условиях. Изучение связи между социальным предвидением (целью) и результатом практики, их относительного, а не абсолютного совпадения позволит установить определённые научные принципы, соблюдение которых необходимо при сопоставлении теоретической модели будущего с достаточным материальным результатом человеческой деятельности¹. Иными словами, прогнозирую-

¹ Там же. С. 213.

вание всегда выступает в качестве относительной истины, оно неполно характеризует будущий результат уголовного наказания. Следовательно, практика в чём-то уступает прогнозу законодателя или суда, но она в то же время даёт и много нового, что не охватывалось прогнозированием. Результат уголовного наказания характеризует не только «недовыполнение» прогноза, но и его «перевыполнение». В итоге, практический результат наказания в целом окажется богаче, чем самое совершенное прогнозирование.

Таким образом, результат прогнозирования при принятии, назначении и исполнении наказания, получивший проверку на практике, подтверждает истинность и тех знаний, на основе которых он строился.

Но в момент построения уголовно-правовой санкции, вынесения приговора, исполнения наказания необходимо быть уверенными в определённой достоверности знаний о будущем не после, а раньше, чем наступят ближайшие или отдалённые результаты деятельности субъектов прогнозирования. Иначе говоря, суд должен до назначения того или иного вида и размера наказания быть уверенным, что осуждённый исправится в течение, например, пяти лет. Следовательно, обращённость прогностического познания вперёд, в будущее заставляет нас искать способы, пути проверки истинного познания будущих результатов наказания до того, как прогностические идеи будут подтверждены или отброшены практикой.

Помимо абсолютной верификации, т. е. эмпирического подтверждения или отрицания правильности прогноза, существует относительная (предварительная) верификация, которая позволит развивать научное исследование и практически использовать его результат ещё до наступления верификации. Способы относительной верификации общеизвестны: это проверка полученных, но ещё не поддающихся абсолютной верификации результатов исследования

Фридрих Энгельс

повторными или параллельными исследованиями¹.

Особенность прогнозирования наказания как раз и состоит в том, что при установлении истинности возрастает роль логических методов, хотя роль практики как решающего критерия истинности знания и здесь сохраняется в полном объёме.

Следует отметить, что само прогнозирование играет роль некоторого косвенного метода проверки знания, ибо одной из его функций является проверка истинности гипотез².

Применение законодателем, судом, органами, исполняющими наказание, метода логического анализа для проверки достоверности прогностического знания выступает как процесс выведения одного знания — знания о будущем, из другого знания — знания о прошлом и настоящем, которое уже утверждено практикой. Решающее значение в этом случае имеет истинность исходных данных, полнота и глубина знаний об эффективности и неэффективности конкретного наказания в прошлом и настоящем. Подчёркивая это, Ф. Энгельс писал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности»³.

Теперь совершенно очевидна практическая необходимость детального и комплексного изучения практики при-

¹ См.: Прогнозирование в социологических исследованиях. С. 28.

² См.: Виноградов В.Г. Научное предвидение. С. 174.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 629.

менения того или иного наказания. В многообразии форм проверки истинности прогноза до его воплощения в жизнь ведущее место принадлежит науке. Искусство любого прогнозирования, в том числе и социального, состоит в том, чтобы, основываясь на объективных законах развития тех или иных явлений, суметь определить будущие качества, направление и характер развития этих явлений и, вместе с тем, суметь направить это развитие по научному руслу в соответствии с поставленной целью.

Таким образом, важно помнить, что методами проверки истинности законодательного, судебного, а также индивидуального прогнозирования является не только экспериментальная проверка, но и научная обоснованность, логическая доказательность и т. д. Истинность прогностического знания законодателя, суда, органов, исполняющих наказание, о будущих результатах уголовного наказания, как на стадии его подготовки, так и в процессе назначения и исполнения, должна проверяться посредством указанных методов, каждый из которых тесно связан с практикой, является её воплощением и получает дальнейшую конкретизацию и развитие применительно к специфике отдельных видов прогнозирования. Как видим, практическая необходимость и возможность прогнозирования в области уголовного наказания не вызывают сомнений. Но каковы методы и способы такого прогнозирования?

Одним из наиболее важных и чрезвычайно сложных направлений развития теории и методологии прогнозирования в области наказания является разработка методов познания будущих результатов принятого в настоящее время решения. На наш взгляд, такое положение объясняется тем, что проблема классификации методов прогнозирования, к сожалению, ещё не решена, хотя развитие методологии и методики прогнозирования достигло такого уровня, что сегодня возникла необходимость выделить особую

отрасль — *прогностику*. Её задача состоит в совершенствовании и развитии технологии прогнозирования, принципов организации прогнозных разработок. Естественно, что применение разрабатываемых в прогностике методов предполагает максимальный учёт специфики объекта прогноза¹. Имеющиеся в специальной литературе попытки классификации методов относятся к отдельным отраслям прогнозирования, в первую очередь, к наиболее развитым — научно-техническому и экономическому прогнозированию².

Представители различных общественных наук рассматривают множество методов социального прогнозирования. Так, например, В. Шляпентох называет «до двух сотен различных методов, с помощью которых можно приоткрыть завесу над грядущим»³. Б.Ф. Зайцев и В.А. Лапин пишут, что в практике прогнозирования применяется около 130 методов⁴.

В целом, социальное прогнозирование «сегодня» использует для изучения «завтра» в основном социологические методы, экспертные оценки и математические модели. Методической основой разработки и применения методов, способов прогнозирования в области наказания, как и всякого научного познания, является философия — всеобщий метод познания. В полном соответствии с ним, в целях познания будущих результатов наказания, могут применяться общенаучные и частнонаучные методы. Выполняя роль метода познания будущего, диалектика имеет функциональное значение для прогнозирования любых социальных явлений и процессов, в том числе наказания. Диалектика является

¹ См.: Шляпентох В. Как сегодня изучают завтра. М., 1975. С. 10.

² См.: Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978. С. 86.

³ Шляпентох В. Прогноз для себя // Литературная газета. 1971. 1 янв.

⁴ См.: Зайцев Б.Ф., Лапин В.А. Организация планирования научно-технического прогресса. М., 1970. С. 79.

философским методом научно-технического познания; её законы и категории служат основой синтеза знания, направляют мышление на поиск наиболее плодотворных решений новых проблем. Диалектико-материалистический подход к социальным проблемам ориентирует на творческий анализ всех новых вопросов, выдвигаемых жизнью, позволяет предвидеть необходимые действия, направленные на реализацию программы развития явления, процесса. Таким образом, изучая процесс возможного изменения того или иного явления в будущем, диалектика выступает «как метод предвидения и целенаправленного действия»¹. «Предвидение, с точки зрения диалектики, — пишет Л.Д. Никитин, — есть основанные на познании законов объективного мира знания о том, как будет изменяться данное явление в будущем»².

Поскольку в методе выражается содержание изучаемого предмета, то применение диалектического метода в каждой науке имеет свои особенности, вызываемые особенностями предмета науки, которые делают также необходимым применение в ней и специальных методов в помощь основному методу — диалектическому.

Описание будущих результатов уголовного наказания может осуществляться на разных уровнях и в разных формах познания. Каждая из таких форм представляет собой мысленное чувственно-логическое или теоретическое отражение будущего. Исходя из вышеизложенного и дефиниций, основанных на специальной литературе, посвящённой исследованию метода, можно определить метод прогнозирования наказания как сложный приём (или совокупность простых приёмов) теоретического исследования перспектив

¹ Бауэр А., Эйхгорн В., Сечет В., Вюстник К. *Философия и прогнозистика* / Пер. с немецкого. М., 1971. С. 44.

² См.: Никитин Л.Д. *Управление производством и марксистская диалектика* // Научное управление обществом. Вып. 3. М., 1969. С. 152.

развития или конечного результата конкретного уголовного наказания, как форму последовательных теоретических и практических подходов к разработке прогноза на основе закономерностей процесса принятия, назначения и исполнения уголовного наказания и возможностей их познания. Прогнозирование будущего в законодательной, судебной и пенитенциарной деятельности может быть разной степени гипотетичности — от крайне маловероятных до вполне достоверных, истинных прогнозов.

Необходимо заметить, что прогнозирование наказания должно осуществляться путём применения совокупности методов, которые вполне могут обеспечить процесс познания тенденций и закономерностей развития, например, карательно-воспитательного воздействия как на лиц, совершивших преступление, так и на неустойчивых граждан нашего общества. Как бы законодатель ни обосновывал целесообразность и эффективность принятого им закона, а суд добросовестно не исследовал дело в процессе судебного разбирательства и не индивидуализировал наказания, он никогда не сможет дать однозначный ответ на вопрос, достаточно ли этого карательно-воспитательного воздействия для достижения цели, стоящей перед уголовным наказанием, так как их решение основано только на предположениях, догадках, внутреннем чутье, жизненном и профессиональном опыте. В таком случае они свой вывод обосновывают, лишь опираясь на собственную интуицию. Что же такое интуиция и можно ли на неё надеяться?

В прогностическом смысле интуиция обозначает виды *восприятия* (быстрое отождествление, ясное понимание и способность интерпретации), *воображения* (способность представления, искусство сравнения и творческое воображение), *выводы умозаключений* (ускоренное умозаключение), *синтезирование* (обобщающая точка зрения), *понимание* (здравый

смысл) и оценка¹. Вот эта совокупность мышления является основой подготовки и принятия санкции, а также избрания судом вида и размера конкретного уголовного наказания.

Это связано с тем, что между моментом принятия решения и наступлением его результатов существует интервал во времени. А это значит, что в законодательной и судебной практике интуитивный элемент неизбежен в предвидении при значительном времени упреждения. Так, например, прежде чем назначить наказание, суд старается мысленно вообразить себе будущее последствие своего решения, построить целостное представление о будущем результате приговора. Но такой подход представляет в себе некоторую опасность беспочвенного фантазирования. В связи с этим совершенно справедливо возникает вопрос: является ли интуиция серьёзным и одним из главных методов прогнозирования? Конечно, нет, ведь применение термина «метод» по отношению к интуитивным предвидениям, предсказаниям результатов уголовного наказания неправомерно. Здесь правильнее было бы употреблять термины «способ», «средство», так как метод есть особый способ познания будущего, в котором содержатся какие-либо предписания, указания осуществить те или иные операции в том или ином порядке. Интуитивное же предвидение последствий наказания не основано на таких предписаниях. Метод и интуиция исключают друг друга: если обнаруживается метод решения задачи, которая раньше решалась интуитивно, то необходимость в интуиции отпадает.

Предсказание, сделанное на основе интуиции, в значительной степени, как пишет М. Бунге, «дело фронезиса (практической мудрости), той мудрости, приобретение которой вознаграждает нас за наши неудачи»². Но нас интересует иная проблема: можно ли осуществить в области нака-

¹ Аванесов Г. Указ. соч. С. 158.

² Бунге М. Интуиция и наука / Пер. с английского. М., 1967. С. 139.

зания предвидение, предсказание на основе интуиции, т. е. возможно ли интуитивное познание будущих результатов уголовного наказания?

Как пишет А.Р. Ратинов, «в повседневной жизни, мы постоянно сталкиваемся с такими явлениями, когда по ничтожным признакам, при очень малом исходном материале возникают правильные догадки, достоверность которых устанавливается последующей проверкой»¹. Но при всём значении интуиции в предвидении следует подчеркнуть, что непосредственное осуществление предвидения представляет собой, прежде всего, логический вывод из известных законов, теорий, гипотез.

Для интуиции как средства предвидения (предсказания) характерно, прежде всего, то, что основания в ней не формируются явно. Более того, порой представляется, будто здесь вовсе нет никаких оснований. А это приводит к тому, что, приняв и назначив то или иное конкретное уголовное наказание, мы остаёмся неуверенными в правильности и целесообразности своего решения. Другой существенной особенностью является то, что познание будущих результатов уголовного наказания осуществляется без соответствующей логики. И это естественно, ибо логически связанными могут быть лишь такие положения, которые явно выражены, а, как мы ранее отметили, про основания интуитивного предвидения этого сказать нельзя. Третья особенность состоит в том, что интуиция в законодательной и судебной деятельности зависит от многих случайных, варьирующих обстоятельств, в частности, от таких субъективных качеств законодателя и судьи, как гибкость ума, воображения, профессиональный и жизненный опыт, интуитивное «чутьё» и т. д. Поэтому применительно к интуитивному предвидению трудно употреб-

¹ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 133–134.

лять выражение «мера гипотетичности», ибо сколь-нибудь точно установить и измерить степень гипотетичности вряд ли возможно. М. Бунге пишет, что «учёные ценят интуицию, в особенности творческое воображение, ускоренное умозаключение и фронезис, но не рассчитывают на неё. Им известно, что психологическая самоочевидность не гарантирует истины, что интуиция в высшей степени индивидуальна и что она часто разыгрывает злые шутки. Интуитивность — не критерий для построения и оценки научных теорий»¹. Несмотря на существенные недостатки интуиции, не следовало бы недооценивать её роль в деятельности по принятию и назначению справедливого и эффективного наказания, ибо, как справедливо пишет английский физик А. Кларк, «для предвидения будущего нужно обладать логикой, но, кроме того, нужны ещё и вера, и воображение, способные подчас пренебречь даже самой логикой»².

К интуитивному прогнозированию очень близко прогнозирование, основанное на умозрительном мышлении, являющемся не аналитическим, а синтетическим предсказанием будущих результатов уголовного наказания. Умозрительное мышление приводит законодателя и судью к предположению или предвидению множества свойств, явлений, которые иначе в процессе прогнозирования не могут быть открыты. Например, судьи предполагают, что подсудимый в самом ближайшем будущем в местах лишения свободы готов вступить на путь исправления и перевоспитания.

Важнейшая особенность умозрительного мышления применительно к прогнозированию наказания состоит в том, что с его помощью могут быть предсказаны результаты уголовного наказания, лишь впоследствии (в будущем) получающие логическое и экспериментальное обоснование,

¹ Бунге М. Интуиция и наука. С. 143.

² Кларк А. Черты будущего. М., 1966. С. 34.

а также возможные тенденции и закономерности изменения поведения подсудимого в предстоящий период.

При всём значении интуиции в предвидении следует подчеркнуть, что непосредственное осуществление научного предвидения результатов уголовного наказания представляет собой, прежде всего, *логический* вывод из известных законов, теорий. Подчёркивание логического аспекта в научном предвидении отделяет его, с одной стороны, от научных открытий, а с другой стороны — от предвидения, осуществляемого в процессе повседневной деятельности¹. Прогнозирование (научное предвидение, основанное на логическом мышлении,) всё-таки не даёт возможности надеяться на стопроцентную точность.

В.П. Тугаринов и Т.М. Румянцева отмечают: «Конечно, логическая необходимость ещё не гарантирует нам действительную “натуральную” необходимость. Действительность “хитрее” всякой логики. Однако законы логики суть отражённые законы действительности»². Поэтому логически верно сделанное предположение даёт судьям право с большей степенью вероятности рассчитывать (и не более) на осуществление этого предположения в настоящей и будущей действительности.

Логические выводы, как известно, подразделяются на две большие категории — дедуктивные и индуктивные. В соответствии с этим все предвидения можно также разделить на дедуктивные и индуктивные³. Следовательно, логической значимостью для суждений о будущем результате

¹ См.: Виноградов В.Г. Научное предвидение. С. 9.

² Тугаринов В.П., Румянцева Т.М. Предвидение и современность. Л., 1976. С. 111–112.

³ См.: Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. С. 115.

наказания обладают и дедуктивные и индуктивные (от частного к общему) заключения субъектов прогнозирования.

При этом следует иметь в виду, что «индуктивные суждения не могут охватить опыт полностью, исчерпать его»¹. В этом смысле, как указывали классики марксизма, они всегда неполны (ибо опыт всегда не закончен), а потому и ненадёжны. Они могут не учитывать таких сторон или свойств явлений, которые существуют или проявятся в будущем.

Дедуктивные же заключения по самой своей природе предполагают полный охват опыта в определённом масштабе. Поэтому они могут претендовать на вполне достоверный и однозначный характер.

В практике по подготовке и принятию санкции, а также по назначению наказания в качестве основы прогнозирования может использоваться *гипотеза*. Это особого рода научное предположение о неизвестных явлениях, формах их связи или причинах, их вызывающих. Гипотеза выделяется для обеспечения имеющихся фактов.

Предположение в гипотезе может носить характер предвидения, но может претендовать и на роль научного открытия. Субъектом гипотезы в прогнозировании результатов уголовного наказания являются законодатель, судья, а также администрация пенитенциарного учреждения. Главное, что характеризует гипотезу этих субъектов, — активное стремление выйти за грань накопленных фактов, осмыслить и сформулировать будущее уголовного наказания. При этом они знают, что объективная истинность будущих результатов наказания, которые они стремятся предвидеть посредством гипотезы, ещё не доказана в силу вероятности характера будущего. В процессе прогнозирования результатов наказания следует «использовать» гипотезы прогнозирующего

¹ Тугаринов В.П., Румянцева Т.М. Предвидение и современность. С. 112.

типа, обязательным элементом которых является некоторое предсказание, предвидение. Такие гипотезы имеют сложный характер, так как, прежде чем прогнозировать будущий результат того или иного решения, надо обязательно раскрыть механизм психологического воздействия уголовного наказания на лицо, которое совершило преступление, а также на остальных членов общества.

Как видим, гипотеза играет исключительно важную роль в прогнозировании. Поэтому мы должны уметь пользоваться этим способом прогнозирования. М. Бунге пишет: «Без способности придумывать гипотезы и планы нельзя выполнять ничего, кроме “механических” операций, т. е. манипулирования аппаратами и применения вычислительных алгоритмов»¹.

Одним из способов познания будущих результатов уголовного наказания может служить предвидение по *аналогии*, сущность которой состоит в следующем. Известно, что два объекта обладают одинаковыми существенными свойствами. Кроме того, один из объектов обладает такими свойствами, которые у другого ещё непосредственно не обнаружены. Тогда делается предположение (т. е. фактически предсказание), что и второй объект обладает этими свойствами². Таким образом, под аналогией обычно понимают сходство предметов (явлений, событий) в каких-либо признаках или отношениях³.

Аналогия в науке играет большую роль, так как подчас наталкивает исследователей на весьма важные догадки. Чем больше ситуаций из опыта прошлого, тем более точным будет результат предвидения по аналогии.

Определяя на основании сходства те или иные признаки по другим признакам, можно от тождества в отдельных

¹ Бунге М. Интуиция и наука. С. 109.

² См.: Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. С. 80.

³ См.: Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960.

частных признаках перейти к тождеству общего порядка. Именно таким путём делаются отдельные прогностические выводы. Аналогия с уже в прошлом рассмотренными делами помогает, например, суду предсказать более точно, как будет протекать процесс исправления и перевоспитания в будущем.

Следует учитывать, что прогностические выводы по аналогии бывают правильными, когда учитываются присущие каждой из сравниваемых ситуаций качественные характеристики, определяющие специфику взаимодействия этих ситуаций. Аналогия, строящаяся на основании сходства некоторых внешних несущественных сторон, явлений, не является научной и ведёт к ошибкам¹. Однако, несмотря на то, что предвидение по аналогии нередко приводит к важнейшим открытиям, его тоже нельзя назвать вполне совершенным и точным видом предвидения. Дело в том, что те признаки явлений, отождествление которых в данном случае составляет основу предвидения, могут при дальнейшем исследовании оказаться искусственными².

Тем не менее предвидение по аналогии представляет собой более высокую ступень развития предсказывающей способности человека по сравнению с предвидением на основе простой повторяемости явлений. Поэтому оно может смело использоваться в деятельности по прогнозированию результатов наказания.

Итак, мы определили принципы и методологию прогнозирования результатов наказания. Теперь на их основе попытаемся применить эти категории в законотворческой и судебной деятельности, а также в процессе исполнения наказания.

¹ См.: Будущее человеческого общества. М., 1971. С. 68.

² См.: Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. С. 81.

2. Прогнозирование в законотворческой деятельности

Законодатель при построении уголовно-правовой санкции не только даёт конкретную оценку степени общественной опасности преступления, но и исходит из того, какое необходимо оказать устрашительно-предупредительное воздействие на население. А это значит, что уголовно-правовая санкция обращена в будущее. В последнем моменте и заключается прогностический аспект построения законодателем уголовно-правовой санкции. Вероятные элементы попадают в определение мер наказания ещё тогда, когда законодатель, формируя санкции норм уголовного права, стремится достичь наказанием непосредственно практических целей. Как отмечает Ю.В. Кудрявцев, «весьма отчётливо прогностическая информация воплощена в санкциях уголовно-правовых норм»¹.

При изучении эффективности уголовного наказания существует потребность в научном предвидении сравнительно отдалённых последствий его действия. Однако в настоящее время фактически имеющийся результат действия уголовного наказания всегда представляется явно незавершённым. Если это так, то прогнозирование будущих результатов действия разрабатываемой санкции оказывается необходимым компонентом изучения эффективности уголовного закона.

Проблема прогнозирования при построении уголовно-правовой санкции приобретает особо важное значение, поскольку цена последствий от практического внедрения эффективной либо имеющей значительные негативные последствия санкции велика. В самом деле, можно ли сконструировать эффективную уголовно-правовую санкцию, если законодатель не знает, какое общепредупредительное

¹ Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 51–52.

воздействие она окажет после применения? Ответ должен быть однозначным: нет. Поэтому ещё до применения конкретной уголовно-правовой санкции, т. е. при её построении, необходимо располагать соответствующей информацией относительно будущих результатов этой санкции, в частности в плане достижения цели общего предупреждения. Иначе говоря, законодатель должен учитывать сдерживающую силу уголовно-правовой санкции до её принятия.

Как отмечает В.А. Трапезников: «Издавая закон, устанавливая то или иное правило поведения, нужно предугадать, как человек будет на него реагировать... Полагать, что каждый будет пунктуально соблюдать каждое новое правило, забывать о способности человека адаптироваться, было бы наивно. А раз так, то при выработке нового правила или закона нужно давать ему формулировки, учитывающие адаптационные свойства человека»¹. Поэтому в процессе построения уголовно-правовой санкции необходимо предвидеть и её социальную эффективность — те изменения в социальной реальности и общественных отношениях, которые могут наступить и в действительности наступят, когда данная санкция начнёт действовать. Представляется, что прогнозирование эффективности действия уголовно-правовой санкции уже при её построении позволит в определённой степени избежать тех неприятностей, которые имеют место при применении уголовного наказания. Но возможно ли такое прогнозирование?

Субъективный сознательный характер процесса подготовки и принятия уголовно-правовых санкций не исключает необходимости его научного прогнозирования. Прогнозирование — один из существенно важных моментов всего процесса проектирования, подготовки и принятия уголовно-правовых санкций. В юридической литературе совершенно

¹ Литературная газета. 1970. 3 мая.

справедливо отмечалось, что «к числу одной из форм реализации прогностической функции советской юридической науки следует также отнести прогнозирование, которое осуществляется в процессе правотворчества»¹.

Прогнозирование при построении уголовно-правовых санкций — это основанный на применении специальных научных методов и средств процесс получения прогностической информации об эффективности достижения целей уголовного наказания. Иначе говоря, целью такого прогнозирования является выявление потребностей в эффективных уголовно-правовых санкциях, научное предвидение ближайших и отдалённых последствий принимаемых уголовно-правовых санкций.

Прогнозирование при построении уголовно-правовых санкций представляет собой одну из форм научного познания. В то же время эта форма научного познания достаточно специфична. Речь идёт о познании таких социальных явлений и таких общественных отношений, которые не существуют в настоящее время, но которые могут или должны существовать в будущем. В.С. Горбань пишет: «...один из центральных философско-правовых вопросов — это вопрос о способности научной теории, учения, концепции предвидеть, прогнозировать факты. Подобное свойство — способность правовой теории, концепции или учения предсказывать новые факты — является лучшим залогом того, что конкретный закон, воплощающий в себе названное свойство, будет устойчивым, стабильным инструментом нормативно-упорядочивающего воздействия на общественные отношения»².

Прогнозирование при построении уголовно-правовых санкций требует развития прогностических исследований,

¹ Научные основы советского правотворчества. М., 1981. С. 185.

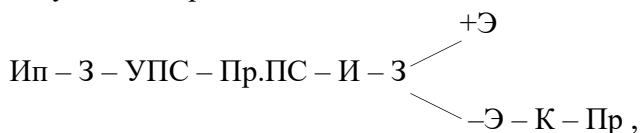
² Горбань В.С. Понятие, теория, проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009. С. 25.

формирования понятийного и категориального аппарата, различных вариантов и моделей подхода к будущему¹.

Теория прогностики придаёт огромное методологическое значение точному определению субъекта прогноза. От того, насколько успешно решена эта творческая задача, зависит развитие и ход прогностического исследования, его эффективность, научная ценность получаемых результатов². Объектом прогнозирования является эффективность уголовно-правовых санкций, т. е. степень и позитивная результативность воздействия данного варианта уголовно-правовой санкции на социальную среду в желаемом направлении.

Однако прогнозу могут подлежать и другие элементы уголовно-правовой нормы: диспозиция и гипотеза. Если по истечении определённого времени законодателем будет получена соответствующая информация об неэффективности действующей уголовно-правовой санкции, в неё должна быть внесена корректировка. Поэтому получается, что процесс получения информации об уголовно-правовой санкции и её корректировка — *постоянны*. Схематично это выглядит следующим образом:

где: Ип — информация прогностическая;

З — законодатель;

УПС — уголовно-правовая санкция;

Пр.ПС — практическое применение санкции;

И — информация о практическом применении санкции;

З — законодатель;

¹ Научные основы советского правотворчества. С. 188.

² См.: Лисичкин В.А. Теория и практика прогнозирования. М., 1972. С. 38–85.

- +Э — уголовно-правовая санкция эффективна;
- Э — уголовно-правовая санкция неэффективна;
- К — корректировка уголовно-правовой санкции;
- Пр — скорректированная санкция снова в практике.

Итак, законодатель получает соответствующую прогностическую информацию при построении конкретной уголовно-правовой санкции, которая впоследствии принимается с учётом этой информации.

Далее санкция применяется на практике. Через определённое время (например, через пять лет) законодатель получает соответствующую информацию об эффективности данной уголовно-правовой санкции. Если санкция оказывается эффективной, то на практике она продолжает применяться. Но если она неэффективна, то законодатель вынужден скорректировать её. Через определённый период времени законодатель снова получает информацию об эффективности данной санкции и при её неэффективности вновь вынужден её скорректировать, и т. д.

Из изложенного можно сделать следующие практические выводы, которые могут быть полезны законодателю в плане конструирования санкций в виде лишения свободы при подготовке нового уголовного законодательства.

Первое. Законодателю необходимо ориентироваться при построении уголовно-правовой санкции на расширение границ лишения свободы с целью увеличения судебного усмотрения.

Второе. Целесообразно предусмотреть общее смягчение мер наказания за счёт снижения максимальных сроков лишения свободы за все неосторожные преступления, а также в отношении лиц, впервые совершивших умышленные преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Третье. С учётом практики деятельности учреждений по исполнению наказаний целесообразно увеличить сроки

лишения свободы за особо тяжкие преступления и для особо опасных рецидивистов.

Четвёртое. Настоятельно требуется решение вопроса о возможности и правомерности использования социального эксперимента как способа проверки эффективности различных размеров лишения свободы в отношении разных категорий преступлений. Помимо глубокого изучения эффективности уже действующего наказания в виде лишения свободы, сложившейся практики применения, следует больше внимания уделять её предварительной экспериментальной проверке, чтобы свести до минимума возможные ошибки.

Если можно говорить об определённом опыте экспериментов в сфере исполнения лишения свободы, то сфера законотворчества в области построения оптимальных размеров лишения свободы незаслуженно осталась без столь важного исследовательского инструмента. На наш взгляд, такое положение, особенно в связи с подготовкой нового уголовного законодательства, нельзя признать нормальным.

Прогнозирование в законотворчестве позволит решить другую проблему, с которой мы столкнулись: определение соразмерности преступления наказанию, предусмотренному в уголовном законодательстве.

На практике эффективность наказания обычно снижается из-за пороков конструирования уголовно-правовых санкций. От того, как построена санкция, какие наказания предусмотрены нормой закона, зависит устрашающе-предупредительная сила угрозы наказания, а также широта судебного усмотрения при выборе и определении вида и размера наказания. Правильная и справедливая санкция не только оказывает влияние на правоприменительную деятельность судебных органов и учреждений, исполняющих наказание, но и способствует развитию правосознания населения в нужном для общества направлении. То есть, речь

идёт о соразмерности между преступлениями и предусмотренными за это наказаниями.

Принципиальность и важность этого вопроса связана также с тем, что, как обычно считают, простейший способ сделать людей более законопослушными — увеличить наказание. Однако история свидетельствует, что от наказания нельзя требовать больше того, на что оно рассчитано. Не суровость, а продолжительность наказания производит наибольшее влияние на человека, потому что на чувства наши легче и устойчивее воздействуют более слабые, но повторяющиеся впечатления, чем сильные, но быстро проходящие. В этом смысле совершенно оправданна, с точки зрения общего предупреждения, и логична, с позиций гуманизма, замена смертной казни пожизненным лишением свободы. Для того, чтобы наказание сдерживало неустойчивых граждан от соблазна совершить преступление, т. е. обладало общепреventивным свойством, оно должно быть достаточно репрессивным, т. е. настолько чувствительным, чтобы отвлечь от намерения совершить преступление. В принципе, следует исходить из того, что ориентация на суровость как на самоцель неприемлема в современных условиях. Поэтому для того, чтобы наказание достигло общепредупредительной цели, оно, с одной стороны, не должно быть чрезмерно тяжким, а с другой, — учитывая моральный уровень населения, должно производить впечатляющее действие посредством необходимой для этого репрессии. Без сомнения, эффект уголовного наказания зависит не просто от риска быть разоблачённым и привлечённым к уголовной ответственности, но также от суровости наказания, которая имеет большое значение тогда, когда дело касается преступлений, совершаемых обычно после того, как тщательно взвешены все «за» и «против», чем преступлений, совершаемых под влиянием эмоций и влечений, неосторожных преступлений и т. д.

Практика показывает, что когда общество пытается снизить рост какого-либо преступления (например, хулиганства, разбоя, хищения), то это делается путём законодательного усиления наказания или судебной практики. При этом порой забывается, что жестокость наказания влечёт за собой последствия, которые не только не помогают, а, напротив, противоречат общепредупредительной цели наказания. Обычно эффективность усиленного наказания может ощущаться в самом начале его практического применения, а потом она падает. В то же время необходимо исходить из следующего положения. Если исторический опыт человечества показывает, что бороться с преступностью жёсткими наказаниями бессмысленно, то это вовсе не означает, что следует бросаться в другую крайность: считать, что наказание должны быть мягким. Это только значит, что наказание должно быть разумным и целесообразным.

Как говорил Шан Ян: «Ежели сделать суровыми наказания, установить систему взаимной ответственности за преступления, то люди не решатся испытать на себе силу закона»¹.

Понятие о мере и соразмерности, о соответствии, равенстве между причинённым вредом и его возмещением стало предметом обсуждения с момента установления обычая посредничества в понятии об искуплении вреда — обиды.

Сегодня мы не обладаем определёнными показателями, критериями, которые служили бы инструментом соизмерения уголовного наказания и преступления. Поэтому всегда предлагались общие принципы, из которых следует исходить при определении такой соразмерности. При этом философы часто вовлекаются в область прекрасного, возвышенного, абстрактного, но не практичного, а юристы обыкновенно не способны стать выше действующего права. Так, например, Ш. Монтескье считал, что наказание должно стремиться к благу

¹ Энциклопедия афоризмов. Мысль о слове. М., 2003. С. 301.

и безопасности общества, но оно же должно не переходить в жестокость, соответствовать преступлению и не превышать необходимого размера. Таким образом, автор учитывал как интересы общества, так и интересы преступника.

А. Франк утверждал, что «наказание должно быть согласно не только с тяжестью преступления, но и с внутренним характером его, или характер преступления и характер наказания должны быть, по возможности, аналогичными»¹.

Фейербах, наоборот, исходя из теории психологического принуждения, полагал, что наказание следовало бы соразмерять не с важностью учинённого деяния, а с большей или меньшей силой мотивов, ибо чем сильнее мотив, тем сильнее должен быть и противовес ему.

К определению уравнения между понятиями обиды и отплаты за неё человеческий интеллект может прийти четырьмя путями: или а) путём математическим, причём сравниваемые понятия рассматриваются как отвлечённые величины, подлежащие точному цифровому измерению, или б) путём диалектическим, или в) путём экономическим, или г) путём использования категорий нравственности и морали. Понятно, что теоретически, может быть, эти формы соизмерения преступления и наказания приемлемы, однако практически их реализация и использование в законодательстве не представляются возможными. Поэтому не следует осуждать тех учёных, которые, считая «обеспечение соразмерности между преступлением и наказанием “бессознательной абстракцией”, “схоластическими упражнениями”, вообще отрицают возможность как соизмерения характера и степени общественной опасности неоднородных преступлений, так и сравнительную оценку преступления и наказания»².

¹ Франк А. Указ. соч. С. 192.

² Ременсон А.Л. Индивидуализация наказания и уголовный закон // Учёные записки Томского государственного университета. 1957. № 33. С. 100.

В то же время представляется, что сегодня задача состоит не в том, чтобы доказывать невозможность соизмерения преступления и наказания и ориентировать законодателя и судебную практику на принятие утилитарных решений, а в тщательной разработке ценностных и социологических критериев для перехода от преимущественно интуитивного к научному подходу при построении уголовно-правовых санкций как юридически оформленных наказаний и практики их применения. Полагаем, что в качестве критериев оценки соизмерения преступления и наказания, в первую очередь, должны быть определены принципы, т. е. общепологающие начала уравнивания между этими понятиями. Исходя из этого, считаем, что критерием оценки соотношения равенства между ценностью охраняемого обществом объекта и степенью тяжести наказания должна выступать *справедливость*, которая призвана выполнять двоякую функцию при определении наказания. Во-первых, принцип справедливости будет выполнять роль ограничителя верхнего предела уголовно-правовой санкции. Во-вторых, он будет влиять на установление минимального предела наказания, его нижней границы. Это позволит нам, с одной стороны, не превышать меру строгости, достаточную для удержания людей от преступления, а с другой — иметь такое наказание, которое сможет оказать наиболее сильное впечатление на других и быть в то же время как можно менее чувствительным для того, кто им подвергнут.

Надо исходить из того, что законным, справедливым может называть себя то общество, которое признаёт в качестве непоколебимого начала желание людей подвергать себя как можно меньшим страданиям, лишениям и ограничениям. Принцип справедливости не позволяет обществу часто обращаться с людьми таким образом, чтобы это содействовало всеобщему благу за счёт интересов отдельных индивидов. Иначе общество станет использовать человека, совершившего преступление, для уменьшения преступности, так как

он находится в распоряжении общества для достижения цели предупреждения.

Второй принцип, из которого следует исходить при соизмерении преступности и наказания, заключается в тезисе Ч. Беккариа: «Суровость наказаний должна соответствовать состоянию самой нации»¹. Суть этого принципа комментирует сам автор: «На грубые души народа, едва вышедшего из состояния дикости, необходимо действовать более сильными и более чувствительными впечатлениями. По мере того как душа людей, живущих в обществе, смягчается, возрастает их чувствительность, а с ростом последней, если желают сохранить отношение между предметом и ощущением, должна уменьшиться сила наказания»². Из этого следует, что каждое общество само определяет меру *суровости наказания*, исходя из уровня нравственного, культурного, правового и социально-экономического развития своей страны.

Представления каждого народа о преступлении и наказании находятся в тесной связи со степенью социально-политического, культурного, правового, религиозного его развития. Народ, достигший высокого уровня развития, сознающий достоинство свободы и уважающий нравственную природу человека, стремится к справедливым действиям и сомневается в состоятельности жестоких, бессмысленных наказаний. Напротив, у народа, подавленного и лишенного политической, экономической, религиозной свободы, ужесточение считается необходимым средством для предупреждения граждан от преступлений. Именно этот принцип должен быть положен в основу соответствия преступления и наказания.

И, наконец, последний принцип, который неразрывно связан с требованием об учёте личности при определении

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. С. 156.

² Там же.

меры наказания, — **принцип гуманизма**. Гуманность следует понимать как определённое смягчение размера и характера наказания по сравнению с тем, которое требуется определить, исходя из принципа справедливости, т. е. это та ситуация, когда мера наказания и характер преступления несоразмеримы из соображений целесообразности. Гуманизм как принцип законодательной деятельности при определении меры наказания означает, что идея человека как высшей ценности находится в центре внимания общества.

При этом обязательно должно быть учтено следующее обстоятельство: неизбежность разоблачения и наказания имеет большее значение для удержания людей от совершения преступления, чем суровость наказания. Это означает, что хотя наказание и выполняет свою функцию по предупреждению преступности, но это достигается отнюдь не жестокостью, а оптимальностью.

На формирование законов и на практику их применения особое влияние оказывает правосознание населения, ибо оно связано с моралью и нравственными воззрениями народа. Поэтому законодатель не может игнорировать данное обстоятельство при определении наказания, хотя в этом непосредственно массовое подсознание не участвует.

Н.А. Беляев отмечал, что «правовая психология трудящихся должна учитываться не только при разрешении конкретных дел, но и при конструировании законодательства, т. е. в момент, когда решается вопрос о криминализации деяний»¹. Однако, к сожалению, в настоящее время разрабатываемые и принимаемые наказания не являются выражением массового правового сознания.

И.Е. Фарбер в своё время совершенно справедливо заметил: «Всякое наказание вызывает в общественной психоло-

¹ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. Л., 1986. С. 79.

гии различные правовые чувства: стыд, страх, сострадание, одобрение, осуждение и пр. При конструировании законодательной нормы надо знать, на возбуждение или массовое распространение каких именно правовых санкций следует в первую очередь ориентироваться. Эта сторона дела при осуществлении карательной политики находится в тени, и у нас мало задумываются над тем, какую психологическую реакцию вызывают данный вид и мера наказания в массовом правосознании. Поэтому теория наказания, исключая анализ психологического, эмоционального отношения граждан к наказанию, лишает себя возможности научного обоснования конкретных мер наказания»¹.

Для воспитания массового понимания и уяснения необходимости принятия того или иного наказания необходимо длительное время, и было бы неправильным, несмотря на объективную потребность в наказании, ждать, пока массы осознают эту потребность.

Однако следует иметь в виду, что правосознание в своей социально-психологической части развивается в значительной мере стихийно и может подчас содержать неправильные, противоречащие подлинным интересам и потребностям общественного развития взгляды, настроения, оценки, чувства и т. д. Поэтому связь между правосознанием и определением уголовного наказания далеко не так проста, чтобы развитие правосознания масс могло быть непосредственно включено в процесс правотворчества.

Результаты социологических исследований показывают, что самое ошибочное в правосознании на любом уровне — это вера в абсолютное всемогущество уголовного наказания.

Так, по данным ВНИИ МВД СССР, примерно каждый четвёртый из опрошенных граждан связывал успехи борь-

¹ Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 94.

бы с преступностью с усилением уголовной репрессии¹. Аналогичные результаты получены в исследованиях, проведённых ВНИИ Прокуратуры СССР². Согласно данным, приведённым В.М. Коганом, примерно каждый пятый мужчина и каждая четвёртая женщина считают, что совершение преступлений более всего зависит от недостаточной суровости наказания³.

Все эти исследования были проведены в период Советской власти, когда сам режим не позволял особо «разгуляться» преступности. Поэтому мы решили провести аналогичные исследования в современном Азербайджане. Согласно полученным данным из 1200 опрошенных граждан примерно 60% глубоко убеждены в том, что нынешние законы, т. е. уголовные наказания, слишком гуманны, в результате чего преступность получила широкое распространение и стала жестокой. Почти такое же число опрошенных выступили против отмены смертной казни.

Итак, следует признать, что есть достаточные основания, которые свидетельствуют о весьма высоком уровне карательных притязаний населения. В основе такого представления, на наш взгляд, лежат, с одной стороны, уважение к праву и нетерпимость к правонарушениям, а с другой — недостаточная осведомлённость о возможностях уголовного наказания в борьбе с преступностью. Надо учитывать также и то, что представление о суровости наказания связано с моральным сознанием, психологией и уровнем развития нашего народа.

¹ См.: Карпец Н.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 79.

² См.: Общественное мнение о преступности и мерах борьбы с ней. М., 1977. С. 20.

³ См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 48.

3. Прогнозирование и проблемы назначения наказания

Отсутствие теоретически правильных и практически проверенных ответов на вопрос, каким образом познать будущий результат своего решения, приводит в конечном счёте к тому, что наши суды допускают ошибки при определении меры наказания. Ввиду того, что суд оказывает на судьбу лица, совершившего преступление, такое влияние, какое никогда и никто за всю его жизнь не оказывал, общество вправе требовать от органа правосудия прогноза относительно того, какое карательно-воспитательное воздействие необходимо оказывать на то или иное лицо и какое действительно воздействие окажет приговор на осуждённого в течение того времени, к которому он его осудил. Следует также подумать и о том, достаточно ли такое наказание для удержания других членов общества от совершения преступлений.

Следовательно, определяя вид и размер назначенного наказания, суд, тем самым, не только обязан дать конкретную оценку степени общественной опасности преступления и личности преступника, но и должен сделать конкретный вывод о том, что определённого им видом и размером наказания объекта карательно-воспитательного воздействия будет достаточно для достижения цели предупреждения преступлений как со стороны самого осуждённого, так и со стороны других людей. *Это означает, что судебное решение о наказании предназначено для будущего. Вот в этом и заключается прогностический аспект назначения наказания.* Поэтому решение суда следует рассматривать как вероятностное логическое суждение, т. е. прогнозирование.

Как пишет Л. Надь, «назначенное наказание — это прогноз, силлогизм, выведенный из существующих в данное время причин в отношении последствий, которые должны

наступить в будущем, предвидение того, что назначенное в настоящем наказание в будущем приведёт к осуществлению его цели, а именно — обеспечит исправление осуждённого и предостережение членов общества от совершения преступления»¹.

Прогностическая сущность приговора состоит в том, что целью наказания является не покарать преступника, а добиться того, чтобы удержать его и остальных членов общества от совершения преступлений. Поэтому при решении вопроса о назначении наказания, т. е. при выборе вида и размера наказания, суд исходит, прежде всего, из того, что наказание содержит не то, что есть, а то, что должно быть. Л. Надь совершенно правильно подчёркивает: «Хотя наказание назначается на основе фактов, соответствующих действительности, с соблюдением требований закона и справедливости оно является лишь выводом о будущем, прогнозом, сделанным с большей или меньшей точностью и в конечном счёте имеющим вероятный характер. Вывод здесь осуществляется путём движения от причин (факторов личности, среды и т. д., вызвавших преступное деяние) к следствию (эффективности применённой санкции)»².

Сколько бы ни был обширен информационный материал, на основании которого суд принимает окончательное решение относительно наказания, важная роль вследствие прогностического характера этой проблемы принадлежит вероятным элементам при определении эффективности уголовного наказания. Отмеченное значение вероятных элементов может быть пока лишь ограничено, но не исключено полностью.

Итак, для того, чтобы вид и размер конкретного наказания, назначенного судом, был максимально действенным для достижения цели, необходимо, по крайней мере, обеспечить

¹ Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1982. С. 120.

² Там же. С. 129.

суд достаточно обоснованной, достоверной и подлинной информацией о мотивах будущего поведения осуждённого в процессе реализации наказания и после него, а также о степени удерживающего воздействия судебного приговора на граждан. Представляется, что этого можно добиться путём прогнозирования результатов уголовного наказания. Процесс такого прогнозирования начинается со стадии подготовительного заседания суда и продолжается до вынесения приговора.

В связи с этим необходимо остановиться ещё на одном вопросе. Зависимость результатов уголовного наказания от условий будущего приводит к тому, что уже в момент его назначения появляется необходимость будущего его корректирования. Оно осуществляется на основе возникших обстоятельств, фактов (но не вновь открытых) после вынесения приговора, в процессе его реализации. Их появление не может оставить решение о наказании без изменения — иначе будет затруднено достижение цели наказания¹. Появление таких обстоятельств не свидетельствует о незаконности приговора, и корректирование последнего требуется не в связи с ошибочностью его решения о наказании, а вследствие незнания условий будущего, в котором будет происходить реализация уголовного наказания.

А.С. Михлин пишет: «Суд понимает, что решает задачу с рядом неизвестных, но исходит из необходимости её решения. Трудность его положения заключается ещё и в том, что, назначив недостаточное наказание, он предопределяет освобождение не исправившегося преступника, который может совершить новое преступление, причинить дополнительный вред интересам государства и граждан. С другой стороны, назначение слишком длительного наказания приведёт к тому, что в местах лишения свободы будут находиться лица, в отношении

¹ См.: *Свиридов М.К.* Сущность и предмет исполнения приговора. Томск, 1978. С. 17.

которых цели наказания уже достигнуты. Этим будет нарушен принцип экономии репрессии. Законодатель понимает трудности, стоящие перед судом, и предусматривает возможность корректировки наказания в стадии его исполнения»¹. Причины для корректирования приговора могут быть различными.

Во-первых, продолжительность назначенного наказания может быть прервана:

- а) если осуждённый докажет своё исправление и перевоспитание до истечения назначенного ему срока наказания и получит условно-досрочное освобождение;
- б) по болезни, по амнистии и помилованию.

Во-вторых, содержание назначенного судом наказания может быть изменено:

- а) при замене неотбытой части наказания более лёгким наказанием, если осуждённый докажет, что исправился;
- б) при условном освобождении осуждённого с обязательным привлечением к труду;
- в) при изменении условий содержания лиц, осуждённых к лишению свободы, в зависимости от поведения и отношения к труду, как в пределах одного ИТУ, так и путём перевода в другие ИТУ. Назначение не подлежащего корректированию, изменению в будущем наказания на целые годы является нецелесообразным и неэффективным.

«Социолог, юрист, врач-нарколог или психиатр, прогнозирующие поведение конкретных лиц, должны быть всегда готовы к пересмотру своих предположений, не подтверждающихся в действительности. Прогноз ни в коем случае не может заменить конкретных оценок фактического поведения, он только помогает построить версии о возможном (наиболее вероятном) поведении данного человека

¹ Михлин А.С. Условное и условно-досрочное освобождение: соотношение, применение и правовая природа // Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства и деятельности органов, исполняющих наказание. М., 1981. С. 65.

в будущем, с тем чтобы вовремя принять профилактические меры»¹. В связи с этим мы сталкиваемся с проблемой неопределённого приговора, суть которого заключается в следующем. Суд не фиксирует в общих чертах срока наказания. Срок этот устанавливается в зависимости от того, была ли достигнута цель наказания в отдельном случае или нет. А это возможно определить, естественно, только в процессе исполнения наказания. Иначе говоря, при назначении такого наказания устанавливается лишь его максимальный срок, за пределами которого государство не вправе ограничивать свободу данного лица. Фактически это означает, что преступника предупреждают: «Веди себя в заключении как положено, и мы скоро освободим тебя». Теоретически отказ суда от определения точного срока наказания означает, с одной стороны, стимулирование осуждённых к исправлению, а с другой — исключение возможности содержания в местах лишения свободы уже исправившихся и не представляющих опасности для общества лиц.

Р. Кларк пишет: «Если целью является социальное восстановление личности преступника, то средством её достижения может быть только неопределённое наказание, которое предполагает программу социального восстановления личности, учитывающую способности каждого осуждённого. Профессионально подготовленные работники исправительных учреждений могут при этом внимательно наблюдать за заключённым и освободить его в пределах установленного срока возможно раньше, в зависимости от состояния его личности и на условиях, разумно рассчитанных на то, чтобы гарантировать защиту общества»². Таким образом, по Р. Кларку, окончательный срок пребывания в заключении осуждённому должна определять администрация места заключения.

¹ Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. С. 151.

² Кларк Р. Преступность в США. М., 1975. С. 279.

В своё время Ф.Ф. Лист предлагал организовывать должность, о которой идёт речь, приблизительно следующим образом: пять членов — начальник тюрьмы, прокурор, судебный следователь и два поверенных от правительства лица, назначаемые на период от двух до пяти лет. Именно эта группа и должна определять срок пребывания осуждённого в заключении в зависимости от его поведения.

Э. Ферри рекомендовал создать комиссию по исполнению неопределённых приговоров, состоящую из экспертов по уголовной антропологии, судьи, прокурора, защитника и административных лиц, которая могла бы продолжать заботиться об осуждённом.

Одним словом, идея неопределённого приговора состоит в том, чтобы отнять право назначения конкретного наказания у судей и передать его другому субъекту — не имеет значения, как его именовать. Что это даст в плане назначения справедливого наказания?

Сторонники неопределённого приговора полагают, что таким образом возможно освободиться от предвзято настроенных или безграмотных судей. Кроме того, это даст возможность более конкретно определить размер наказания, необходимого для исправления осуждённого, поскольку процесс исполнения наказания всегда будет находиться под наблюдением специального органа. Такая логика оправдана тем, что суд, действительно, отправляет в места лишения свободы осуждённого с приговором на определённый срок наказания, даже толком его не зная. Поэтому если администрация мест лишения свободы благодаря своему наблюдению убедится, что суд ошибся в определении срока наказания, то всё же он не имеет никакого права выступить со своими возражениями. В принципе, там, где выносятся приговоры с конкретным сроком наказания, сохраняется некоторая степень неопределённости, поскольку заключённый примерным поведением может заслужить значительное сокращение срока лишения свободы.

Отрицательная черта неопределённого приговора состоит в том, что эта идея значительно уменьшит устрашительную силу наказания, ибо она направлена, в первую очередь, к стремлению раньше освободить заключённого из мест лишения свободы. Этот институт будет работать на осуждённого, а не на предупреждение преступности со стороны других посредством угрозы реального исполнения назначенного наказания. Нельзя также забывать, что преступники, как правило, народ «ушлый», поэтому они всячески будут «лезть из кожи», чтобы администрация или та или иная комиссия поверила в его исправление. Наконец, следует учитывать, что «неопределённость» постоянно будет держать психику заключённого в напряжении, что, безусловно, надо понимать как форму насилия, не менее эффективную, чем голодный рацион, карцер и т. д.

Мы согласны с тем, что крайняя ненормальность нынешнего законодательства состоит не только в том, что наши судьи не в состоянии соразмерять наказание с преступлением, а также в том, что они, постановляя свои приговоры, почти не знают подсудимого и совсем не имеют никакого представления об исполнении наказания. Судья сам должен наблюдать за исполнением своего приговора и принимать участие в решениях, связанных с дальнейшей судьбой заключённого. Кроме того, ничто не препятствует тому, чтобы создать специальные правильно организованные группы (должность, службы) с официальным статусом. В их состав желательно было бы включить независимых юристов, психологов, медиков, социологов, педагогов. Они должны помочь суду окончательно определить срок наказания. В течении нескольких недель, если потребуется месяцев, члены группы посредством личных контактов с подсудимым должны выработать основания суждения о наказании, о возможных вариантах его поведения после назначения наказания.

Однако этого ещё не достаточно, ибо задача индивидуального судебного прогнозирования сводится не только к предсказанию ожидаемого поведения, но и к установлению факторов (условий, ситуаций, обстоятельств), которые способствовали бы или, наоборот, препятствовали правильной организации процесса карательно-воспитательного воздействия.

В индивидуальном судебном прогнозировании упор делается именно на *индивидуальность*. Г.А. Аванесов отмечает: «...индивидуальное прогнозирование основывается на неповторимой индивидуальности конкретной личности и относительной самостоятельности её поведения, но поведения не в “застывшем” виде, а в “движении” от прошлого к настоящему и от него к “будущему”»¹. Особо следует подчеркнуть, что при судебном прогнозировании речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения подсудимого.

С точки зрения практических возможностей прогнозирования социального поведения подсудимого мы ставим перед собой задачу выявить «прогностическую ценность» информации о различных состояниях, предрасположенности осуждённого к определённому поведению в специфически заданных условиях.

Возможность судебного прогнозирования позволит в какой-то мере решить достаточно сложную не только теоретическую, но и практическую задачу обеспечения соразмерности между преступлением и наказанием в судебной деятельности.

Н. Кристи высказал верную мысль: «Приговаривать людей, виновных в одинаковых преступлениях, к различным мерам воздействия... наказывать не за деяния, а в связи с условиями его совершения — значит нарушать фундамен-

¹ Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 381.

тальный принцип равенства и справедливости»¹. Это означает, что снятие, хотя бы даже частичное, с судей проблемы соразмерности наказания является одной из важнейших задач сегодняшнего дня. Решение этой задачи имело бы своим последствием глубокий и весьма важный переворот во всех областях уголовного права и обеспечило бы эффективную борьбу с преступностью.

Как известно, общественная опасность совершённого преступления и личности преступника оказывает существенное влияние на размер и вид наказания. А это значит, что должна существовать определённая зависимость между характером и степенью общественной опасности преступления и личностью преступника, с одной стороны, и наказанием — с другой. Но любая зависимость должна иметь специфические единицы счёта. Там, где нет единицы счёта, там нет и учёта, нет меры, а следовательно, там властвует примитивный, бездоказательный и безответственный глазомер. Во всяком деле, также и в судебном, умение точно взвесить и измерить детали есть залог и гарантия возможности правильно решить дело. Например, врач, прописывая сильнодействующие лекарства, указывает в рецепте дозу, необходимую для больного. Если бы он вместо этого рекомендовал «принимать понемногу», то это привело бы к печальным последствиям. Это в полной мере относится и к судебной деятельности по назначению наказания.

Характер и степень общественной опасности совершённого преступления и личности обязательно должны подлежать отражению, измерению и оценке через призму научно обоснованных представлений о целях и принципах назначения наказания. Конечно, мы не можем получить абсолютно точных математических данных о сравнительной тяжести различных преступлений и о требуемом соотношении между

¹ Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 7–8.

соответствующим преступлением и определённым видом, а также размером наказания. Но столь же очевидно и другое: в общей форме такие оценки и соизмерения производятся и в уголовном законодательстве, и в судебной практике, хотя далеко не всегда безупречно¹. Поэтому мы не можем согласиться с теми авторами, которые считают обеспечение соразмерности между преступлением и наказанием «бессодержательной абстракцией», «схоластическими упражнениями». Исходя из этих посылок, вообще отрицается возможность как соизмерения характера и степени общественной опасности неоднородных преступлений, так и сравнительной оценки преступления и наказания. В результате формулируется вывод, что справедливое наказание — это наказание целесообразное и ни в чём другом справедливость выразиться не может².

На самом деле, на практике приходится сталкиваться с тем, что, с одной стороны, никакая норма не в состоянии охватить всего многообразия фактов, обстоятельств, вызывающих применение наказания, а с другой — судебное усмотрение, перейдя определённые границы, чревато опасностью вынесения ошибочных, а то и произвольных приговоров, в то время как речь идёт о судьбе человека, хотя и преступника. Конечно, может быть, для судьи, обвинителя большого значения не имеет, к какому сроку наказания он подлежит — к шести или восьми годам, однако и два года лишения свободы для осуждённого — это существенный факт.

Современная жизнь и уголовная политика требуют снятия с судей, хотя бы даже частично, обязанности соразмерения наказания с совершённым преступлением. Решение это имело бы своим последствием глубокий и весьма важ-

¹ Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Л., 1976. С. 118.

² Ременсон А.Л. Индивидуализация наказания и уголовный закон. С. 100.

ный переворот во всех областях уголовного права, вызвало и обеспечило бы плодотворную борьбу с преступностью¹.

В.А. Никонов совершенно правильно отмечает, что «недооценка точных количественных методик дорого обходится нашему обществу. Так, уголовное право использует самый острый инструмент государственного принуждения — уголовное наказание... Мало сказать, что одно деяние (и лицо, его совершившее) опаснее другого. В наказании должна найти выражение количественная характеристика: насколько конкретно опаснее. Можем ли мы при этом апеллировать только к “здравому смыслу”, правосознанию конкретного правоприменителя? Важность вопроса, необходимость возможных последствий обуславливают необходимость исключительной точности ответа...»².

Представляется, что об «исключительной точности» не может быть и речи, ибо и конкретное преступление, и личность, его совершившая, многогранны, многообразны и сложны, что с математической точностью соразмерить с наказанием невозможно. Поэтому мы можем говорить лишь о максимальном и реальном соразмерении преступления и наказания. В связи с этим уже давно ставятся два вопроса: можно ли обойтись без участия суда в соразмерности наказания? И кто в этом отношении должен занять место суда?

Попытки использовать математические методы при назначении наказания предпринимались ещё в XIX в. Так, И.Я. Фойницкий писал, что «существо справедливости состоит в причинении одному человеку точно того же, что он причинил другому; дело юстиции должно покрывать дело обиды и быть математически соразмерно с ним»³.

¹ Лист Ф.Ф. Задачи уголовной политики... С. 31.

² Никонов В.А. Уголовное наказание... С. 63–64.

³ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. М., 2000. С. 18.

Первая попытка разработать математическую модель со-размерения преступления и наказания была предпринята в начале XX в. инженером Н.Д. Оранжиреевым, который в книге «Преступление и наказание в математической зависимости» отмечал, что по методам выработки приговора в части назначения наказания суд стоит на тех же основаниях, как и тысячу лет назад, и в данном отношении почти не прогрессировал. Отсутствие единообразного способа учёта элементов и факторов приводит к тому, что процесс назначения «сильно напоминает гадание на кофейной гуще». Для преодоления этого автор предложил перейти к математическому сопоставлению обстоятельств, существенных для определения виновности. Всем преступлениям необходимо придать значение количественных эквивалентов соответственно санкциям, а для учёта различных вариантов разработать специальные коэффициенты: например, при соучастии главного участника — 1,0, подстрекателя — 0,90, укрывателя — 0,75; степень вины при полной осознанности оценивается в 1,0, при ослабленной — 0,9, в состоянии аффекта — 0,7 и т. д. Далее можно вычислить индивидуальную сумму коэффициентов и с учётом эквивалента конкретного преступления получить размер подлежащего назначению наказания¹.

Как видим, суть предложений Н.Д. Оранжиреева заключается в методе шкалирования. В русле этой идеи находятся и рекомендации В.И. Курляндского, предлагающего оценить в баллах, с одной стороны, определённую единицу меры наказания, а с другой — значимость критериев его назначения, относящихся к деянию и к личности. Деление суммы баллов, полученных в результате оценки критериев, на количество баллов, в которых оценивается единица меры наказания, даст показатель, который мог бы стать вспомо-

¹ Оранжиреев Н.Д. Преступление и наказание в математической зависимости. Идея и схема применения. М., 1916.

гательным инструментом, облегчающим деятельность судей при принятии решений и помогающим избегать грубых ошибок при назначении наказания¹.

Опыт применения балльной системы имеется в США. С 1985 г. федеральные суды в США при назначении наказания должны руководствоваться не только соответствующим законодательством, но и рекомендациями комиссии по назначению наказаний, которая состоит из экспертов в различных областях права, экономики, психологии и действует как независимый орган в судебной системе США. Эта комиссия вычисляет уровень опасности преступления и категорию преступника (а их 43). Суд по таблице устанавливает минимальный и максимальный сроки наказания в виде лишения свободы в месяцах.

В.Л. Чубарев считает, что алгоритм перехода от качества (тяжести деяния и опасности личности) к количеству (индивидуальной мере наказания) неизвестен, но его можно оценить путём сравнения количественного выражения общественной опасности преступления как аргумента к количествам в наказании, выполняющим роль производной. Для решения этой задачи В.Л. Чубарев присвоил ряду показателей общественной опасности деяния, личности и обстоятельств совершения преступления оценки в баллах и полученные результаты сопоставил с наказаниями, назначенными по конкретным делам. Оказалось, что ряду дел с одинаковыми суммами баллов были назначены существенно различные наказания, что свидетельствует о высоком уровне неопределённости при вынесении приговоров².

¹ Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности. Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 93–95.

² Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание. М., 1982. С. 15, 23–29; *Его же*. Измерение в уголовном праве // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 123–125.

Д.О. Хан-Магомедов предложил, используя метод распознавания образов, при помощи ЭВМ выявить в количественном выражении степень общественной опасности различных видов преступлений и, тем самым, найти оптимальные размеры санкций за них¹.

На возможность использования компьютерной техники для формализации правил назначения наказания указывает норвежский учёный Н. Кристи. По его мнению, если команда дана правильно, компьютер всегда назначает одинаковые меры по одинаковым делам, совершенно независимо от числа факторов, принимаемых во внимание, а судья должен только нажать кнопку². Он пишет: «Компьютеры располагают неограниченными возможностями. Они могли бы обеспечить порядок. Они могли бы соединить все значимые свойства индивидов и дать точный прогноз вероятности рецидива. В то же время они могли бы учесть все важные характеристики преступления, а также соответствующие смягчающие и отягчающие обстоятельства. Прежде всего, компьютер совершенен и непогрешим. Когда он правильно запрограммирован, он выдаёт чёткие и ясные решения. После установления виновности никому не нужно будет ожидать решения суда, если в его распоряжении имеется какой-либо мини-компьютер. Это значит, что случайность исключена из судебной практики»³.

А.С. Горелик не убеждён в полезности формализованных правил назначения наказания: «Любое дело и каждая личность характеризуются индивидуальными особенностями, причём полностью запрограммировать их невозможно, и выигрыш от строго формализованных правил может ока-

¹ Хан-Магомедов Д.О. Математические методы изучения преступности и практики применения наказаний при разработке проблем уголовной политики. Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 155–157.

² Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 62, 63.

³ Там же.

заться меньшим, чем проигрыш из-за невозможности учесть какие-то особенности деяния и личности»¹.

Имеются также явные противники применения математических методов, компьютерной техники в судебном процессе. Так, И.М. Гальперин пишет: «Правосудие и арифметика, я бы сказал, — антиподы. Установить преискурант типа: украл триста рублей — год, шестьсот — два, — значит уничтожить принципы правосудия. Поэтому вполне возможно, что одному преступнику, похитившему государственное имущество, будут назначены исправительные работы, а другому, причинившему такой же ущерб, — лишение свободы. Оба приговора в этих случаях могут быть вполне справедливыми»².

Следует отметить, что законодателем, в принципе, установлены определённые законодательные рамки санкций и правила их применения, а в их пределах предоставлена возможность судьям избрать конкретные варианты. Однако А.М. Яковлев справедливо замечает, что, с одной стороны, никакая норма не в состоянии охватить всего многообразия фактов, вызывающих применение уголовного закона, а с другой — свобода усмотрения суда, перейдя за определённые границы, чревата опасностью вынесения ошибочных, а то и произвольных, решений, т. е. жизнь показала неприемлемость обеих крайних позиций³. С учётом этого предприняты попытки разработать систему рекомендаций для судов при назначении наказания. Так, В.П. Нажимов предлагает с учётом степени общественной опасности выделить главные смягчающие обстоятельства, соответственно им разделить санкции на несколько ступеней, а при переходе

¹ Горелик А.С. Указ. соч. С. 33.

² Правосудие и арифметика // Известия. 1986. 15 авг.

³ Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основание уголовной ответственности // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 91.

от одной ступени к другой установить более или менее широкие пограничные области, в пределах которых наказание должно назначаться с учётом иных (не главных) смягчающих обстоятельств¹.

Л.Л. Кругликов также признаёт необходимым выделить главные (особые) смягчающие и отягчающие обстоятельства, но предлагает другой способ их воздействия на размер наказания: установить меры их влияния относительно максимума санкции, например, при некоторых особых смягчающих обстоятельствах — не выше трёх четвертей максимального размера статьи².

По мнению А.С. Горелика, для назначения наказания более плодотворным было бы установление не абсолютно чётких значений, а примерных ориентиров, как это сделано для мелкого хищения. Следовательно, критерии влияния обстоятельств на размер наказания должны сочетать формализованные ориентиры с возможностями отступления от них в пределах «пограничных зон», широта которых зависит от размера самого ориентира, а отступления допускаются при наличии каких-то конкретных обстоятельств с обязательной мотивировкой в приговоре. Этот метод соответствует относительно, колеблющемуся в некоторых пределах, характеру объективной истинности размеров наказания и может применяться при индивидуализации наказания и за одно преступление, и по совокупности³.

¹ *Нажимов В.П.* Справедливость наказания — важнейшее условие его эффективности // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1973. Т. 2. С. 5–10.

² *Кругликов Л.Л.* Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Воронеж, 1985. С. 140–141.

³ *Горелик А.С.* Указ. соч. С. 35; *Его же.* Установление количественных ориентиров как метод формализации оценочных признаков в уголовном праве // Реализация уголовной ответственности: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы. Куйбышев, 1987. С. 62–69.

Некоторые авторы стремятся создать квалификацию одновидовых преступлений по характеру и степени их конкретной общественной опасности. При этом наметились три основных подхода: одни авторы в качестве критерия для оценки правильности учёта судом характера и степени общественной опасности преступления предложили использовать законодательную санкцию¹; другие — оценки²; третьи — социальное содержание совершённых преступлений³.

Но к настоящему времени мы не располагаем завершённой концепцией по рассматриваемой проблеме. Процедура измерения существенно зависит от свойств соизмеренного объекта. В силу разнохарактерности преступлений и нетождественности признаков, определяющих методики, измерение последней, как справедливо отмечают некоторые авторы, вряд ли возможно⁴. Поэтому возможность эмпирического измерения общественной опасности представляется целесообразной в отношении каждого конкретного состава преступления.

При этом в качестве критерия общественной опасности могут выступать её характер и степень, отражающие качественную и количественную стороны, которые своё суммарное выражение получают в мере общественной опасности.

Поэтому следует исходить из того, что характер и степень общественной опасности не могут быть подвергнуты измерению изолированно друг от друга. Вот почему неверно полагать, что степень общественной опасности — это то,

¹ Хан-Магомедов Д.О. Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М., 1976.

² Блувитейн Ю.Д. Об оценке степени общественной опасности преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. М., 1972.

³ Сахаров А.Б. О классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972.

⁴ Комплексное изучение системы воздействия на преступность. С. 104–105.

что может быть измерено и выражено математически, в то время как характер определяется показателями (вооружённость — невооружённость, организованность — неорганизованность, предумышленность — непредумышленность и т. д.), не поддающимися количественному измерению¹. Оба критерия могут быть измерены как количественно, так и качественно, но только в совокупности. Следовательно, основная задача теории судебной деятельности в настоящее время заключается в разработке теоретически правильных и практически реализуемых показателей, с помощью которых судьи могут определить общественную опасность преступления в целях максимальной индивидуализации наказания. Тут, конечно, без математики не обойтись. Только с помощью этой науки можно решить данную проблему.

Сегодня общепринятой считается установка на то, что ЭВМ могут использоваться как помощники человека в реализации норм права, что вывод машины следует рассматривать не как окончательное решение, а лишь как «мнение» высококвалифицированного «консультанта», способного обеспечить запросы государственных органов и учреждений².

Нужно признать, что исследование возможностей использования кибернетических методов в юридической науке необходимо, реально и перспективно. Оно может проводиться либо в сотрудничестве с другими специалистами, либо только юристами в специфических вопросах государства и права, таких, например, как вопросы законодательной техники, судопроизводства, первоначальных следственных действий и т. д.

¹ Там же. С. 97.

² Москвин С.С. Достижение кибернетики — на службу права // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 25; Иванов В.И., Москвин С.С. Использование электронно-вычислительной техники в применении правовых норм // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 30.

При решении вопроса о предпосылках использования кибернетических методов в судебной деятельности по назначению наказания речь идёт фактически о трёх совершенно неравноценных и нетождественных вопросах. С одной стороны, вопрос о возможности использования кибернетических методов в этой области; с другой — о тех границах, за пределы которых кибернетика в судебной деятельности выйти не может, и, наконец, вопрос относительно полезности использования кибернетических методов в процессе назначения наказания, т. е. не о том, возможно ли вообще их использование, а о том, может ли оно быть эффективным, полезным, не окажется ли это самоцелью, оправдает ли себя такое использование кибернетических методов. Исследование в области применения кибернетики в судопроизводстве, в частности при назначении наказания, находится пока ещё в зачаточном состоянии, и в настоящий момент применение его результатов в достаточно больших масштабах на практике является отдалённой перспективой.

Попытка приступить к изучению возможности применения кибернетических методов в судебной деятельности по назначению наказания предполагает также необходимость выявления того, какие результаты и какие методы кибернетики здесь могут быть использованы, в какой степени возможно их использование и в какой форме это может быть сделано. Применение кибернетики в судебной деятельности — это не применение по готовым рецептам. Оно не является пассивным использованием достигнутых результатов кибернетического исследования, а, наоборот, в известной степени это применение творческое, не только обогащающее область применения наказания, где используют результаты кибернетического исследования и методы кибернетики, но могущее привести к некоторым новым оценкам и в самой кибернетике. Исследование возможностей применения кибернетики в судебной деятельности, и, в частности,

доведение общих и теоретических положений и выводов до их конкретного использования на практике, предполагает широкое сотрудничество юристов, логиков, математиков, кибернетиков, техников и т. д. Уже первое приближение к этим проблемам показывает, что решение вопроса о возможности использования кибернетических методов в практике назначения наказания потребует весьма трудоёмкого и сложного логического анализа.

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли существование так называемого «электронного судьи»? Во многих отношениях машина имеет гораздо больше возможностей, чем человек. Так, например, она характеризуется беспристрастностью, способностью решать сложные логические задачи, имеет колоссальный массив информации, быстро ориентируется в данной ситуации и т. д. Конечно, все эти качества необходимы для судьи, но кибернетика не может заменить мыслящего человека, которому поручено судить поступки других людей. Почему?

Во-первых, потому что судебный процесс — не технический механизм, а реальная область жизни и восприимчивый организм, в котором лица, участвующие в деле, вступают в определённые, временные взаимоотношения, регулируемые нормами права. Он должен быть организован таким образом, чтобы каждый, способный здраво судить о явлениях окружающей жизни, мог бы без всякого затруднения судить и о судебном процессе. Судебное разбирательство — процесс не только юридический, но и психолого-педагогический, где сталкиваются люди не только с различными правами и обязанностями, но нередко с диаметрально противоположными характерами, жизненными позициями, мировоззрением, судьбами и т. д.

В процессе судебного следствия судья встречается со многими психологическими вопросами, которые накладывают свой отпечаток на всю судебную деятельность и тре-

буют от него определённых знаний в области психологии. Судья может прекрасно разбираться в области юриспруденции, но если он не умеет работать с людьми, не владеет психологическим тактом и не знает принципов педагогики, в суде будут нарушаться взаимоотношения между участниками и возникать конфликты. Педагогический такт — умение быстро устанавливать правильные взаимоотношения с участниками процесса, которые наилучшим образом способствовали бы выполнению задач правосудия. Для того чтобы правильно строить линию своего поведения, судья должен стараться быстро определить психологию людей, без лишних вопросов выявить мотивы и цели, внутреннее состояние и характер человека. Он должен быть внимательным, находчивым, уметь быстро и гибко менять линию поведения в зависимости от внешне малозаметных признаков поведения допрашиваемых и находить психологически правильные приёмы ведения судебного разбирательства. Любой из присутствующих в зале, так или иначе, будет контролировать каждое действие судьи. Даже самые сложные и совершенные электронные устройства не в силах проникнуть в глубины человеческой психики. Только человек способен разобраться в этом и вынести своё решение. В этом его колоссальное преимущество перед машиной.

Люди есть люди. И недопустимо, чтобы отношения между ними разбирали машины.

Во-вторых, «электронный судья» не может назначить справедливое и целесообразное наказание. «Электронный судья» очень легко может установить, например, что за действия, подпадающие под ту или иную статью УК, следует наказание в виде лишения свободы от восьми до пятнадцати лет или пожизненное заключение. Такое умозаключение машины в соответствии с правилами формальной логики будет истинным.

Формально-логическое умозаключение направлено на установление отношения между гипотезой и санкцией нормы, т. е. между преступлением и абстрактной уголовной мерой наказания (от 8 до 15 лет лишения свободы). Но для практической реализации содержания закона одного формально-логического умозаключения недостаточно. Общие начала назначения требуют диалектического умозаключения, т. е. индивидуализации уголовной ответственности. А это значит, что при конкретном определении наказания в судебном приговоре предусмотренные в гипотезе нормы преступления не могут быть, конечно, единственной посылкой. Здесь решающее значение будут иметь и другие обстоятельства, которые, если быть точными, также следует отнести к гипотезе нормы, а именно: степень общественной опасности конкретного деяния, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Формальная логика может сама по себе с уверенностью привести «электронного судью» только к определению абстрактной уголовно-правовой санкции, т. е. допустимых пределов наказания. В противоположность этому решение о конкретном назначении наказания внутри пределов санкций — это уже не только дело формальной логики, но и вопрос диалектической оценки всех обстоятельств. Если «электронным судьёй» установлено наказание, например, в виде лишения свободы сроком на пять лет, его вывод логичен, но это ещё не значит, что он является правильным, а следовательно, ставится под сомнение и обоснованность приговора. Ведь не исключено в данном случае, что при правильной диалектической оценке наказание должно быть на самом низшем пределе срока: два года лишения свободы или же, наоборот, максимальная мера наказания.

К сожалению, «электронному судье» без ограничения доступны отношения формально-логические. Что касается диалектических отношений, то ему они практически неизвестны. Вот почему машина не может заменить человека-

судью. Применение диспозиции и санкций правовых норм есть прерогатива исключительно человека, результат его волеизъявления, его рассудочной оценочной деятельности¹.

Как пишет М.С. Строгович, «следует категорически исключить какую-либо механизацию в разрешении судом вопроса виновности и степени ответственности привлечённых по уголовному делу лиц... возложение, хотя бы частичное или предварительное, на электронно-вычислительные машины функции отвечать на вопросы о том, доказано ли, что обвиняемый виновен в совершении преступления и несёт за него ответственность, и какова степень его ответственности»².

Заявление о возможности создания кибернетических машин, заменяющих хотя бы в какой-то мере судью, было подвергнуто резкой критике Д.А. Керимовым и И.И. Мухиным.

В судебной деятельности по назначению наказания машина может оказать судье исключительно большую помощь в плане получения, хранения, переработки информации относительно будущего результата уголовного наказания. Информация, как известно, перерабатывается на самых различных уровнях, самыми различными путями и средствами. Основная задача ЭВМ в процессе прогнозирования заключается в обеспечении судьи нужной ему информацией о будущем результате наказания. Таким образом складывается информационное взаимодействие между судьёй и ЭВМ. Не подменяя судью, электронные машины могут давать ему рабочий материал, а иногда даже предварительные выводы, которые должны рассматриваться как мнение по делу высококвалифицированного консультанта. «Творчество человека, усиленное машинным мозгом, поднимается на новую

¹ Основы применения кибернетики в правоведении. С. 209.

² *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 307.

высоту благодаря тому, что человек освобождается от выполнения рутинных операций, получает возможность непосредственно в ходе решения управленческих и других задач проверять те или иные гипотезы или мысленные эксперименты, вносить коррективы в ход своих мыслей и поступков», — отмечает В.Г. Афанасьев¹. В конечном счёте вся работа с информацией о будущем уголовного наказания, которую призвана выполнять ЭВМ, ориентирована на судью, принимающего решение. Именно на суд ложится вся полнота ответственности за принятое решение: она не может быть передана ЭВМ. В результате, складывается целостная система «Суд — ЭВМ», способная решать задачи, которые ни суд, ни машина сами по себе решить полностью не в состоянии.

При этом следует отметить, что никакой самый удивительный прогресс электронно-вычислительной техники не может умалить роли человека. Человек был, есть и навсегда останется центральным звеном системы «Человек — ЭВМ», как бы совершенна ни была машина. Человек — творец машины. Человек задаёт машине программу, контролирует варианты действий и выбирает наилучший из них. Человек придаёт решению законную юридическую силу. Поэтому мы никак не можем согласиться с норвежским учёным Н. Кристи, предлагающим вообще «устранить человека из данного процесса (имеется в виду процесс назначения наказания), передав все функции назначения наказания ЭВМ»².

Таким образом, существуют различные варианты (модели) решения вопроса о соразмерения наказания и преступления. И это связано с тем, что современная система назначения наказания, не основанная ни на каких реальных, практически приемлемых принципах, не выдерживает критики. Но, к со-

¹ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 308.

² Кристи Н. Пределы наказания. С. 62–65.

жалению, существующие сегодня варианты соразмерности наказания не могут быть приняты по нескольким основаниям. Во-первых, они слишком сложны и непрактичны, поэтому вряд ли наши судьи смогут ими воспользоваться. Но это не самое главное. Проблема заключается в прогностической сущности самого наказания. Ведь наказание — это не только воздаяние за содеянное, которое в какой-то мере возможно соизмерить, а взгляд на будущее, т. е. наказание преследует цель предупреждения преступности на будущее. Поэтому до тех пор, пока мы не сможем прогнозировать будущие результаты наказания, мы не в состоянии будем решить вопрос о соразмерности преступления и наказания.

«Мы — юристы, — пишет Д.С. Дядькин, — обречены принимать решения в условиях неопределённости, т. е. при наличии рисков, поскольку нельзя исключить возможность нежелательных последствий. Однако с помощью современной науки можно значительно сократить вероятность их наступления. Для этого необходимо прогнозировать дальнейшее развитие ситуации, в частности последствия принимаемых решений»¹.

Ясно одно: без прогнозирования результатов принятого судом решения невозможно точно определить размер назначенного наказания. Исходя из этого, мы предлагаем следующее. В первую очередь, все обстоятельства, которые оказывают влияние на размер наказания, должны быть закреплены и формализованы в уголовном законе. Понятно, что есть такие обстоятельства, связанные как с фактом конкретного преступного поведения, так и с личностью преступника, которые также оказывают влияние на наказание, однако они не могут быть практически закреплены в нормах закона. Степень влияния этих обстоятельств на размер назначенного наказания определяется уже судебским усмотрением.

¹ Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 120.

Достаточно серьёзное влияние на уровень эффективности судебной деятельности по назначению наказания, т. е. при определении конкретного его вида и размера, оказывает правильное понимание судьями этических категорий философии.

В действующих уголовных законодательствах многих государств постсоветского пространства предусмотрено при назначении наказания учитывать принцип справедливости. Следует иметь в виду, что ст. 58 УК Азербайджана «Общие начала назначения наказания» также предусматривается следующее: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание...» Однако закон не разъясняет смысл понятия «справедливое наказание». Ясно одно: принцип назначения наказания — это основные руководящие начала, которые определяют деятельность суда по назначению наказания. В отличие от общих начал, которые определены и конкретизированы в нормах закона, принцип, в частности принцип справедливости, своих критериев не имеет, поскольку в ст. 8 УК («Принцип справедливости») повторяются все те же правила, о которых говорится в ст. 58 УК, т. е. в общих началах назначения наказания. Законодатель не даёт ответа на вопрос, что должны понимать судьи под «справедливым наказанием»? Не приведёт ли это к злоупотреблению судьями своими полномочиями при определении меры наказания? Ведь каждый человек, в том числе и судья, по-своему понимает понятие и критерии справедливости. Представьте себе, что судья в приговоре указывает: «...исходя из принципа справедливости, на основании статей 8 и 58 УК Азербайджана назначить...», хотя закон и не раскрывает понятия справедливости. В таком случае судами за одинаковые по характеру и степени тяжести преступления будут назначены совершенно различные меры наказания. При этом каждый из судей будет прав, ибо они по-своему понимают справедливость. Поэтому мы полагаем, что раз законода-

тель закрепит этот принцип в УК, то следовало бы, хотя бы в общих чертах, раскрыть понятие справедливости наказания. Рассмотрим философское понятие справедливости применительно к уголовному праву, а точнее, к институту назначения наказания. Следует сразу оговориться, что принципы назначения наказания — это более широкое понятие, нежели общие начала, так как принципы определяют всю деятельность судов по осуществлению правосудия, а общими началами суд руководствуется при назначении определённой меры наказания конкретному лицу по конкретному преступлению.

Идея справедливости, как одно из выражений нравственного сознания социальной сущности человека, возникла на определённой ступени развития человеческого общества и, следовательно, носит исторический характер. З.А. Беребешкина отмечает: «...справедливость как ценность, идея, эталон, норма, имеющие конкретно-историческую характеристику, возникла на определённой ступени развития человеческого общества»¹.

Удивительно, что и сегодня вокруг понятия справедливости не утихают споры, хотя эта этическая категория давно возникла в сознании человека. «Человек естественной простоты, — писал И. Кант, — очень рано обретает чувство справедливости, но очень поздно и вообще никогда не обретает понятие справедливости»². Однако это никогда не было препятствием для того, чтобы человек мог отличать справедливое от несправедливого. Шведский юрист-теоретик Экелоф сказал: «Общая концепция справедливости аналогична представлению о Господе Боге — все о нём говорят, но никто не знает, что это такое»³.

¹ Беребешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. М., 1983. С. 30.

² Кант И. Сочинения. Т. 2. М., 1964. С. 196.

³ См.: Бундесон У. Концепция справедливости в представлениях населения и судей // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 44.

Справедливость, являясь категорией морали, как и мораль в целом, находит своё применение во всех без исключения сферах общественной жизни. В истории этических учений справедливость чаще всего рассматривалась в качестве меры нравственного воззрения и требования.

В принципе, такое понимание верно. Недаром символическим изображением справедливости являются весы. П. Лафарг отмечал: «Удар за удар, возме-

Иммануил Кант

щение, равное причинённому ущербу, равные доли при распределении продовольствия и земли — таковы были единственные понятия справедливости, доступные первым людям, — понятия, которые пифагорейцы выражали в аксиоме не нарушать равновесие весов»¹.

Жизнь показывает, что соблюдение установленных уголовно-правовых норм тем успешнее, чем выше убеждение членов общества в их соответствии принципу справедливости. Это положение имеет большое значение при определении соответствия суровости наказания тяжести совершённого преступления.

Общая польза требует, чтобы преступления не совершались, и в особенности — чтобы не совершались преступления, наиболее вредные для общества. Поэтому препятствия, сдерживающие людей от преступлений, должны быть тем сильнее, чем важнее нарушаемое благо и чем сильнее побуждения к совершению преступлений. Следовательно, должна быть соразмерность между преступлениями и на-

¹ Лафарг П. Сочинения. Т. III. М.; Л., 1931. С. 82.

казаниями. Когда мы говорим о возмездии как элементе содержания наказания, реализуемом в процессе назначения наказания, мы, безусловно, имеем в виду требования во имя справедливости. Это означает, что должно существовать известное соотношение равенства между совершённым злом со стороны конкретной личности и злом, направленным для его устранения. Именно идея справедливости должна выступать в качестве принципа, критерия оценки такого равенства. Иначе возмездие превратится в месть. Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро добром»¹.

В прежнее время справедливая оценка учинённого зла понималась в смысле установления внешнего равенства, талиона, между тем, что было сделано, и тем, что в ответе за сделанное теперь надо сделать. Начало: «Око за око, зуб за зуб» особенно ясно выражает эту идею талиона. Философская мысль сформулировала весьма важное для последующих естественно-правовых представлений положение о том, что справедливость состоит в воздаянии другому равным. Отмечая употребление понятия справедливости вообще в различных значениях, Аристотель писал: «Итак, понятие “справедливость” означает в одно и то же время как законное, так и равномерное, а несправедливость — противозаконное и неравномерное»².

Итак, справедливость наказания выражается не только в обязательном реагировании на преступление уголовно-правовыми средствами, но и в обеспечении соразмерности между преступлением и мерой уголовно-правового воздействия (наказанием). Отступления от требований справедливости наказания могут выражаться в чрезмерной мягкости,

¹ Конфуций. Древний. V–IV в. до н. э.

² Аристотель. Этика. V. 2.

а также излишней суровости наказания. Но как добиться того, чтобы наказание было максимально справедливым, т. е. соответствовало бы тяжести преступления? Есть ли возможность у судей добиться назначения справедливого наказания по каждому делу, располагают ли они соответствующими «весами» и точны ли они? Закон требует от правосудия всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Главная задача любого судебного процесса — отыскание истины.

Ф. Лист писал: «Тяжесть наказания, говорят, должна соответствовать тяжести преступления. Так нас учит ортодоксальная наука уголовного права, так хочет “уравнивающая справедливость”. И так как в тяжести учинённого деяния мыслимы бесчисленные ступени, то законодатель хлопочет о том, чтобы предоставить в распоряжение судьи, в широко растянутых пределах, возможно высокое число “карательных величин”. При простой краже имеется не менее 1825 (5–365) ступеней в тяжести проступка, оценку которого на золотых весах соразмерения наказания мы требуем от судьи. Но по каким таким основаниям должны быть выисканы тяжесть преступления и соответствующая ей “карательная величина”, — об этом законодатель ничего не говорит. Ничего не говорится об этом и в учебниках или комментариях»¹.

Справедливость в разные периоды человеческой истории у различных народов, в зависимости от их нравственного и культурного развития, а также общественно-политического устройства, понималась по-разному. Так, например, если в странах Европы смертная казнь как вид наказания считается несправедливой по отношению к преступнику, то в некоторых странах Азии и Востока эта мера воспринимается как справедливое средство борьбы с преступностью.

¹ Лист Ф. Указ. соч. С. 30.

Поэтому очень важное значение имеет само понимание судьями уголовно-правового понятия справедливости, которое, естественно, не должно отрываться или, тем более, противопоставляться понятиям справедливости, разработанным философией. В.С. Пазенок отмечает многозначность понятия справедливости. Оценка справедливости распространяется и на экономические отношения, нормы права, юриспруденцию и нравственные категории, понятия морали, а также на конкретные действия как отдельных людей, так и целых коллективов, народов и государств¹.

О значении и важности справедливости, пожалуй, лучше Канта не скажешь: «Ведь когда исчезнет справедливость, жизнь на земле уже не будет иметь никакой ценности»².

Все процессуальные правила, все гарантии, предоставленные подсудимому, должны быть подчинены именно этой задаче: облегчить поиск истины, оградить судей от предвзятости, от субъективизма, от всего, что может помешать торжеству справедливости. Несправедливая оценка есть результат искажения судьёй истинного смысла преступного поведения, одностороннего, неполного рассмотрения причины преступления, личности преступника, что иногда делается преднамеренно, умышленно. Вот почему истинность является необходимым элементом справедливой оценки преступления и личности преступника. «...Истина, — писал В.Г. Белинский, — требует исследования спокойного и беспристрастного, требует, чтоб к её исследованию приступили с уважением к ней»³.

Справедливость как оценка становится мерилom деятельности, поступков людей при наличии убеждённости в их

¹ Пазенок В.С. Социализм и справедливость // Моральные ценности советского человека. М., 1968. С. 91.

² Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 366–367.

³ Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. Т. II. М.; Л., 1948. С. 47.

правильности. К судьям это относится в особенности. Судья, убеждённый в правильности оценки преступления, должен прямо и смело отстаивать справедливость наказания, забывая о себе, презирая робкие оговорки и двусмысленные намёки и заботясь только об истине, а не о том, что скажут о нём самом. Необходимо также иметь в виду, что неперменное условие справедливости наказания — неподкупность и бескорыстие судьи. Как сказал Цицерон, «преступно брать деньги за вынесенные приговоры, ещё преступнее осудить того, с кого возьмёшь деньги за оправдание», а Демокрит заметил: «Доступный подкупу — не может быть справедливым». Ф. Бэкон уточнил эту мысль: «Судьям подобает более учёности, чем остроумия, более почтительности, чем искусности в доказательствах, более осмотрительности, чем самоуверенности. Но главной их добродетелью является неподкупность»¹.

Без категории справедливости вообще невозможно обойтись там, где решение вопроса зависит от характеристики личности виновного. Многообразие отличающих человека признаков не позволяет изложить их в виде нормативно закреплённых чётких критериев. Поэтому при использовании такого рода норм особенно важное значение приобретает нравственная категория справедливости, на которую следует опираться при оценках характера и степени опасности личности. Среди этих норм на первое место выдвигаются правила назначения наказания. Каковы же критерии оценки справедливости принятого судебного решения?

Пожалуй, это один из труднейших вопросов проблемы назначения наказания. По одному и тому же делу один суд может принять одно решение (например, назначить наказание в виде лишения свободы сроком на шесть лет), другой — не согласится с этим и назначит наказание сроком на восемь лет. И каждый из них будет считать своё решение справедливым.

¹ Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2. М., 1978. С. 473.

Это вполне нормальное явление. Но какое из этих судебных решений в действительности наиболее справедливое? Ответ на этот вопрос во многих случаях оказывает существенное влияние на размер и вид уголовного наказания. Одно дело, когда человек лишён свободы на 6 лет, другое — на 8 лет. Может быть, для судей это принципиального значения не имеет, но для осуждённого — разница существенная. Каждый судья всегда ищет своё обоснование принятого решения. Поэтому мнения судей во многих случаях могут не совпадать.

Судьям следует помнить следующее принципиальное положение: справедливость требует, чтобы направляемое наказание было соразмерно и лично, т. е. оно будет соразмерным, если возмездие будет достаточным для того, чтобы отбить охоту к совершению преступником повторного зла, а также предотвратить совершение преступлений другими членами общества. При этом надо иметь в виду, что принцип тождества совершённого преступления с оказываемым на него воздействием, т. е. наказанием, нужно понимать в смысле равенства по ценности и что это равенство может быть лишь приблизительным, так как качественные и количественные свойства совершённого зла и сила уничтожения относятся к сфере высшего бытия, в которой невозможны никакие абсолютные определения. Поэтому справедливость судьи следует рассматривать и использовать не как инструмент или весы, с помощью которых можно измерить и определить характер и тяжесть причинённого зла и необходимое, правильное и целесообразное за это наказание, а как руководящий принцип при осуществлении правосудия.

К глубокому сожалению, современный институт назначения наказания не имеет под собой почвы. Как подчёркивал ещё Ф. Лист, «это высшая и изменчивая работа “воздающей справедливости” при ближайшем рассмотрении оказывается только фокусом»¹.

¹ Лист Ф. Указ. соч.

На самом деле, разве можно говорить о «справедливости», когда за одно и то же деяние назначаются различные наказания в различных судах, в то время как принцип справедливости требует соразмерности между избираемой мерой воздействия и характером и степенью общественной опасности деяния. И всё из-за того, что судья вовсе не знает того, кого он должен судить и наказывать, в то время как существенное значение при назначении наказания имеет не его деяние, а сам человек, совершивший преступление. По сути дела, преступника правосудие узнаёт только тогда, когда назначенное ему судом наказание исполняется. Когда-то П.И. Люблинский писал: «...как бы ни был судья хорош и образован, он никогда не сумеет подняться на такую высоту теоретического рассмотрения вопроса, на которой стоит законодатель... Даже хороший судья не сумеет упразднить надобность в законе и стать мудрее законодателя в оценке общих интересов... Но и законодатель не может претендовать на полное проникновение вглубь индивидуальных обстоятельств и на вытеснение судейского усмотрения из этой области. Там, где закон не способен уловить в общих постановлениях особенности отдельных случаев, где требуется особенная гибкость государственной деятельности, там, единственно, возможно применение усмотрения»¹. Что же такое судейское усмотрение? А. Барак определяет судейское усмотрение как «полномочие, которое закон даёт судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна», при этом оно «не является ни эмоциональным, ни умственным состоянием. Это, скорее, юридическое условие, при котором судья волен делать выбор из ряда вариантов»². Вряд ли с этим можно согласиться, поскольку

¹ Люблинский П.И. Основание судейского усмотрения в уголовных делах. СПб., 1904. С. 32–33.

² Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13–14.

юридическое условие для выбора того или иного конкретного наказания определено законом. А это означает, что судья не может выйти из рамок этих условий, в то время как в пределах юридических условий он не в состоянии принять справедливое решение.

Судейское усмотрение — это, скорее, комплекс нравственных, практических, психологических, педагогических условий, на основе которых судья принимает то или иное решение. Поэтому правильность решения зависит от уровня развития этих качеств судьи. При этом само собой разумеется, что, наряду с профессиональными качествами, существенное значение имеет способность судьи мыслить не только как юрист, но в большей степени как человек, как член общества, глава семьи. Исходя из этого, мы полагаем, что судебское усмотрение не должно быть безграничным. Речь идёт именно об оптимальном варианте усмотрения. Как бы ни выступали некоторые авторы против судебного усмотрения, надо признать, что там, где есть право, там всегда будет возможность выбора по усмотрению правоприменителя.

В этом смысле мы понимаем озабоченность В.П. Нажимова, когда он предупреждает, что «участники процесса, особенно подсудимый и защитник, почти беззащитны от усмотрения судей в выборе конкретной меры наказания. Судьи могут привнести в этот вопрос любые субъективные моменты, например такие, как скверное настроение, интуитивная антипатия к подсудимому и т. п.»¹.

Возможно, это зависит от личных качеств судьи, а не от границ судебного усмотрения. Мы не уверены в том, что чем меньше сфера личного усмотрения судьи, тем больше гарантий законности и правильности принятого решения. Поэтому вопрос состоит не в том, следует или не следует

¹ *Нажимов В.П.* Справедливость наказания — важнейшее условие его эффективности. С. 3.

отказаться от судейского усмотрения, а в том, каковы должны быть пределы такого усмотрения.

Внутреннее убеждение означает такое состояние психики, пребывая в котором, судья считает назначаемое наказание самым справедливым, индивидуальным, не вызывающим сомнений. Внутреннее убеждение не может быть инстинктивным, стихийным, произвольным, основывающимся на чисто субъективных побуждениях. Внутреннее убеждение как состояние есть не просто деятельность, выражающаяся в ощущении и оценке, оно возникает не в результате сиюминутных впечатлений. Безусловно, наряду с необходимыми предпосылками, элементами формирования рационального внутреннего убеждения служат умственная деятельность, выражающаяся в размышлении, сопоставлении, взвешивании отдельных доказательств, и всесторонняя самокритика модели возможного решения, после этого — проверка правильности всех выводов и, наконец, установление логических, причинно-следственных связей между данными, которые легли в основу решения¹.

Предпосылка рационального внутреннего судейского убеждения состоит в том, что судья, подходя к «проекту» вида и размера наказания, сформулированному мысленно, как и созданной в сознании модели, осуществляет на этой основе самоконтроль. Наиболее важный элемент самоконтроля — сомнение. Каждый судья, избирая вид и размер наказания, опирается на свои нравственные принципы. При этом необходимо отметить, что чрезвычайно важную роль в справедливом и целесообразном назначении наказания играет система философских, правовых, общечеловеческих взглядов судьи. Политические, идеологические принципы должны быть чужды судье.

Требование о том, чтобы судебные решения основывались на «личном убеждении» судей, причинах свободной

¹ *Надь Л.* Приговор в уголовном процессе. С. 92.

оценки доказательств, провозглашено во Франции Законом от 16 сентября 1791 г. В то же время, несмотря на то, что в рамках закона судебное убеждение свободно, оно не может быть произвольным. Некоторое единообразие условий, общие принципы позволяют судье в какой-то мере преодолеть субъективизм своих оценочных суждений, и ориентиром здесь может служить оценка назначенного наказания и отношения к нему общественного мнения. Каким же образом формируется внутреннее убеждение судьи? Этот вопрос имеет немаловажное значение как в теоретическом, так и в практическом плане. Внутреннее судебское убеждение при назначении наказания складывается на основе анализа степени и характера общественной опасности совершённого преступления, личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Но судебское убеждение — это не только обстоятельный анализ этих признаков, но и способность правильно оценить их значение в соответствии с целью наказания по уголовному законодательству.

В данном случае речь идёт не только о цели вообще, а о том, как в каждом конкретном случае судья реализует свои взгляды на эти цели, как он решает проблемы их соотношения. В процессе формирования судебского убеждения, безусловно, участвуют и правовые чувства, и эмоции, и т. д. Судья, так же как и любой другой человек, воспринимает окружающий внешний мир в зависимости от своих переживаний, влияющих и действующих на его волю. В конечном счете они определяют принимаемые им решения, определяют содержание его убеждений.

Итак, справедливость, целесообразность наказания во многом зависят от внутреннего убеждения судьи. А что собой представляет это убеждение, как оно будет выражено в приговоре, — это в решающей степени зависит от личного состава судей, от того, какова их общая правовая подготовка. Вот почему многие дефекты судебной деятельности по

назначению наказания (избрание вида и размера наказания) зависят от подбора и подготовки судебных работников (профессиональных судей).

Одним из слагающих моментов внутреннего убеждения судьи является сознание им своей независимости. На сегодняшний день, к сожалению, суд не является самостоятельным органом, выполняющим своё специфическое предназначение в обществе. Вместо функций, свойственных природе судебной власти (разрешать правовые споры), суд выполняет задачи, навязанные извне для достижения определённых политических целей, сохранения политических догм. Суд выступает обычным государственным органом, выражающим волю властвующих структур. Сохраняются механизмы воздействия на суд у местных органов исполнительной власти. Правосудие не стало выразителем «интересов права». Судьи не воспринимают себя частью корпорации, призванной, вопреки чему бы то ни было, утверждать право, закон и справедливость.

Зависимость судей не даёт возможность принципу самостоятельности стать реальностью в судебном разбирательстве. В силу этого суд не занимает положения беспристрастного арбитра в споре равноправных сторон.

Независимость и самостоятельность судей, в первую очередь, определяется порядком (механизмом) назначения (избрания), а также прекращения их деятельности. Считаем, что надо установить такую форму формирования судебного корпуса, которая не давала бы возможности той или иной власти по своему желанию, на основании каких-то формальностей решать судьбу судьи. Например, судьи могут быть избраны народом, как и было раньше. Можно пойти и по другому пути: в формировании судейского корпуса принимают участие две другие ветви власти — исполнительная и законодательная. Но самое главное даже не в том, как назначается (избирается) судья, а в том, кто, в каком порядке и в каких

случаях может освободить его от занимаемой должности. Поэтому было бы правильным, если бы судьи избирались (назначались) пожизненно или же, в крайнем случае, на длительные сроки — 20–25 лет. Порядок прекращения их деятельности должен быть усложнён настолько, что одного желания главы государства для этого было бы недостаточно без каких-то других условий, например без согласия 2/3 членов парламента. Независимость судей предполагает особый порядок и особые условия их привлечения к дисциплинарной ответственности. Нельзя забывать, что это третья ветвь власти.

В формировании внутреннего судебного убеждения, являющегося результатом работы судьи по исследованию дела, правосознание играет важнейшую роль. Правосознание как комплексный субъективный фактор, влияющий на процесс назначения наказания, в ряде случаев отдельные учёные именуют судебским (судебным) усмотрением¹, с чем вряд ли можно согласиться, так как эти понятия совершенно разные по своему содержанию и социальному значению.

Мы не можем согласиться и с теми авторами, которые включают в судебское правосознание идеологические компоненты. Так, по мнению С.А. Велиева, в правосознании как в одной из форм общественного сознания необходимо выделять следующие четыре слоя: идеологию, систему знаний, обыденное (эмпирическое) сознание, эмоциональную сферу².

П.П. Осипов в своё время утверждал, что «при вынесении приговора судья выступает не столько в качестве юриста, знатока правовым норм, сколько в качестве политического деятеля, руководствующегося всей системой своего

¹ См.: Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999; Велиев С.А. Принцип назначения наказания. СПб., 2004. С. 320; Ищенко А.В. Назначение наказания по Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 24.

² Велиев С.А. Указ. соч. С. 321.

мировоззрения и, прежде всего, идеологическими и политическими взглядами и убеждениями»¹.

В период советской власти, действительно, судьи выступали при осуществлении своих профессиональных обязанностей, в первую очередь, как проводники или, точнее, исполнители идей коммунистической партии, так как все они были членами этой партии. Поэтому П.П. Осипов считал их политическими деятелями, осуществляющими правосудие. Это означало, что судья не обязательно должен быть юристом. Кстати, до определённого времени в СССР так и было. Важно было быть членом КПСС. Это означало, что для судьи необходимо не **правосознание**, а политическое сознание. Само собой разумеется, что такой подход являлся глубоко ошибочным и вредным, но политически правильным. Профессиональное правосознание судьи должно быть совершенно чистым, без идеологий и политики.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, многосторонность юридической практики определяет специфические условия для формирования правосознания и обуславливает специфику правосознания следователей, прокуроров, судей, адвокатов и т. д. Каждая юридическая профессия вносит специфику в правосознание её представителей, выступает основой для формирования особого вида правосознания, характерного для представителей тех или иных юридических работников².

Профессиональное сознание юристов отличается от правосознания других граждан не столько элементами структуры, сколько их содержанием, глубиной, качеством и направлением связей между ними. Знания юристов в области

¹ Осипов П.П., Никитин В.Б. и др. Комплексное изучение системы воздействия на преступность. Л., 1978. С. 65.

² Назаренко Е.В. Социалистическое правосознание и советское правоительство. Киев, 1968. С. 124.

права, естественно, значительно полнее и детальнее, чем у других граждан, и достигают высокого экспертного уровня. Внутри правового сознания юристов можно выделить правосознание судей, имеющее свои особенности.

Судебная деятельность по назначению наказания носит сознательный характер и осуществляется в определённых условиях. К ним относятся те не зависящие от воли и сознания судей обстоятельства (факторы), под детерминирующим воздействием которых происходит процесс подготовки, принятия и реализации судебного приговора. Сознательный характер судебной деятельности придаётся субъективным факторам, в рамках которых наиболее важную роль призвано выполнять судейское правосознание, перерабатывающее входящую и в значительной мере предопределяющее выходящую информацию. Поэтому, несколько упрощая ситуацию, субъективный фактор можно свести к судебному правосознанию.

Важная роль профессионального правосознания судей подчёркивается самим законодателем, обязывающим их руководствоваться в своей деятельности требованиями закона и правосознания. Основным элементом правосознания судей является сознание необходимости полного, всестороннего исследования, изучения и оценки материалов дела и личности подсудимого, обязанности назначить справедливое наказание от имени общества, а также сознание своей ответственности. А это возможно только в том случае, если профессиональное сознание судей характеризуется профессиональной компетентностью, справедливостью, неуклонным следованием принципу законности, ответственностью, чувством высокого профессионального долга перед обществом и гражданином.

Правосознание судьи имеет большое значение как фактор, действующий в мыслительном процессе, составляющем основу принятия решения при назначении наказания. Существенным элементом мыслительной деятельности

судьи является сознание цели, целеустремлённость. В этих рамках в мыслительном процессе по конкретному делу деятельность, связанная с назначением наказания (выбором вида и размера наказания), направляется правосознанием. При определении вида и размера наказания на правосознание судьи оказывают существенное влияние и другие факторы, в частности экономические, нравственные, политические отношения и т. д.

Практика судебной деятельности по назначению наказания настоятельно требует повышения теоретического уровня судейского правосознания, внедрения в него целостных (системных) и достаточно конкретных представлений о совокупности социальных требований и объективных факторов, подлежащих учёту при назначении наказания. Как показывает практика, неправильное избрание вида и размера наказания в определённой мере обусловлено дефектами судейского правосознания, прежде всего, его сугубо или преимущественно профессионально-целевой ориентацией. В известных условиях правосознание оказывается мощным средством правильного подхода к познанию (знанию) и оценке судьями определённых фактов в их правовом и нравственном содержании.

Говоря о справедливости как принципе назначения наказания, невозможно обойтись без рассмотрения понятия гуманизма, ибо всё, что касается человека и его наиболее благоприятного развития, определяется общим понятием «гуманизм». Поэтому верно утверждение о том, что «гуманизм — это нравственная позиция, выражающая признание ценности человека как личности, уважение его достоинства, стремление к благу человека как цели общественного прогресса»¹. А это значит, что гуманизм — отношение государства к личности как члену общества, в том числе и к преступнику.

¹ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 147.

Жан-Поль Марат

Ж.-П. Марат, составляя «План уголовного законодательства», стремился к тому, чтобы «не ущемляя ни справедливости, ни свободы, примирить мягкость кары с её надёжностью и человечность с безопасностью гражданского общества»¹. Следовательно, нельзя сводить гуманизм к назначению мягкого, не соответствующего содеянному уголовного наказания.

В литературе существует мнение о двояком характере гуманизма. Одна его сторона проявляется по отношению к обществу и заключается в защите государственных, общественных и личных интересов от преступных посягательств. Понимаемому таким образом гуманизму вполне соответствуют строгие меры наказания преступников. Другая сторона гуманизма обращена к преступнику и означает человеческое отношение к его личности: отрицание жестоких наказаний, учёт смягчающих обстоятельств и т. д.

В общепринятом смысле термин «гуманизм» означает признание ценности человека как личности, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Следовательно, гуманизм может относиться только к конкретному человеку и в современном смысле понимается как человечность, милосердие. Защита интересов общества путём причинения вреда конкретному человеку, даже если это вызвано необходимостью и соответствует социальным интересам, не может считаться гуманизмом, ибо вред и гуманизм — понятия несовместимые. Суть гуманизма сводит-

¹ *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. Т. I. М., 1956. С. 213.

ся только к одной стороне — гуманности по отношению к человеку, в том числе к преступнику. Поэтому применение строгого наказания к преступникам в интересах охраны общества от опасных посягательств является не отступлением от последовательного проведения в жизнь принципа гуманизма, как утверждает И.И. Карпец, а несоблюдением принципа справедливости¹. Принцип гуманизма в уголовном праве связан только с личностью преступника и заключается в гуманном отношении к нему со стороны государства. При этом речь не идёт о назначении мягкого наказания, по сравнению с тем, которое требуется назначить. Вообще, принцип гуманизма по отношению к преступнику нельзя связывать с назначением наказания, как это делают некоторые авторы². Так, А.С. Горелик считает, что «даже назначение наиболее мягкого из возможных наказаний можно назвать гуманизмом в значительной мере условно. Любое наказание является карой, а кара и гуманизм — антиподы... Наказание вообще не может быть более или менее гуманным; точнее, следовало бы говорить о более или менее негуманном наказании, т. е. не о степени гуманизма, а о степени отступления от него, и иметь это в виду при использовании данного термина»³.

Принцип гуманизма следует применять при исполнении уголовного наказания. Это подтверждается также ст. 9 УК Азербайджана, где прямо сказано, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

¹ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 87.

² Осипов П.П. Теоретические проблемы... С. 18–19.

³ Горелик А.С. Указ. соч. С. 83.

Исследования показывают, что в различных регионах Азербайджана карательная практика судов по применению наказания, в частности лишения свободы, имеет существенные различия. Нет единства в применении наказания и в других странах СНГ. Судебная практика нашей страны показывает, что за одинаковые по характеру и степени общественной опасности преступления и при одинаковых в криминологическом смысле характеристиках личности преступника и обстоятельствах дела судьи нередко назначают отличающиеся виды и сроки наказания. Учёные-юристы по-разному объясняют причину сложившегося положения. Одни связывают это с неполнотой теоретической оснащённости деятельности по применению наказаний¹. Другие — с личностью судей, рассматривающих дело². Третьи — с существующей практикой конструирования слишком широких составов преступлений с большими разрывами санкций³.

Естественно, что субъективизм при применении наказания в судействе неизбежен. В связи с этим мы сталкиваемся с проблемой соотношения предоставленного суду «оперативного простора» с целями и задачами, поставленными перед наказанием самим законодателем. Иначе говоря, речь идёт об обоснованности тех пределов, которые предоставлены судейскому усмотрению действующей системой санкций уголовного законодательства. Как же всё-таки при существующем положении свести субъективизм к минимуму? Существует позиция, которая исходит из того, что целесообразно уточнить пределы

¹ См.: Эффективность применения уголовного закона / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.Б. Михайловского. М., 1973. С. 101; Яковлев М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 70.

² Нажимов В.П. Справедливость наказания — важнейшее условие его эффективности. С. 5–10.

³ Дементьев С.И. Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. М., 1981. С. 112.

судебного усмотрения, сформировать в законе условия, которые препятствовали бы превращению решения, вынесенного по усмотрению, в произвольное, субъективное решение¹.

При этом предлагаются разные пути такого разумного ограничения усмотрения. Так, по мнению С.Г. Келиной, наибольшее значение среди них могли бы иметь: чёткая классификация преступлений с фиксированием в законе правовых последствий совершенного преступления определённой категории и формирования законодательных норм, предусматривающих случаи обязательного усиления в рамках санкции наказания при наличии определённых обстоятельств². В.П. Нажимов предлагает конкретизировать правовое значение обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность³. Другие авторы, для того чтобы избежать проявления элементов субъективизма в применении мер наказания, рекомендуют сузить сферу судебного усмотрения путём точного определения законодателем и Верховным судом оценочных понятий⁴.

Так, В.Л. Чубарев пишет: «...развитие должно идти по пути рационального сужения пределов судебного усмотрения. Одним из способов такого сужения является по возможности более точное определение низших границ санкций»⁵.

Как известно, юридические рамки назначения наказания определены законом. Закон предоставляет судье право при наличии некоторых указанных подробно или хотя бы в об-

¹ Нажимов В.П. Указ. соч. С. 5–10; Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные уголовным законом, и основания их применения // Советское государство и право. 1982. № 5. С. 106.

² Келина С.Г. Указ. соч. С. 106

³ Нажимов В.П. Указ. соч. С. 5–10.

⁴ Фролов Е.А. Стабильность закона и соотношение формально-определённых и оценочных понятий в уголовном праве // Сборник учёных трудов СЮИ. Свердловск, 1973. С. 128; Дементьев С.А. Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. С. 122.

⁵ Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказания. М., 1982. С. 57.

щих чертах обстоятельств определить вид и размер наказания в соответствии с внутренними убеждениями и в пределах, установленных Общей и Особенной частями Уголовного кодекса, так, чтобы они отвечали цели наказания. Таким образом, сам закон оставляет известные границы для усмотрения применяющего его органа или должностного лица.

По мнению В.А. Глазирова и В.И. Никитинского, «целесообразность» применения норм, представляющих возможность для усмотрения правоприменителя, может оказывать значительное влияние на достижение целей норм¹. Поэтому, с нашей точки зрения, мнения о суждении пределов судебного усмотрения являются ошибочными и недальновидными. Как известно, уголовное законодательство предоставляет право определять наказание в пределах размера уголовно-правовой санкции за то или иное преступление. А это значит, что законодатель воздержался от разработки абсолютно-определённой и детализированной системы санкций и, тем самым, предоставил судьям возможность некоторой свободы усмотрения при применении закона. И это вполне естественно, ибо в законе практически невозможно установить конкретный вид и размер наказания за конкретное преступление. Следует отметить, что Уголовный кодекс предоставляет суду широкий простор для избрания той или иной меры, того или иного срока лишения свободы и большие возможности для комбинации мер репрессии. Однако необходимо иметь в виду, что правовому регулированию общественной жизни должны быть чужды как подмена закона усмотрением под видом целесообразности, так и противопоставление законности справедливому и целесообразному применению правовых норм².

¹ Глазирин В.А., Никитинский В.И. Эффективность правоприменительных актов // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 13.

² Пашкевич П.Ф. Закон и судебское усмотрение // Советское государство и право. 1982. № 1. С. 55–56.

Закон и усмотрение при его применении — две стороны правового регулирования общественной жизни, нуждающиеся в определённом сочетании, при котором должны сохраняться ведущая роль закона в качестве основы законности и судейского усмотрения. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что законодатель должен идти по пути существенного расширения рамок судейского усмотрения. Такого же мнения придерживаются некоторые учёные¹. Ещё А.А. Жижиленко писал: «Принцип индивидуализации наказания покоится на началах широкого доверия законодателя к судебным органам»².

Против такой позиции резко выступил А.Б. Сахаров, выдвинув три аргумента. Во-первых, он считает, что тенденция к расширению судейского усмотрения при определении наказания не соответствует исторической перспективе постепенного сокращения преступности и сужения сферы применения уголовной репрессии. Поэтому, с его точки зрения, уголовное законодательство должно идти по пути не расширения, а сужения судейского усмотрения, ибо только так можно обеспечить сокращение уголовной репрессии, замену её другими формами воздействия на правонарушителей. Автор утверждает, что история развития уголовного права свидетельствует о тенденции сужения объёма судейского усмотрения со стороны законодателя. Во-вторых, А.Б. Сахаров считает, что расширение судейского усмотрения противоречит и важнейшему принципу уголовной политики, так как неизбежно ослабляет авторитет закона, а вместе с тем, и авторитет самого судебного решения, главной основой

¹ Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. 1977. № 9. С. 60.

² Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании. Пг., 1923. С. 70.

которого является закон. И, наконец, в-третьих, широкий простор судейского усмотрения при назначении наказания, с точки зрения законодательной техники, есть следствие нечёткости определения признаков составов преступлений. По мере уточнения составов, углубления дифференциации простых, квалифицированных и «привилегированных» их видов неизбежно сужаются пределы санкций, а значит, сужается и судейское усмотрение¹.

С позицией А.Б. Сахарова вряд ли можно согласиться, ибо уголовный закон представляет собой обобщение типической ситуации совершения преступного деяния, содержит абстрактную формулировку состава преступления. Законом же предусмотрены виды и относительно-определённые пределы наказания, но закон общий, а деяние и личность преступника конкретны. Поэтому-то индивидуализация ответственности невозможна без определённого простора судейского усмотрения, которое предусмотрено самим законом. Этот простор в применении к единоличному случаю представляет собой необходимую индивидуализацию ответственности конкретного лица за совершённое им преступное деяние.

Для повышения обоснованности и эффективности судебной деятельности и планирования более оптимального состояния карательной практики необходимо добиться правильного понимания судьями, а также руководителями судебной системы тех возможностей достижения целей и соблюдения принципов назначения наказания, которые заложены в содержании различных видов уголовно-правового воздействия. А это, в свою очередь, предполагает наличие соответствующих научных классификаций законодательных санкций.

¹ Сахаров А.Б. Перспектива развития советского уголовного права // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 81.

4. Индивидуальное прогнозирование

В современных условиях, с учётом уровня рецидивной преступности, повышение эффективности исполнения наказания остаётся одной из актуальных проблем как в теории, так и в особенности практики. Её всестороннее изучение имеет исключительно важное значение. К сожалению, в последние годы в этом направлении практически ничего не предпринималось. Вместе с тем научные исследования по совершенствованию эффективности карательно-воспитательного воздействия (КВВ) нуждаются в серьёзном расширении и углублении. В современных условиях разработка этой проблемы должна занимать ведущее место в исследованиях по уголовно-исполнительному и уголовному праву, теории управления и педагогики, психологии и конкретной экономики. Поэтому нам хотелось бы предложить некоторые свои соображения по совершенствованию эффективности исполнения наказания.

Прежде всего, следует обосновать теоретическую возможность и практическую необходимость индивидуального прогнозирования поведения осуждённого в процессе исполнения наказания, которое, на наш взгляд, является одним из возможных путей повышения эффективности достижения цели предупреждения. Результаты такого прогнозирования могут быть использованы при условно-досрочном освобождении, условном освобождении с обязательным привлечением к труду и т. д., при освобождении с обязательным привлечением к труду и т.д., а также при освобождении осуждённого из мест лишения свободы по сроку, амнистии и другим причинам. Целью индивидуального прогнозирования в местах отбывания наказания является изучение будущего поведения осуждённого в процессе исполнения наказания с момента его прибытия до его освобождения по любым основаниям. Субъектом такого

прогнозирования является начальник отряда, а также работники мест отбывания наказания.

Конечно, прогноз начальника отряда должен быть направлен на то, чтобы определить возможное преступное поведение осуждённого в процессе отбывания наказания, поскольку задача индивидуального прогнозирования сводится не только к предсказанию ожидаемого поведения осуждённого, но и к установлению факторов (условий, ситуаций, обстоятельств), которые бы способствовали или, наоборот, препятствовали правильной организации процесса исполнения наказания. Лицо, прогнозирующее поведение осуждённого, должно быть всегда готово к пересмотру своих предположений, не подтверждающихся в действительности. Прогноз ни в коем случае не может заменить конкретных оценок фактического поведения; он только помогает построить версии о возможном (наиболее вероятном) поведении осуждённого в будущем, в процессе исполнения наказания, с тем чтобы вовремя принять профилактические меры. В индивидуальном прогнозировании поведения осуждённого упор делается именно на *индивидуальность*.

Г.А. Аванесов отмечает: «...индивидуальное прогнозирование основывается на неповторимой индивидуальности конкретной личности и относительной самостоятельности её поведения, но поведения не в “застывшем” виде, а в “движении” от прошлого к настоящему и от него к “будущему”»¹. Особо следует подчеркнуть, что при индивидуальном прогнозировании речь должна идти не об однозначном прогнозистическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения осуждённого.

С точки зрения практических возможностей прогнозирования социального поведения осуждённого мы ставим перед

¹ Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 381.

собой задачу выявить «прогностическую ценность» информации о различных состояниях предрасположенности осуждённого к определённому поведению в специфически заданных условиях.

Поэтому если индивидуальное прогнозирование рассматривать как процесс предвидения будущего поведения отдельного человека, то индивидуальный прогноз — это научно обоснованная информация, содержащая количественно-качественную характеристику будущего поведения личности.

Прогнозирование социального поведения осуждённого в процессе отбывания наказания — область чрезвычайно сложная уже в силу многокачественного характера объекта.

Проблема прогнозирования индивидуального поведения (индивидуальное прогнозирование) всё больше и больше привлекает внимание представителей общественных наук. Учёные разных стран ведут оживлённые дискуссии по поводу проблемы прогнозирования поведения индивида в той или иной ситуации. При этом делаются попытки выработать индивидуальные «планы» развития личности, «проектировать личность», выявить особенности поведения личности в различных ситуациях и её психологическую направленность и т. д.¹

Центральная идея подобных исследований — попытка объяснить и предсказать особенности поведения индивида, исходя из его предрасположенности или диспозиции к восприятию и оценке некоторой ситуации, готовности действовать в ней определённым образом². Но возможно ли это? По мнению А. Грюнбаума, «поведение человека, направленное сознанием,

¹ См.: Константиновский Ф.Л., Шубкин В.П. Личные планы и их реализация // Вопросы философии. 1970. № 7; Осипов Г.В. Некоторые проблемы теории личности // Социологические исследования. Вып. 3. 1970; и др.

² См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

находится вне сферы компетентности науки»¹. Как видно, эта позиция полностью отрицает возможность индивидуального прогнозирования. Большинство учёных придерживаются противоположной точки зрения. Так, например, Т. Шибутани по поводу прогнозирования поведения человека пишет: «...его явное поведение обычно можно было предвидеть достаточно, ибо он охотно подчиняется групповым стандартам»². К такому же выводу приходит и Б.Ф. Парыгин: «...в зависимости от числа факторов, определяющих подвижность или устойчивость настроения, присущих тому или иному индивиду, можно более или менее обоснованно прогнозировать поведение последнего в ситуации, предъявляющей высокие требования к психической уравновешенности личности»³.

В юридической литературе уже высказывались суждения о необходимости разработки криминологических моделей прогноза⁴. Однако проблема индивидуального прогнозирования поведения осуждённого в процессе исполнения наказания никогда не была предметом теоретических исследований. Достижения современных наук — психологии, педагогики, социологии, генетики, кибернетики — позволяют в каждом конкретном случае составить прогноз относительно эффективности той или иной меры наказания посредством познания поведения лица, совершившего преступление, в ближайшем будущем, хотя бы в общих чертах. Такой подход основывается на том, что прогнозирование изменений в потребностях,

¹ Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения // Вопросы философии. 1970. № 6. С. 62.

² Шибутани Т. Социальная психология / Пер. с англ. М., 1969. С. 164.

³ Парыгин Б.Ф. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 152.

⁴ См.: Ляхов И.И. Об одном способе прогнозирования социального поведения // Моделирование социальных процессов. М., 1970. С. 209; Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 161, 172; Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. С. 264–265.

мотивах человека в результате того или иного конкретного уголовного наказания позволяет познать, изучить будущие перемены в видах деятельности осуждённого.

Итак, предвидение возможного поведения личности, особенно поведения осуждённого, безусловно, задача сложная. Однако возникающие при этом трудности можно преодолеть посредством глубокого изучения личности, механизма поведения человека, внешних и внутренних факторов. Оценивается именно личность осуждённого, его прошлое и настоящее поведение и прогнозируется возможное поведение в будущем в процессе исполнения наказания. Не вызывает сомнений, что совместными усилиями юристов, психологов, педагогов и кибернетиков можно разработать систему таких показателей, которые дадут возможность получения достаточно точного прогноза поведения отдельного лица, освобождаемого из мест лишения свободы условно-досрочно или отбывшего срок, а также подсудимого, в отношении которого применяется уголовное наказание.

Теперь перед нами встает, пожалуй, самый трудный вопрос: какой, собственно, предмет подлежит анализу? Что конкретно следует прогнозировать: отдельные акты поведения осуждённого, поступки, систему поступков, деятельность в целом?

По поводу того, как должна изучаться личность при прогнозировании её поведения и какие факторы необходимо учитывать в процессе индивидуального прогнозирования, учёные и практические работники высказывают различные мнения. Так, например, А.А. Герцензон считает, что критерием для индивидуального прогнозирования служит отношение осуждённого к труду, участие в культурно-воспитательной работе, соблюдение режима и т. д.; учитывается также та среда, в которую возвратится освобождённый, его прошлые связи и пр.¹

¹ См.: Герцензон А.А. Актуальные проблемы советской криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 6. 1967. С. 25.

Другие авторы полагают, что учёт только этих обстоятельств при индивидуальном прогнозировании недостаточен. Так, В.Н. Кудрявцев пишет: «...перспективные направления индивидуального прогнозирования могут открываться, если будет решена проблема измерения социальных и индивидуальных свойств личности правонарушителя: глубина его антиобщественных взглядов, интенсивность (направленность) жизненной ситуации, полнота предвидения последствий своего поведения и др.»¹.

А.Ф. Глоточкин и В.Ф. Пирожков отмечают, что знание причин воздействия и динамики различных психологических состояний человека позволяет выделять типичные психические состояния, повторяющиеся в сходных обстоятельствах, и, тем самым, предвидеть с достаточной достоверностью поведение заключённого в тех или иных условиях².

Наконец, Г.А. Аванесов выступает за установление разумных пределов изучения личности при прогнозировании индивидуального антиобщественного поведения³. Он пишет: «Более того, при индивидуальном прогнозировании преследуется цель предсказать не “любое” поведение, а лишь такое, которое интересует субъектов прогнозирования»⁴.

Представляется, что подобные рекомендации не могут быть использованы при индивидуальном прогнозировании, ибо они позволяют познать только внешнюю сторону будущего поведения осуждённого, которая складывается из совокупности положительных и отрицательных поступков и не отражает мотивы поведения. Между тем, Ф.А. Кикнадзе

¹ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. С. 165.

² См.: Глоточкин А.Ф., Пирожков В.Ф. Психические состояния человека, лишённого свободы. М., 1968. С. 3.

³ См.: Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. С. 272.

⁴ Там же.

утверждает, что «человек нигде не виден так ясно, как в мотиве поведения»¹.

Для того чтобы изучить будущее поведение осуждённого в процессе исполнения наказания, недостаточно знать объективную систему его ролей. Нужно, как отмечает И.С. Кон, также понимать их внутреннюю структуру, их смысл и удельный вес в его собственных глазах, выяснить психологическую доминанту его личности². Речь в данном случае идёт о социальном и психологическом изучении индивида, его личностных свойств. По мнению С.Л. Рубинштейна, в качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяют те, которые обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека³. Однако в связи с этим он напоминал также и о существовании психического аспекта личности: «Психический аспект личности не рядоположен с другими; психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешними воздействиями, психические процессы определяют поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий»⁴.

Таким образом, прогнозирование мотивации занимает центральное место в понимании механизма будущего поведения осуждённого при исполнении наказания, выявление закономерностей которого даёт возможность всесторонне раскрыть сущность и значение всех других факторов деятельности преступника.

¹ Кикнадзе Ф.А. Потребности, поведение, воспитание. М., 1968. С. 51.

² См.: Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 36.

³ См.: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 309.

⁴ Там же. С. 311

Классики марксизма специально подчёркивали роль мотивационной системы как объективно действующего фактора детерминации человеческого поведения. Ф. Энгельс писал: «Всё, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову»¹. По мнению Н.Г. Асеева, «мотивация как движущая сила человеческого поведения, безусловно, занимает ведущее место в структуре личности, пронизывая её основные структурные образования: направленность личности, характер, эмоции, способности, деятельность и психические процессы»². «Именно то, что особенно значимо для человека, — писал С.Л. Рубинштейн, — выступает в конечном счёте в качестве мотивов и целей его деятельности и определяет стержень личности»³.

Как социально-психологическое явление мотивы человека охватывают его социальные ориентации и идейные убеждения, затрагивают стратегическую организацию его поведения, играют роль действенной силы в целенаправленной мобилизации духовного потенциала и творческих сил личности. Исключительно велико значение мотивов в формировании целостной личности, которой свойственно единство образа мышления и поведения, идейной убеждённости и социальной активности. Что же такое мотивация?

В социологической и психологической литературе мотив определяется как осознанная побудительная сила, направляющая деятельность и поведение человека на удовлетворение его определённых потребностей. С.Л. Рубинштейн, например, писал: «Мотивация — это через психику реализующаяся детерминация»⁴. Болгарский учёный В. Вичев

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 230.

² Асеев Н.Г. Мотивация и формирование личности. М., 1976. С. 9.

³ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 620.

⁴ Рубинштейн С.Л. Человек и мир. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С. 370.

подчёркивал, что «мотив означает сознательное и глубокое личностное “почему” данного действия. Он раскрывает соотношение между внутренним и внешним, между потребностями и их объектами»¹.

Термин «мотивация поведения» используется то в более узком, то в более широком смысле слова. В узком смысле слова это мотивация конкретных форм поведения человека. В широком смысле слова под мотивацией поведения подразумевается совокупность тех психологических мотивов, которыми определяется поведение человека в целом².

Мотивы будущего поведения осуждённого как идеальные побудительные силы формулируются на основе потребностей. Поэтому если прогнозирование мотивов поведения позволяет понять, как осуждённый намерен вести себя в специфических условиях (в процессе исполнения наказания), то знание потребностей и интересов раскрывает источники его побуждений, основу будущей избирательности и направленности деятельности. Следовательно, **прогнозирование потребностей осуждённого приобретает особое значение.**

При индивидуальном прогнозировании достижения предупреждения речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения осуждённого, ибо всякий социальный прогноз — это прогноз вероятностей, а когда речь идёт о прогнозе индивидуального поведения, то это должно быть учтено в наибольшей степени. Поэтому невозможен никакой индивидуальный прогноз, рассчитанный на то, чтобы точно сказать, как будет себя вести данный осуждённый, например, через год или два, в какой-то конкретной жизненной ситуации. «Такое “предсказание”, — как правильно утверж-

¹ Вичев В. Мораль и социальная психика. М., 1978. С. 32.

² См.: Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969. С. 12.

дает В.Н. Кудрявцев, — основывалось бы на фаталистических представлениях о поведении человека, рассматривало бы его как “игрушку” судьбы или, ещё хуже, выводило бы поступки человека из его прирождённых особенностей»¹. Поэтому вряд ли можно согласиться с авторами, которые считают, что «органы прокуратуры, суда, мест лишения свободы делают во многих случаях правильные выводы о дальнейшем поведении лица и его общественной опасности, о том, что оно исправилось, и т. д.»². Так, И.И. Карпец пишет: «...практические работники, особенно уголовного розыска, почти безошибочно прогнозируют преступное поведение отдельных людей. То же самое можно сказать и о работниках исправительно-трудовых учреждений»³.

Представляется, что такое категорическое утверждение, не имеющее под собой твёрдой научной основы, может оказать отрицательное влияние на работу правоохранительных органов. Как бы индивидуально и справедливо ни подходила администрация к осуждённому, она не в состоянии прогнозировать в полной мере его поведение во время отбывания наказания и достаточно точно определить срок, необходимый для его исправления и перевоспитания. Мы можем говорить о большей или меньшей вероятности того, что данный осуждённый поступит так, а не иначе; что от одного осуждённого с бóльшим основанием можно ждать хорошего поступка, чем от другого, и т. д. Но неверно утверждать, что «работники уголовного розыска почти никогда не ошибаются, например, в том, пойдёт ли вновь на совершение

¹ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. С. 163.

² Шаргородский М.Д. Наказание. Его цели и эффективность. С. 105–106; см. также: Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. С. 148.

³ Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. С. 148.

преступления человек, если он возвращается в ту среду и атмосферу, которая привела его к преступлению»¹.

Индивидуальное прогнозирование поведения осуждённого — это научное *предсказание* возможного поведения осуждённого в процессе исполнения наказания в течение того времени, к которому он осуждён.

Следует отметить, что у каждого осуждённого в процессе отбывания наказания окажется не одно кем-то или чем-то предопределённое будущее, а множество, вероятно, «будущих», из которых должно быть реализовано в конечном счёте только одно. К этому «одному будущему» осуждённый придёт в результате взаимодействия разнообразных факторов. Поэтому задача сводится не только к прогнозированию возможного поведения осуждённого, но и к установлению факторов, определяющих наиболее вероятный вариант его будущего поведения. К числу таких факторов, как показывают материалы конкретных исследований, относятся: среда, в которой будет находиться осуждённый, его социальная и психологическая активность, определяемая интересами и готовностью жить так, а не иначе². Для прогнозирования поведения каждого осуждённого необходимо знать настроение, стремление, поведение среды (группы, микросферы), в которой он находится. Такой вывод вытекает из положения о том, что, осуществляя ту или иную деятельность, индивид должен учитывать изменения внешней среды, способные вмешиваться в достижения промежуточных и конечных целей. Ряд изменений среды в процессе исполнения наказания может вызвать смену действий или операций: некоторые изменения могут позволить сократить или добавить число действий и операций, могут отвлекать осуждённого от основной в данный момент деятельности, заставляя решать другие, побочные задачи.

¹ Там же.

² См.: Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. С. 293.

Следовательно, чтобы составить индивидуальный прогноз достижения цели предупреждения с учётом среды, в которой оказался осуждённый, надо, по крайней мере, знать: а) какие возможности деятельности предоставляет ему социальная среда во время отбывания наказания; б) какую из возможностей намерен выбрать сам осуждённый; в) какие изменения, способные в значительной степени сдерживать или, наоборот, ускорить эффективность исправления и перевоспитания, могут произойти под влиянием различных обстоятельств в процессе реализации судебного приговора. Изучение микросреды целесообразно проводить, как подчёркивает Г.А. Аванесов, в социально-психологическом, педагогическом и криминологическом аспектах¹.

Большое внимание прогнозированию изменений среды и учёту её возможных воздействий на успешность достижения цели уделял Н.А. Бернштейн в концепции организации активных поведенческих актов, получившей название «физиология активности». Изучая организацию двигательных действий, Н.А. Бернштейн показал необходимость «заглядывания» вперёд при осуществлении движений, необходимость учёта будущих внешних и внутренних сил, необходимость предварительной настройки (подготовки) органов чувств и двигательных систем².

Таким образом, прогнозирование желаемого поведения осуждённого в процессе исполнения наказания соответствует его интересам, стимулирует его деятельность в данном направлении, т. е. прогноз влияет на поведение осуждённого, делая это поведение, каждое отдельное его действие целенаправленным и конкретным.

Индивидуальное прогнозирование поведения осуждённого возможно только при достаточном информационном обеспечении процесса исполнения наказания, т. е. тогда,

¹ См.: Там же. С. 276.

² См.: Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии активности. М., 1966.

когда прогнозирующее лицо располагает необходимой информацией о прошлом и настоящем осуждённого.

Информация есть сведения, сообщения, характеризующие состояние объекта и окружающей его среды¹. Если под карательно-воспитательным воздействием понимать устранение или сокращение разрыва между реальной совокупностью присущих осуждённому личностных свойств и нормативной моделью законопослушного типа личности, то информация для целенаправленной и эффективной организации этого воздействия должна содержать сведения о характере и степени рассогласования между реальной и нормативной моделями личности. А это возможно только в том случае, если соблюдаются те общие требования, которые предъявляются к любому из видов социальной информации².

Процесс информационного обслуживания охватывает ряд субъектов, в частности, передающего информацию и получающего её, предполагает определённые каналы (пути) передачи информации и включает в себя ряд этапов. Каждый из них имеет свои особенности, свои проблемы. Выделение таких этапов в известной мере условно, поскольку практически каждый субъект — получатель информации одновременно является и передатчиком информации. Так, например, судебно-следственные органы являются непосредственными субъектами информационного обеспечения процесса карательно-воспитательного воздействия. В данном случае эти органы выступают в качестве передатчика информации об осуждённом. Однако, прежде чем стать передатчиком, судебно-следственные органы становятся получателями информации. Накопление, учёт, обработка, хранение, поиск сведений об осуждённом — важнейшая задача этих органов. По отношению к судебно-следственным

¹ См.: Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. С. 160.

² Там же. С. 137–138.

органам места отбывания наказания являются получателями информации. В процессе организации карательно-воспитательного воздействия они становятся уже не только получателями, но и основными субъектами накопления, учёта, обработки, поиска новых сведений об осуждённом как объекте карательно-воспитательного воздействия.

В информационном обеспечении судебно-следственными органами процесса карательно-воспитательного воздействия имеется ряд существенных недостатков, которые в значительной мере затрудняют организацию эффективного процесса исполнения наказания. Один из таких недостатков — отсутствие в личном деле осуждённого оптимума информации, что выражается в недостаточности сведений даже для первоначальной ориентации при организации карательно-воспитательного воздействия.

Обеспечить оптимум информации об объекте (осуждённом) — значит дать субъекту воздействия необходимую и достаточную информацию об осуждённом для организации целенаправленного и эффективного процесса. Оптимум информации, её необходимость и достаточность означают, что информация об осуждённом должна содержать все необходимые, точные, надёжные, не содержащие искажений сведения.

Судебно-следственные органы в настоящее время передают администрации мест отбывания наказания незначительную часть тех сведений об осуждённом, которые ими собираются во время следствия и суда. Хотя ещё в 1928 г. С.В. Познышев писал о том, что деятельность воспитателя должна быть «возможно более индивидуализирована при выборе и применении воспитательных мер и приёмов... Ему необходимо учитывать много данных, характеризующих заключённого... В настоящее время ему приходится идти ощупью, с особенной осторожностью... Но не подлежит сомнению, что криминальной психологии, в частности, той её части, которую можно назвать криминальной педагогикой, предстоит великое будущее

выяснить точно те методы воздействия, которые окажутся наиболее целесообразными... В будущем установится и наиболее тесная связь между судом, назначающим наказание, и пенитенциарными учреждениями, которые, в сущности, продолжают начатое судом применение наказания и исполняют предначертание судьи. Пенитенциарный деятель будет иметь перед собой всё дело заключённого, будет знать, что усмотрел в данном виновнике преступления судья и почему именно он назначил ему такое, а не иное наказание»¹. К сожалению, пока ещё следственные органы, как справедливо отмечал Л.В. Багрий-Шахматов, направляют в архивы вместе с судебными делами «ценнейшие сведения о преступниках, так необходимые в работе органов государства, исполняющих наказание. На получение этих сведений уже в процессе исполнения наказания требуются порою годы, вместо того, чтобы это время использовать для действительной работы по исправлению и перевоспитанию преступника на основе данных, полученных о личности преступника от следствия»².

У администрации же на первых порах имеется только судебный приговор, статья закона, по которой осуждён заключённый, и совершенно неизвестный ей человек, которого ещё нужно продолжительное время изучать, чтобы организовать процесс индивидуального карательно-трудового воздействия. Поэтому совершенно справедливо замечание И.В. Шмарова о том, что «в настоящее время данные о личности осуждённого, содержащиеся в личном деле, при поступлении его в ИТУ содержат весьма поверхностные сведения. В личном деле отсутствуют подробные сведения о характере совершённого преступления, об условиях и причинах, способствовавших его совершению, о прошлой пре-

¹ Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. С. 238.

² Багрий-Шахматов Л.В. Правовые основы изучения личности преступника и воспитательного на них воздействия // Изучение и предупреждение преступности. Вып. 8. Воронеж, 1968. С. 41.

ступной деятельности осуждённого, его личности, семье и т. д. Администрация мест лишения свободы, прежде всего начальники отрядов, затрачивают значительное время для сбора указанных сведений по прежнему месту жительства и работы осуждённого. Между тем большая часть интересующих воспитателей сведений остаётся в судебном деле, у следователя и судей и не отражается в приговоре суда»¹.

Ни в судебных приговорах, ни в справках-характеристиках не содержится комплексной информации, отражающей состояние всех требуемых показателей и определяющей основное социальное качество, нуждающееся в изменении в процессе отбытия наказания. Поэтому не соответствует действительности утверждение некоторых авторов о том, что «программа изучения личности, которой мы теперь пользуемся, предусматривает выяснение биографических данных; получение сведений о динамике формирования морального облика, причин и мотивов совершённых преступлений; оценку содеянного самим осуждённым; выяснение субъективных данных о проводившемся противоалкогольном лечении; нравственно-психологических особенностей (положительных и отрицательных сторон, нравственных критериев, интересов, склонностей и их целенаправленности, способностей, характера, темперамента, привычек, отношения к проводимой в учреждении ПВР, труду, образованию, к режиму и дисциплинарной практике, готовности к жизни на свободе, степени исправления, возможности трудового и бытового устройства)»².

В связи с этим совершенно справедливо возникает вопрос об объёме необходимой информации об осуждённом. В литературе обычно утверждается, что администрации нужно знать об осуждённом всё — историю жизни, характер

¹ Шмаров И.В. Взаимодействие исправительно-трудовых учреждений с другими органами, ведущими борьбу с преступностью // Советское государство и право. 1965. № 11. С. 97.

² Лагунова Т. Побудить веру в себя // К новой жизни. 1977. № 3. С. 33.

совершённых преступлений, особенности поведения в быту до совершения преступления, подробную психологическую характеристику, в содержание которой включается обширный перечень разнородных свойств и качеств личности: мировоззрение, интересы и склонности, идеалы и потребности, темперамент и характер, способности, знания, навыки, умения, привычки, особенности чувств и воли, интеллектуального развития, характерные психические состояния¹.

Представляется, что такой подход к определению программы изучения личности является неправильным: во-первых, потому, что вообще полную, абсолютно определённую информацию об осуждённом получить невозможно; во-вторых, нет никакой необходимости стремиться узнать малейшие детали, характеризующие личность осуждённого, но не имеющие практического значения в условиях отбывания наказания.

Оптимизировать информацию — это значит избежать не только её недостатка, но и чрезмерного избытка. Если недостаток информации об осуждённом не даёт субъекту воздействия возможности получить правильное представление о состоянии объекта воздействия и по существу принять правильное решение, то избыток информации много времени и сил требует для её переработки. Поэтому создаётся опасность «потонуть» в потоке бессистемной, необработанной информации, а результат будет такой же, что и при её недостатке, необоснованности решения. Более ограниченные программы рекомендуют А.Г. Ковалёв, В.Т. Лашко, А.В. Надъярный². Но они не очень чётко аргументируют свой подход к определению совокупности свойств

¹ См.: Исправительно-трудовая педагогика: Учебное пособие. С. 64; *Хоролец В.В.* Проблемы комплексного изучения личности осуждённых к лишению свободы. С. 176–182; *Высотина Л.А.* Педагогические основы процесса исправления и перевоспитания осуждённых в ИТУ. С. 27–31.

² См.: *Ковалёв А.Г.* Психология исправления и перевоспитания заключённых. М., 1964; *Надъярный А.В.* О методике изучения личности заключённого // Вопросы борьбы с преступностью. 1970. № 12.

и качеств личности осуждённого, подлежащих обязательному изучению. Если признавать, что карательно-воспитательное воздействие — это особый процесс, предполагающий разрушение у осуждённых негативных, антиобщественных свойств и проявлений, то, в первую очередь, необходимо получать информацию о нравственных пороках личности, подлежащих искоренению, и жизненных обстоятельствах, способствовавших их появлению и совершению преступных действий, обуславливающих индивидуально-специфический характер сформировавшихся нравственных качеств личности, как положительных, так и отрицательных. Например, для организации эффективного процесса воздействия в отношении лица, совершившего корыстное преступление, необходимо расширять объём собираемой информации, связанной с его служебной деятельностью, специально выяснять наличие ориентировки на «широкую» жизнь, накопление, стяжательство.

Необходимо также иметь в виду, что информация, полученная от судебно-следственных органов, очень часто не соответствует действительности и потому нуждается в проверке со стороны администрации. Наиболее характерно несоответствие уровня образования данным, полученным администрацией в результате проверки и зафиксированным в личном деле осуждённого.

Представляется, что для нормального обеспечения процесса карательно-воспитательного воздействия информацией об осуждённом необходимо улучшить методы и средства накопления, учёта, обработки, хранения, поиска и передачи информации судебно-следственными органами (передатчик информации) в места исполнения наказания (получатель информации).

Для этого необходимо иметь единый уголовно-процессуальный документ, где должна быть сконцентрирована широкая сводная информация о личности обвиняемого с целью комплексного её исследования и передачи из органов дознания и предварительного следствия в судебные инстанции,

а оттуда, после вступления приговора в законную силу, — в места отбывания наказания. Это вызвано тем, что в настоящее время информация о личности обвиняемого рассредоточена в виде протокола следственных действий, характеристик, заключений экспертов и т. д. по разным частям уголовного дела, что затрудняет её использование в процессе предварительного расследования и рассмотрения дела в суде.

Кроме установочных данных в едином уголовно-процессуальном документе должна отражаться информация, характеризующая личность с других сторон: моральной, производственной, бытовой, педагогической и т. д. Такая оптимальная информация об осуждённом, отражённая в едином документе, даст возможность администрации полнее представить себе личность осуждённого, глубже понять причину и степень его социальной запущенности и общественной опасности, эффективнее организовать процесс карательно-воспитательного воздействия.

Таким образом, уголовно-процессуальный документ будет средством закрепления информации об осуждённом. «Документ — материальный носитель информации»¹. Данный документ должен отвечать предъявленным к нему юридическим требованиям, быть удобным для обработки, содержать нужные данные как количественного, так и качественного характера, позволять вносить требуемые изменения, дополнения и т. д. Идею концентрирования сведений о заключённом в одном документе высказывали и высказывают в настоящее время многие авторы².

¹ Афанасьев В.Г. Указ. соч. С. 226.

² См.: Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. С. 238; Герцензон С.В. Об изучении и предупреждении преступности // Советское государство и право. 1960. № 7; Степичев С.С. Формы и методы изучения личности преступника // Социологическая законность. 1960. № 8; Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973. С. 97–99; Ведерников Н.Т., Усков И.М. Сведения о личности подсудимого в свете требований УПК РСФСР // Труды Томского университета. Т.156. 1968. С. 96.

Против введения дополнительной документации в виде уголовно-процессуального документа выступает А.В. Надъярный, который считает, что надо идти «по пути полного и совершенного применения имеющихся на каждого заключённого тетрадей по изучению их личности и учёту индивидуальной работы с ними. Перечень сведений о личности преступника, который следует заносить в эту тетрадь, а также её форму и разделы следует разработать учёным: криминалистам, педагогам, психологам, специалистам в области исправительно-трудового права. Причём, заводить тетрадь по изучению личности заключённого и учёту индивидуальной работы над ним следует в процессе дознания, предварительного следствия, судебного разбирательства, пребывания осуждённого в следственном изоляторе и в ИТУ»¹.

Представляется, что предлагаемый А.В. Надъярным вариант менее удобный, так как на каждого осуждённого надо будет заводить не менее пяти индивидуальных тетрадей. Кроме того, не имеет существенного значения, как должен выглядеть документ, в котором фиксируются сведения о личности осуждённого. Самое главное — обеспечить процесс карательно-воспитательного воздействия достаточной информацией, отвечающей тем общим требованиям (комплексность, систематичность, оптимальность, своевременность), которые предъявляются к любому виду социальной информации, Н.Т. Ведерников считает целесообразным разработать анкету о личности преступника, которая включала бы в себе целый комплекс сведений о морально-политическом и психологическом облике: биографические и производственно-бытовые данные, сведения о судимостях².

¹ Надъярный А.В. Указ. соч. С. 10.

² См.: Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника и вопросы перевоспитания заключённых.

Необходимо иметь в виду, что обеспечение процесса исполнения наказания достаточной информацией об осуждённом зависит не только от передатчика (субъекта передачи) информации, но и от получателя информации, т. е. от самих карательно-воспитательных учреждений, в деятельности которых по организации получения, обработки и использования поступающей информации имеются существенные недостатки, влияющие на организацию эффективного процесса воздействия.

Как отмечает В.Г. Афанасьев, «сама по себе информация, будь она самой оптимальной, не приведёт к принятию эффективного решения. На качество решения влияют эмоционально-субъективные факторы и, прежде всего, оценка субъектом управления информации, используемой в подготовке и принятии решения. Естественно, что *умение работать* с информацией, компетентно оценить и умело использовать её способствует повышению качества решения»¹. Решение об организации процесса индивидуально-воспитательного воздействия по отношению к каждому конкретному осуждённому должно приниматься только после разнообразной и сложной работы с информацией. При этом работающий над информацией (в данном случае — администрация) имеет дело не с информацией вообще, а с конкретной информацией об осуждённом. Отбор поступающей информации предполагает известную свободу действий получателя, так как администрация из всей поступающей к ней информации вольна выбирать и использовать именно ту, которая ей более необходима для достижения той или иной цели.

Значит, ценность поступающей информации определяется получателем и, следовательно, меняется с изменением получателя и цели. Однако это не означает, что она всецело зависит от оценки субъекта. Информация способна служить

¹ Афанасьев В.Г. Указ. соч. С. 212.

достижению различных целей, следовательно, она — объективный носитель ценности, и последняя выступает как единство субъективного и объективного¹.

Так, например, при работе с информацией об осуждённом к лишению свободы за насильственное (бытовое) преступление ценными являются сведения, характеризующие его как члена семьи, — притязания осуждённого на лидерство в семейно-бытовой микросреде, степень ориентации на насилие как способ достижения цели или реагирования на ситуацию и т. д. В то же время эта информация является менее ценной по отношению к осуждённым, отбывающим наказание за корыстные преступления

Таким образом, задача обработки информации состоит в том, чтобы из различного рода данных об осуждённом, поступивших от судебно-следственных органов, подчас разрозненных, отражающих отдельные стороны личности осуждённого сведений составить общую, целостную картину об объекте воздействия, выявить присущие ему социально вредные, антиобщественные свойства, закономерности и тенденции их развития.

В заключение отметим, что обеспечение процесса карательно-воспитательного воздействия достаточной информацией об осуждённом является важнейшим условием повышения эффективности этого воздействия и зависит от судебно-следственных органов, выступающих в качестве основных передатчиков информации об осуждённом, и самих учреждений как единственных получателей информации и организаторов карательно-воспитательного процесса.

¹ См.: Урсул А.Ф. Информация. М., 1971. С. 129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не «кризис наказания», а «кризис общества»

Как мы убедились в результате краткого исторического экскурса, учение о наказании имеет свою богатую и глубокую историю, которая напрямую связана с сущностью и причинами преступности, сравниваемой очень часто с болезнью. Такое сравнение сделал ещё Платон в трактатах «Георгиас» и «Политик», рассматривая преступление как зло, как болезнь нормального общества. При этом древние мыслители были убеждены в том, что именно наказание является самым действенным и единственным средством лечения от этой болезни. Именно поэтому они возлагали большие надежды на силу и авторитет наказания в борьбе с преступностью. Однако преступность не уменьшалась, болезнь оставалась неизлечимой. Тем не менее наказание и его роль не подвергались сомнению. Религия Средневековья, да и не только этого периода, считала, что наказание, применяемое к преступникам, слишком мягкое, в нём слишком мало компонентов боли и мучительства, из-за чего оно малочувствительно. Наказание стало жёстким и коварным. Если использовать медицинские термины, то наказание-лекарство стали применять, скорее, не для лечения больного преступника, а для устрашения других людей, предупреждая, что оно слишком горькое. К каким плачевным результатам это привело, мы знаем из истории Средневековья.

А. Шопенгауэру принадлежит следующее высказывание: «Как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика, так и порицание и критика — когда они переходят меру справедливости»¹.

Именно гуманисты (Ш. Монтескье, Ч. Беккариа) были первыми, кто понял, что действенность, полезность наказания зависит не от его жестокости, а от того, в какой мере оно соответствует совершённом преступлению. Поэтому наказание должно быть максимально справедливым. Иначе говоря, количество и качество назначенного лекарства должны соответствовать степени и характеру болезни. В то же время в целях профилактики оно должно быть достаточно горьким, болезненным и мучительным. Таким образом, в отличие от древних мудрецов и канонистов Средневековья, которые чуть ли не «обожествляли» наказание, гуманисты рассматривали наказание как необходимую, полезную, но вынужденную меру против преступлений.

С точки зрения медицины болезни бывают легкоизлечимыми, трудноизлечимыми, а также, к сожалению, неизлечимыми. Причины этих болезней разные. Даже какая-либо конкретная болезнь имеет не одну причину. Главное, принципиальное заключается не в количестве причин, а в определении, знании этих причин и их источников. Только в этом случае возможно найти средство лечения этой болезни.

Более сложной оказалась картина преступности, где действуют многочисленные внешние факторы, причины, создающие благоприятные условия для совершения преступлений. При этом порой оказывается невозможным выделить непосредственную причину из общей суммы всех причин, приведших к преступному поведению личности. Однако, так же как и в медицине, где, кроме болезни, имеется больной, так и в уголовном праве и криминологии,

¹ Энциклопедия афоризмов. Мысль о слове. М., 2003. С. 538.

помимо понятия «преступность», существуют такие понятия, как «преступление» и «преступник». Поэтому, когда мы говорим о преступлении, которое является результатом деяния человека, возникает настоятельная необходимость исследования в числе всех причин преступления той причины, которая непосредственно связана со свободой выбора субъектом варианта поведения. Это имеет принципиальное значение не только с точки зрения выяснения причин преступности, но и для определения роли и значения наказания в борьбе с преступностью, его объективных возможностей. Всё, на что способно наказание, ограничивается предупреждением, воздействием на волю человека с целью оттолкнуть его от совершения преступления, в то время как от общества (государства) требуется устранение первопричин преступности, внешних условий, способствующих совершению преступлений.

Таким образом, в борьбе с преступностью наказание и общество являются, условно говоря, как бы «союзниками». При этом каждая сторона обязана выполнять свою задачу, исходя как из реальности цели, так и из своих объективных возможностей. Однако почему-то мы привыкли наши неудачи в борьбе с преступностью связывать именно с малоэффективностью, а чаще с неэффективностью только наказания, забывая при этом роль и функции общества. Поэтому мы посоветовали бы сторонникам отрицания наказания, рассуждающим о «кризисе наказания», вначале определить уровень эффективности общества в выполнении возложенных на него задач в устранении социальных причин, создающих условия для совершения преступлений.

Нельзя забывать также, что наказание как средство по своей сути и содержанию может быть достаточно действенным, однако общество (государство) не способно правильно и в максимальной степени использовать его устрашительно-предупредительное воздействие. Если мы хотим определить

степень «вины» наказания в росте преступности, то давайте тогда рассмотрим деятельность государства в улучшении социальных условий жизни людей, повышении уровня развития общества в широком смысле слова. Ведь сегодня мы являемся свидетелями как раз обратного процесса: общество само расширяет, углубляет внешние условия причин преступности, оказавшись в которых человек не в состоянии удержаться от совершения преступлений.

Не «вина» наказания, что мы не имеем чёткого представления не только о «первопричинах» преступности, но и о сущности, источнике преступного поведения человека. А ведь от этого, по сути, зависит успех борьбы с преступностью. Незнание есть следствие нашего непонимания этого явления, этой болезни. Это признание в неизбежном незнании сущности человеческого поведения вообще. Причина, на наш взгляд, заключается в недостаточном использовании достижений других наук в исследовании этой проблемы.

Не «вина» наказания, что, зная о замечательных достижениях таких наук, как прогнозирование, кибернетика, математические методы, они сегодня не используются в целях совершенствования действенности наказания. Поэтому, думается, будет справедливым говорить не о «кризисе наказания», а о «кризисе общества» в борьбе с преступностью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Некоторые статистические данные
о преступности в Азербайджане,
СНГ и странах мира**

Зарегистрированные преступления в Республике в 2000 году

Виды преступлений		Зафиксированные в цифрах и в %	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ		13958	12766	1192	91,5
В том числе	Тяжкие и особо тяжкие	4576 32,78	3979 31,16	597 50,08	87,0
	Умышленные убийства	226 1,62	200 1,57	26 2,18	88,5
	Попытка убийства	99 0,71	96 0,75	3 0,25	97,0
	Изнасилования (с попытками)	46 0,33	43 0,34	3 0,25	93,5
	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	290 2,08	276 2,16	14 1,17	95,2
	Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью	447 3,20	441 3,45	6 0,5	98,7
	Грабительство	145 1,04	120 0,94	25 2,10	82,8
	Разбойничество	200 1,43	159 1,25	41 3,44	79,5
	Воровство	2532 18,14	2041 15,99	491 41,19	80,6
	Государственное и муниципальное имущество	590	525	65	89,0
	Частная собственность	1942	1516	426	79,1
	В том числе	709	530	179	74,8
	Квартиры				
	Автотранспорт	60	25	35	41,7
	Угон автотранспорта	107	99	8	92,5
Из них	Мошенничество	1232 8,83	1211	21	98,3
	ДТП со смертельным исходом	309	259	50	83,8
	Хулиганство	1148 8,22	1131	17	98,5
	Преступления, связанные с наркотиками	23,69 16,97	2322	47	98,0
	Из них	735	693	42	94,3
	Продажа с целью продажи				
	Со стороны лиц, не достигших совершеннолетия	625	625	—	100
	Присвоение государственного и муниципального имущества, преступления в экономической деятельности против служебного интереса	623	523	100	83,9
	В том числе	175	156	19	89,1
	Присвоение государственных и муниципальных имуществ				
Из них, взятки	Преступления в экономической деятельности	181	145	36	80,1
	Преступления против служебного интереса	149	121	28	81,2
	Из них, взятки	55	48	7	87,3

Зарегистрированные преступления в Республике в 2001 году

Виды преступлений		Зафиксированные в цифрах и в %	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ		14607	13545	1062	92,7
Тяжкие и особо тяжкие		3749 25,67	3419	330	91,2
Умышленные убийства		218 1,49	202	16	92,7
Попытка убийства		100 0,68	97	3	97,0
Изнасильничия (с попытками)		41 0,28	41	-	100
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью		291 1,99	275	16	94,5
Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью		383 2,62	377	6	98,4
Грабительство		179 1,23	161	18	89,9
Разбойничество		198 1,36	168	30	84,8
Воровство		2088 14,29	1723	365	82,5
Из них	Государственное и муниципальное имущество	289	253	36	87,5
	Частная собственность	1799	1470	329	81,7
	В том числе	671	527	144	78,52
	Квартиры				
Автотранспорт		28	11	17	39,3
Угон автотранспорта		73	69	4	94,5
Мошенничество		1346 9,21	1330	16	98,8
ДТП со смертельным исходом		303	254	49	83,8
Хулиганство		982 6,72	969	13	98,7
Преступления, связанные с наркотиками		2303 15,77	2256	47	98,0
Из них	Продажа с целью продажи	711	670	412	94,2
	Со стороны лиц, не достигших совершеннолетия	512	512	—	100
Присвоение государственного и муниципального имущества, преступления в экономической деятельности против служебного интереса		451	351	100	77,8
В том числе	Присвоение государственных и муниципальных имуществ	137	112	25	81,8
	Преступления в экономической деятельности	167	137	30	82,0
	Преступления против служебного интереса	137	96	41	70,1
Из них, взяты		54	40	14	74,1

Зарегистрированные преступления в Республике в 2002 году

Виды преступлений	Закрепленные в цифрах и в %	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	15520	14603	917	94.1
Тяжкие и особо тяжкие	1486 9.57	1380	106	92.9
Умышленные убийства	212 1.37	198	14	93.4
Попытка убийства	103 0.66	99	4	96.1
Изнасилования (с попытками)	39 0.25	39	—	100
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	245 1.58	235	10	95.9
Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью	391 2.52	285	6	98.5
Грабительство	182 1.17	176	6	96.7
Разбойничество	173 1.11	151	22	87.3
Воровство	1619 10.43	1364	255	84.2
Из них	122	106	16	86.9
Государственное и муниципальное имущество				
Частная собственность	1497	1258	239	84.0
В том числе	495	4054	90	81.8
Квартиры				
Автотранспорт	22	6	16	27.3
Угон автотранспорта	81	71	10	87.7
Мошенничество	1114 7.18	1102	12	98.9
ДТП со смертельным исходом	389	338	51	86.9
Хулиганство	1285 8.28	1278	7	99.5
Преступления, связанные с наркотиками	2182 14.06	2143	39	98.2
Из них	704	674	30	95.7
Продажа с целью продажи				
Со стороны лиц, не достигших совершеннолетия	523	523	—	100
Присвоение государственного и муниципального имущества, преступления в экономической деятельности против служебного интереса	387	308	82	78.8
В том числе	110	98	12	89.1
Присвоение государственных и муниципальных имуществ				
Преступления в экономической деятельности	181	133	48	73.5
Преступления против служебного интереса	82	62	20	75.6
Из них, взятки	17	16	1	94.1

В Т О М Ч И С Л

Зарегистрированные преступления в Республике в 2003 году

Виды преступлений		Зарегистрированные в цифрах и в %	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ		15206	14104	1102	92.8
Тяжкие и особо тяжкие		1446 9.51	1322	124	91.4
Умышленные убийства		183 1.20	158	25	86.3
Попытка убийства		102 0.67	101	1	99.0
Изнасилования (с попытками)		49 0.32	47	2	95.9
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью		256 1.68	250	9	96.5
Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью		405 2.66	399	6	98.5
Грабительство		168 1.10	155	13	92.3
Разбойничество		155 10.02	132	23	85.2
Воровство		1820 11.97	1466	354	80.5
Из них	Государственное и муниципальное имущество	192	165	27	85.9
	Частная собственность	1627	1300	327	79.9
	В том числе Квартир	576	452	124	78.5
	Автотранспорт	52	13	39	25.0
Угон автотранспорта		80	73	7	91.3
Мошенничество		1166 7.67	1159	7	99.4
ДТП со смертельным исходом		437	379	58	86.7
Хулиганство		1336 8.79	1322	14	99.0
Преступления, связанные с наркотиками		2044 13.44	2026	18	99.1
Из них	Продажа с целью продажи	613	598	15	97.6
	Со стороны лиц, не достигших совершеннолетия	480	480	—	100
Присвоение государственного и муниципального имущества, преступления в экономической деятельности против служебного интереса		286	202	84	70.6
В том числе	Присвоение государственных и муниципальных имуществ	60	48	12	80.0
	Преступления в экономической деятельности	139	97	42	69.8
	Преступления против служебного интереса	73	48	25	65.8
	Из них, взятки	9	7	2	77.8

Зарегистрированные преступления в Республике в 2004 году

	Виды преступлений	Зафиксированные в цифрах и в %	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
	ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	16810	15740	1070	93,6
	Особо тяжкие преступления	238 1,42	221	17	92,9
	Тяжкие преступления	1278 7,60	1161	117	90,8
	Менее тяжкие преступления	7750 46,10	7065	685	91,2
	Преступления, не представляющие большую общественную опасность	7544 44,88	7293	251	96,7
	Преступления против личности	6254 37,20	6087	167	97,3
Из них	Умышленные убийства	201 10,20	178	23	88,6
	Попытка убийства	92	89	3	96,7
	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	219	208	11	95,0
	Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью	472	467	5	98,9
	Похищение	23	23	—	100,0
	Изнасилования (с попытками)	25	24	1	96,0
	Преступления в экономической среде	4222 25,12	3660	562	86,7
	Кража	1776 10,57	1416	360	79,7
	Мошенничество	1347 8,01	1325	22	84,4
	Присвоение и растрочительство	84	73	11	86,9
Из них	Ограбление	176	167	9	94,9
	Разбойничество	171	151	20	88,3
	Вымогательство	47	47	—	100,0
	Угон автотранспорта	95	81	14	85,3
	Контрабанда	96	91	5	94,8
	Уклонение от оплаты таможенных платежей				
	Неоплата налогов	190	111	79	58,4
	Продажа и хранение товаров без акцизной марки	16	10	6	62,5
	Преступления против общественного порядка и общественной безопасности	5343(31,7%)	5102	241	95,5
	Хулиганство	1470 (8,74%)	1461	9	99,4
	Преступления, связанные с наркоманией	2053(12,21)	2019	34	98,3

В том числе

Зарегистрированные преступления в Республике в 2005 году

	Виды преступлений	Зафиксированные в цифрах и в %	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
	ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	18049	16454	1595	91,2
	Особо тяжкие преступления	233 1,24	207	16	92,8
	Тяжкие преступления	1457 8,07	1233	224	84,6
	Менее тяжкие преступления	8009 44,37	6936	1073	86,6
	Преступления, не представляющие большую общественную опасность	8360 46,32	8078	282	96,6
	Преступления против личности	6864 38,03	6743	121	98,2
Из них	Умышленные убийства	192 1,06	173	19	90,1
	Попытка убийства	96	92	4	95,8
	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	218	191	26	88,0
	Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью	398	388	10	97,5
	Похищение	29	26	3	89,7
	Изнасилования (с попытками)	44	43	1	97,7
	Преступления в экономической среде	4468 24,45	3468	1000	77,6
В том числе	Кража	2151 11,92	1539	612	71,5
	Мошенничество	933 5,17	906	27	97,1
	Присвоение и расточительство	140	121	19	86,4
	Ограбление	196	174	22	88,8
	Разбойничество	165	119	46	72,1
	Вымогательство	37	32	5	86,5
	Угон автотранспорта	124	103	21	83,1
	Преступления в экономической деятельности	501	27	230	54,1
	Контрабанда	102	83	19	84,1
	Уклонение от оплаты таможенных платежей				
В том числе	Неоплата налогов	341	145	196	42,5
	Продажа и хранение товаров без акцизной марки	9	8	1	88,9
	Преступления против общественного порядка и общественной безопасности	5617 (31,12%)	5275	342	93,9
	Хулиганство	1358 (7,52%)	1328	30	97,8
	Преступления, связанные с наркоманией	2114 (11,71%)	2036	78	96,3

Зарегистрированные преступления в Республике в 2006 году

Виды преступлений		Зафиксированные в цифрах и в %	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ		18667	17694	1516	92,1
Из них	Особо тяжкие преступления	203	213	17	92,6
	Тяжкие преступления	1777	1674	304	84,6
	Менее тяжкие преступления	8251	7636	867	89,8
	Преступления, не представляющие большую общественную опасность	8436	8171	328	96,1
	Преступления против личности	7133	6997	164	97,7
Из них	Умышленные убийства	176	169	16	91,4
	Попытка убийства	93	94	7	93,1
	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	235	211	33	86,5
	Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью	398	393	10	97,5
	Похищение	19	16	2	88,9
Из них	Изнасилования (с попытками)	34	30	4	88,2
	Преступления в экономической среде	4226	4052	861	82,5
	Преступления против собственности	4052	3600	789	82,0
	Кража	1951	16119	596	73,1
	Мошенничество	1223	6,55	98	92,3
Из них	Присвоение и растрочительство	87	95	2	97,7
	Обращение	218	170	32	84,2
	Разбойничество	142	139	22	86,3
	Вымогательство	61	59	1	98,3
	Угон автотранспорта	100	87	9	90,6
Из них	Преступления в экономической деятельности	374	452	72	86,3
	Контрабанда	119	100	17	85,5
	Уклонение от оплаты таможенных платежей	1	—	—	—
	Неоплата налогов	192	292	46	86,4
	Продажа и хранение товаров без акцизной марки	9	9	1	90,0
Преступления против общественного порядка и общественной безопасности	Преступления против общественного порядка и общественной безопасности	6084	5693	381	93,7
	Хулиганство	1232	1208	56	95,6
	Преступления, связанные с наркоманией	2396	2279	140	94,2

Зарегистрированные преступления в Республике в 2007 году

	Виды преступлений	Зафиксированные в цифрах и в % 19045	Раскрытые	Нераскрытые	Процент раскрытия
	ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ		15276	1748	89,7
Из них	Особо тяжкие преступления	179 0,94	138	22	86,3
	Тяжкие преступления	1532 83,04	973	320	75,3
	Менее тяжкие преступления	8835 46,39	6550	1070	86,0
	Преступления, не представляющие большую общественную опасность	8499 44,63	7615	336	95,8
	Преступления против личности	7034 36,93	6321	175	97,3
	Умышленные убийства	190 1,00	125	39	76,2
	Попытка убийства	77	60	6	90,9
	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	250	148	39	79,1
	Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью	370	325	11	96,7
	Похищение	21	11	1	91,7
Из них	Изнасилования (с попытками)	35	21	4	84,0
	Преступления в экономической среде	4867 25,56	3342	1042	76,2
	Преступления против собственности	4342 22,80	2950	909	76,4
	Кража	2139 11,23	1273	632	66,8
	Мошенничество	1216 6,38	944	118	88,9
	Присвоение и растрочительство	90	74	17	81,3
	Ограбление	238	166	44	79,0
	Разбойничество	160	100	46	68,5
	Вымогательство	40	29	3	90,6
	Угон автотранспорта	117	83	27	75,5
Из них	Преступления в экономической деятельности	525	392	133	74,7
	Контрабанда	77	59	13	81,9
	Уклонение от оплаты таможенных платежей	2	2	—	100,0
	Неоплата налогов	369	279	104	72,8
	Продажа и хранение товаров без акцизной марки	7	5	1	83,3
	Преступления против общественного порядка и общественной безопасности	6052 (31,7%)	4726	424	91,8
	Хулиганство	1321(6,94%)	1023	63	94,2
	Преступления, связанные с наркоманией	2266(11,90)	1929	116	94,3

**Социально-криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления
в 2000-2007 годах в Азербайджане**

Годы	Всего совершено преступлений	Рабочие	Служащие	Несовершенно-летние	Женщины	Трудоспособные	С высшим образованием	Со средним образованием	В нетрезвом состоянии	Ранее осуждённые
2000	12906	855 (6,62%)	1261 (9,77%)	573 (4,43%)	1180 (9,14%)	9577 (74,2%)	2119 (16,41%)	10787 (83,58%)	690 (5,34%)	1316 (10,20%)
2001	13589	409 (3%)	926 (6,81%)	444 (3,26%)	1693 (12,45%)	10747 (79,08%)	2174 (16%)	11415 (84%)	926 (6,8%)	1521 (11,19%)
2002	14447	342 (2,36%)	634 (4,38%)	412 (2,85%)	2217 (15,34%)	12358 (84,54%)	2147 (14,86%)	12300 (85,13%)	583 (4%)	1436 (9,93%)
2003	15206	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2004	16030	407 (2,53%)	577 (3,6%)	491 (3,06%)	2358 (14,7%)	13811 (86,15%)	2263 (14,11%)	13767 (85,88%)	585 (3,64%)	1484 (9,25%)
2005	17303	356 (2,05%)	728 (4,2%)	554 (3,2%)	2520 (14,56%)	15043 (86,93%)	2431 (14,04%)	14872 (85,95%)	686 (3,96%)	1472 (8,5%)
2006	18564	444 (2,39)	686 (3,69%)	487 (1051%)	2675 (14,4%)	16002 (86,19%)	2588 (13,94%)	15976 (86,05%)	696 (3,74%)	1450 (7,81%)
2007	17734	533 (3%)	674 (3,8%)	485 (2,73%)	2505 (14,12%)	14671 (82,72%)	2234 (12,59%)	15500 (87,40%)	659 (3,7%)	1528 (8,6%)

Сведения о судимости в Азербайджане за период с 2000-2009 гг. в % к общему количеству осуждённых

Годы	Количество осуждённых	Пожизненное лишение свободы	Лишение свободы на определённый срок	Содержание в дисциплинарной воинской части	Ограничение свободы	Отражение по воинской службе	Исправительные работы	Общественные работы	Штраф	Лишение права занимать определённые должности или заниматься деятельностью	Условное осуждение	Другие наказания
2000	14,767	0,01	43,87	0,59	0,9	0,06	9,33	0,75	5,72	0,06	26,13	12,,52
2001	13,901	0,18	48,25	1,70	3,79	0,02	6,45	4,31	16,36	2,08	16,74	0,05
2002	14,188	0,16	40,52	1,39	5,2	0,08	8,23	7,07	18,9	0,67	17,37	0,35
2003	11,827	0,17	43,76	2,13	4,7	0,28	10	6,29	16,65	0,03	16,93	—
2004	13,353	0,014	38,77	1,22	5,7	0,21	12,46	5,8	18,29	—	16,13	0,98
2005	13,711	0,09	41,15	1,77	6,13	—	13,76	4,54	21,23	—	10,83	0,45
2006	14,206	0,06	40,90	1,9	6,94	—	13,72	4,31	22,91	0,01	8,96	0,25
2007	14,187	0,12	41,67	2,3	7,73	—	13,04	3,75	22,14	—	8,96	0,24
2008	13,995	0,03	42,97	2,4	6,4	—	14,21	3,1	23,02	—	7,69	0,14
2009	14,496	0,08	43,92	2,44	6,1	—	13,48	3,1	22,93	—	7,79	0,08

Приложение II

Характер наказания за особо тяжкие и распространённые преступления в Азербайджанской республике и в Австрии

Умышленные убийства и попытки убийства	Изнасилования	Кража	Мошенничество	Хулиганство	Преступления, связанные с наркотиками
От 7 до 12 лет — за простое убийство; От 12 до 15 лет — за квалифицированное убийство или пожизненное лишение свободы.	От 4 до 8 лет — лишение свободы за простой состав; От 5 до 10 лет — за квалифицированный состав; От 8 до 15 лет — с последствиями.	1) Штраф; 2) Исправительные работы; 3) Лишение свободы до 2 лет за простой состав; 4) Лишение свободы от 3 до 7 лет; от 6 до 12 лет за квалифицированную кражу.	1) Штраф; общественные работы на срок до 2 лет; лишение свободы на срок до 2 лет; 2) Квалифицированное мошенничество: штраф; лишение свободы от 3 до 7 лет; лишение свободы от 7 до 12 лет.	1) Простое хулиганство: а) общественные работы; б) исправительные работы; в) лишение свободы до 1 года; 2) Квалифицированное хулиганство: а) исправительные работы; б) лишение свободы до 5 лет; в) более тяжкое хулиганство — лишение свободы от 3 до 7 лет.	1) Простой состав — до 3 лет лишения свободы; 2) Квалифицированный состав — от 3 до 7 лет лишения свободы; 3) Более квалифицированный состав — лишение свободы от 5 до 12 лет; более тяжёлая форма т. е. более опасная форма — от 8 до 12 лет лишения свободы.

АВСТРИЯ					
1) Убийство простого вида — лишение свободы от 5 до 10 лет; 2) Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах — лишение свободы от 10 до 20 лет или пожизненное лишение свободы.	1) Изнасилование без отягчающих обстоятельств — лишение свободы от 6 месяцев до 5 лет; 2) Изнасилование с применением тяжёлого насилия — лишение свободы до 10 лет; 3) Изнасилование с тяжкими последствиями — от 5 до 15 лет; 4) Изнасилование со смертельным исходом — лишение свободы от 10 до 15 лет или пожизненный срок.	1) Простая кража — лишение свободы до 6 месяцев или штраф; 2) Тяжёлая кража — лишение свободы до 3 лет; кража, стоимость которой превышает 40 000 евро — лишение свободы от 1 до 10 лет; 3) Кража квалифицированная — лишение свободы от 6 месяцев до 5 лет; лишение свободы от 1 до 10 лет; от 5 до 15 лет.	1) Простое мошенничество — лишение свободы до 6 месяцев или штраф; 2) Тяжкое мошенничество — лишение свободы до 3 лет; лишение свободы от 1 до 10 лет.	1) Нарушение общественного порядка — лишение свободы до 2 лет; до 3 лет. 2) С последствиями — лишение свободы до 5 лет; до 6 месяцев до 5 лет; лишение свободы от 1 до 10 лет, если деяние повлекло за собой смерть большого количества людей.	1) Простой состав — лишение свободы до 6 месяцев, штраф; 2) Квалифицированный состав — до 3 лет лишения свободы или до 5 лет; 3) Квалифицированный состав — до 10 лет лишения свободы или до 15 лет лишения свободы или 20 лет лишения свободы.

Сведения о выявленных преступлениях в странах- членах СНГ в 2004 году

	Выявленные преступления		В том числе, из выявленных преступлений, в цифрах и в процентах							Из них			
	Всего	Преступлений на каждые 100 тыс. населения	±, %	Убийства и покушения %	Мысленных нанесений вреда здоровью	Хулиганство	Потеря чуждого имущества	Воровство	Ограбление	Разбойничество	Мошенничество		
Азербайджан	16810	203	10,5	293 1,74	219 1,3	1470 8,74	3470 20,64	1776 10,57	176 1,05	171 1,02	1347 8,01		
Беларусь	169016	9849	11,8	1012 0,6	2372 1,40	10880 6,44	97465 57,67	81428 48,21	8886 7,20	1831 1,08	5266 3,12		
Армения	10083	314	-8,9	114 1,13	205 2,03	351 3,48	3531 35,02	2791 27,68	114 1,13	129 1,28	497 4,93		
Грузия	24856	552	42,9	538 2,16	371 1,49	706 2,84	14110 56,77	10634 42,78	1316 5,29	1733 6,97	427 1,72		
Казахстан	143550	956	21,2	2059 1,43	2341 1,63	10087 7,03	84597 58,93	62021 43,21	11516 8,02	3003 2,09	8057 5,61		
Киргизия	32616	644	-8,4	419 1,28	305 0,94	3178 2,21	17035 9,74	13957 42,79	1670 5,12	220 0,67	118 0,36		
Молдавия	28846	852	-6,8	303 1,05	355 1,23	1062 3,68	15360 53,25	12682 43,96	1234 4,28	216 0,75	1228 4,26		
Узбекистан	79129	306	0,3	962 1,22	1271 1,61	4112 5,20	22386 28,29	16758 21,18	1462 1,85	743 0,94	3423 4,33		
Российская Федерация	2893810	2007	5,0	31553 1,09	57352 1,98	24810 0,86	1709808 54,09	1276880 44,12	251433 8,69	53448 1,92	126047 4,36		
Украина	520105	1092	-8,2	3788 0,73	5855 1,13	15914 3,86	299867 57,366	233736 44,94	40789 7,84	5538 1,06	19804 3,81		
Таджикистан	11037	166	-1,0	178 1,61	101 0,92	902 8,17	4816 43,64	3331 30,18	213 1,93	114 1,03	1158 10,49		
Туркмения							Нет информации						

Сведения о выявленных преступлениях в странах- членах СНГ в 2005 году

	Выявленные преступления			В том числе, из выявленных преступлений, в цифрах и в процентах													
	Всего	Преступлений на каждые 100 тыс. населения	±, %	Убийства и покушения %	Умышленных нанесений вреда здоровью	Хулиганство	Потеря чужого имущества	Из них									
								Воровство	Ограбление	Разбойничество	Мошенничество						
Азербайджан	18049	213	7.4	288 1.60	217 1.20	1358 7.52	3445 19.09	2151 11.92	196 1.09	165 0.91	933 51.69						
Беларусь	195361	1933	15.6	1033 0.53	2208 1.13	12764 6.53	121810 62.35	103196 52.82	9971 5.10	1591 0.81	7052 3.61						
Армения	8875	275	−12.0	79 0.89	199 2.24	297 3.35	3198 36.03	2463 27.75	161 1.81	108 1.22	466 5.25						
Грузия	43266	916	74.1	697 1.61	368 0.85	1314 3.04	21860 50.52	16256 37.57	2087 4.28	1925 4.45	1592 3.68						
Казахстан	146347	966	1.9	1847 1.26	2220 1.52	10611 7.25	87317 59.66	63140 43.14	13064 8.93	3002 2.05	8111 5.54						
Киргизия	33277	653	2.0	491 1.48	296 0.89	3180 9.56	16491 49.56	12335 37.07	2718 8.17	264 0.79	1174 3.53						
Молдавия	27595	814	−4.3	268 0.97	395 1.43	965 3.50	14375 52.09	11506 41.70	1261 4.57	288 1.04	1420 5.15						
Узбекистан	79883	302	1.0	910 1.14	1420 1.78	3549 4.44	21700 27.16	16155 20.22	1456 1.82	739 0.93	3350 4.19						
Российская Федерация	3554738	2477	22.8	30849 0.87	57863 1.63	30041 0.85	2160660 60.78	1572996 44.25	344440 9.69	63671 1.79	179553 5.05						
Украина	485725	1023	−6.6	3315 0.68	5698 1.17	14959 3.08	263535 54.26	186659 38.43	47054 9.69	6708 1.38	23114 4.76						
Таджикистан	12074	174	9.4	157 1.30	111 0.92	968 8.02	5081 42.08	3559 29.48	221 1.83	62 0.51	1239 10.26						
Туркмения							Нет информации										

Нет информации

Сведения о выявленных преступлениях в странах- членах СНГ в 2006 году

	Выявленные преступления			В том числе, из выявленных преступлений, в цифрах и в процентах								
	Всего	Преступлений на каждые 100 тыс. населения	±, %	Убийства и покушения %	Умышленных нанесений вреда здоровью	Изнасилования	Хулиганство	Потром чужого имущества	Воровство	Ограбление	Разбойничество	Мошенничество
Азербайджан	19045	223	4.7	267 1.40	250 1.31	35 0,18	1321 6,94	3753 19,71	2139 11,23	238 1,25	160 0,84	1216 6,38
Беларусь	191468	1964	−1.4	948 0.50	1986 1.04	353 0,18	13576 7,09	120898 63,14	104161 54,40	8505 4,44	1288 0,67	6944 3,63
Армения	9757	303	10.2	96 0.98	200 2.05	10 0,10	402 4,12	3771 38,65	30,90 31,67	171 1,75	94 0,96	416 4,26
Грузия	62283	1319	44	640 1.03	271 0.44	167 0,27	1208 1,94	34963 56,14	27657 44,41	2751 4,42	2160 3,47	2395 3,85
Казахстан	141271	923	−4.4	1780 1.26	2113 1.50	1544 1,12	9088 6,43	83064 58,80	59324 41,99	12607 8,92	2474 1,75	8659 6,13
Киргизия	31392	616	−5.7	446 1.42	296 0.94	271 0,86	3361 10,71	14768 47,10	10966 34,93	2405 7,66	206 0,66	1209 3,85
Молдавия	24767	731	−10.2	255 1.03	409 1.65	268 1,08	848 3,42	11586 46,78	9419 38,03	950 3,84	152 0,16	1065 4,30
Узбекистан	82352	309	2.3	861 1.05	1446 1.76	504 0,61	3263 3,96	20847 25,31	14846 10,03	1616 1,96	711 0,86	3674 4,46
Российская Федерация	855373	2754	1.2	274662 0.71	51429 1.33	8871 0,23	28645 0,74	2319374 60,16	1676983 43,50	357302 9,27	59763 1,55	225326 5,84
Украина	420921	893	−12.7	3220 0.76	5283 1.26	993 0,24	13371 3,18	192590 45,75	132159 31,40	41663 9,90	6465 1,54	21303 5,06
Таджикистан	11223	162	−6.9	228 2.03	111 0.99	75 0,67	907 8,08	4493 40,03	3155 28,11	179 1,59	85 0,76	1074 9,57
Туркмения												
	Нет информации											

Сведения о выявленных преступлениях в странах- членах СНГ в 2007 году

	Выявленные преступления			В том числе, из выявленных преступлений, в цифрах и в процентах								
	Всего	Преступлений на каждые 100 тыс. населения	+,-%	Убийства и покушения %	Умышленных нанесений вреда здоровью	Изнасилования	Хулиганство	Потром чужого имущества	Из них			
									Воровство	Ограбление	Разбойничество	Мошенничество
Азербайджан	18667	216	-3,1	269 1,44	235 1,26	34 0,18	1232 6,60	3534 18,93	1951 10,45	218 1,17	142 0,76	1223 6,55
Беларусь	180427	1854	-5,6	791 0,44	1878 1,04	336 0,19	9663 5,36	117553 65,15	103082 57,13	7747 4,29	1069 0,59	5655 3,13
Армения	8428	261	-13,9	99 1,17	185 2,20	8 0,09	241 2,86	3343 39,67	2712 32,18	123 1,46	76 0,90	432 5,13
Грузия	54746	1160	-12,1	741, 1,35	157 0,23	156 0,28	858 1,57	23631 43,16	18586 33,95	1615 2,95	1208 2,21	2222 4,06
Казахстан	128064	828	-10,3	1677 1,31	2213 1,73	1517 1,18	7494 5,85	72685 56,76	51428 40,20	10930 8,53	1994 1,56	8279 6,46
Киргизия	29151	559	-9,3	416 1,43	273 0,94	259 0,89	2999 10,29	14529 49,84	10560 36,23	2363 8,11	237 0,81	1369 4,70
Молдавия	24362	658	-10	216 0,89	408 1,67	281 1,15	780 3,20	11105 45,58	97247 39,91	868 3,56	153 0,63	360 1,48
Узбекистан	83905	310	0,3	815 0,97	1358 1,62	475 0,57	3216 3,83	19437 23,17	12769 15,22	1689 2,01	829 0,99	4150 4,95
Российская Федерация	35825421	2519	-8,5	22227 0,62	47348 1,32	7038 0,20	20360 0,57	2118636 59,14	1566970 43,74	295071 8,24	45318 1,26	211277 5,90
Украина	401293	852	-4,6	2906 0,72	5486 1,37	878 0,22	12139 3,02	174136 43,39	114665 28,57	32268 8,04	5716 1,42	21487 5,35
Таджикистан	12115	175	8	154 1,27	122 1,01	66 0,54	976 8,06	5391 44,50	3734 30,82	191 1,58	66 0,54	1400 11,56
Туркмения												

Нет информации

Сведения о выявленных преступлениях в некоторых странах мира

	Общее количество выявленных преступлений (в тыс.)	Дата	Предполагаемое национальное население	Уровень числа преступлений на каждый 100 000 населения
СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА				
Дания	3774	0,07	05/10/04	5,41 млн
Эстония	4571	0,04	01/04/04	1,35 млн
Финляндия	3719	0,07	15/04/04	5,22 млн
Исландия	115	0,04	01/09/04	292 000
Ирландия	3417	0,08	30/09/04	4,03 млн
Латвия	7796	0,34	01/01/05	2,31 млн
Литва	8063	0,23	01/01/04	3,45 млн
Норвегия	2975	0,06	01/09/04	4,6 млн
Швеция	6775	0,08	01/10/03	8,96 млн
Англия и Уэльс	75320	0,14	25/02/05	53,2 млн
Северная Ирландия	1275	0,07	24/02/05	1,78 млн
Шотландия	6742	0,13	25/02/05	5,11 млн
ЮЖНАЯ ЕВРОПА				
Албания	3778	0,10	11/03/	3,6 млн
Хорватия	3010	0,07	30/06/04	4,44 млн
Греция	8760	0,08	16/12/04	10,65 млн
Италия	57046	0,10	30/06/04	58,17 млн
Македония	1598	0,08	01/09/03	2,06 млн
Мальта	278	0,07	01/09/03	388 000

Сведения о выявленных преступлениях в некоторых странах мира

Страны	Общее количество выявленных преступлений (в тыс.)	Дата	Предполагаемое национальное население	Уровень числа преступлений на каждый 100 000 населения
Португалия	13498	01/12/04	10,54 млн	128
Сербия	7487	01/09/03	8,1 млн	92
Испания	58899	18/02/05	42,03 млн	140
Косово	1182	07/03	1,9 млн	62
Словения	1129	24/02/05	2,0 млн	56
ЗАПАДНАЯЕВРОПА				
Австрия	8700	01/02/05	8,18 млн	106
Бельгия	9245	01/03/04	10,5 млн	88
Франция	55 028	01/12/04	60,14 млн	91
Германия	79 329	31/08/04	82,6 млн	96
Нидерланды	19 999	01/07/04	16,32 млн	123
Швейцария	6021	01/09/04	7,39 млн	81

Сведения о выявленных преступлениях в некоторых странах мира

Страны	Общее количество выявленных преступлений (в тыс.)	Дата	Предполагаемое национальное население
Китай	1 594 000 (осуждённых)	2005 г.	1 313 973 713
Индия	1 764 630	2005 г.	1 095 351 995
Япония	2 853 739	2005 г.	127 461 611
Корея	1 543 220	2005 г.	48 846 823
Монголия	7 026	2005 г.	2 832 224
Непал	8872	2005 г.	28 287 147

Сведения о выявленных преступлениях в некоторых мусульманских странах

Страны	Общее количество выявленных преступлений (в тыс.)	Дата	Предполагаемое национальное население	Количество заключённых
Турция	286 482	2002 г.	70 413 958	64 051
Саудовская Аравия	84 599	2002 г.	27 019 731	28 612
Йемен	24066	2002 г.	21 456 188	14 000
Кувейт	19 350	2002 г.	2 418 393	2 946
Оман	11 782	2002 г.	3 102 229	1403
Катар	5 838	2002 г.	885 359	570
Иран	—	2002 г.	68 688 433	163 526
Ливия	—	2002 г.	3 874 050	5 535
Иордания	—	2002 г.	5 906 760	5 589

РЕЦЕНЗИЯ

на рукопись монографии проф. Рагимова Ильгама Мамедгасан-оглы «Преступность и наказание»

Преступность и меры борьбы с ней — это тот вопрос, который волнует человечество с момента его появления. Наказание — вот тот первый способ реагирования на преступление, которое приходит на ум любому современному человеку. И так было всегда. Недаром автор рассуждает о первом преступлении, совершённом человеком — краже яблока с древа познания в раю и о том, что произошло после этого. Он приводит слова из Библии, где Бог запрещает Адаму брать эти яблоки под страхом наказания: «Смертию умрёшь». Вряд ли это предупреждение следует оценивать как угрозу наказания — это, видимо, перевод в другое качество: из бессмертных в смертные. А вот изгнание из Рая (высылка, говоря современным уголовно-правовым языком), последовавшее за банальной кражей чужого имущества, уже можно рассматривать как простое наказание за совершенное преступление. С тех пор преступления перестали быть единичным фактом и переросли в новое социальное явление — преступность и как её одолеть, никто не знает.

В этой связи обращает на себя внимание название монографии: «Преступность и наказание». Обычно, со времён Ч. Беккариа, мыслители всех времён и народов рассуждали о преступлениях и наказаниях (достаточно вспомнить роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). Преступление, какое бы оно ни было это всегда единичный факт в биографии человека и в истории человечества. Преступность же — массовое социальное явление, которое, раз возникнув, развивается по своим законам и наказание, как инструмент уголовно-правового реагирования на преступность всего лишь один из немногих (и, наверное, не самый главный) инструментов реагирования общества и государства на преступность. Для того, чтобы наказание было эффективным, необходимо знать те причины, которые побуждают людей совершать преступления. Увы, здесь человеческий разум пока бессилён. Мы ещё как-то можем объяснить причины совершения конкретного преступления (Адам и Ева украли яблоко из-за своего стремления познать нечто новое; Каин убил Авеля из-за примитивной зависти и т. д.), но причины преступности как массового социального явления до сих пор остаются непонятыми и необъяснимыми. И автор очень хорошо это подмечает: «Не «вина» наказания в том, что мы не имеем чёткого представления не только о «первопричинах» преступности, но и о сущности, источнике преступного поведения человека. А ведь от этого, по сути, зависит успех борьбы с преступностью. Незнание — есть следствие нашего непонимания этого явления, этой болезни. Это есть признание в неизбежном незнании сущности человеческого поведения вообще. Причина всего

этого, на наш взгляд, — недостаточное использование достижений других наук в исследовании этой проблемы» (с. 239). Я, правда, не стал бы всё сводить к недостаточному использованию достижений других наук. На мой взгляд, человечество ещё просто не накопило достаточных знаний для понимания сути проблемы. Существующее количество (объём) знаний ещё не может породить нового качества (нового знания). Процесс этот идет, и, будем надеяться, рано или поздно достигнет результата.

В этом ключе — поиск решения проблемы борьбы с преступностью — написана вся монография. Автор сумел достаточно коротко, но и достаточно ёмко осветить все основные теории борьбы с преступностью, показав их достоинства и одновременно, показав то, почему же они не работают. При этом отношение автора к тем, кто раньше его шел по тернистому пути познания, очень уважительное. В принципе, так и должно быть, но не всегда, к сожалению, так бывает.

При написании работы автор использовал значительный объём статистического материала, включая результаты собственных социологических исследований. Всё это повышает доказательность и наглядность рассуждений и сделанных автором выводов.

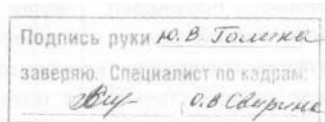
Автор в работе не обошёл ни одного «острого угла». Причины преступности, цели наказания, эффективность уголовного наказания, «пределы» наказания или «пределы» общества и т. д. — всё в той или иной степени находит отражение в рукописи, всему даётся авторская трактовка. При этом автор не настаивает на абсолютности и окончательности сделанных им выводов. Он как бы приглашает к разговору, к продолжению дальнейших попыток отыскания оптимума в разрешении древнейшей социальной проблемы.

Работа написана лёгким и доступным языком. Она может быть полезна не только юристам, но и философам, социальным психологам, социологам, всем, кто интересуется проблемой борьбы с преступностью.

Вне всякого сомнения, работа должна быть опубликована.

Ю.В. Голик, доктор юридических наук, профессор

**Рецензия на монографию доктора юридических наук,
профессора Рагимова Ильга Мамедгасан оглы
«Преступность и наказание»**

Рецензируемая монография написана на тему, которая всегда отличалась высокой теоретической и практической актуальностью. Не только юристов и специалистов в области пенитенциарного права, но и широкую общественность всегда волновали вопросы о природе и причинах преступности, о сущности, целях, формах и видах уголовного наказания, о его способности предотвращать новые преступления, исправлять преступника, влиять на уровень преступности. Еще в большей степени волновали и по-прежнему волнуют общественность и вопросы о степени и пределах справедливости при назначении уголовного наказания и о той роли, которую должно играть государство в его неотвратимости и обеспечении законности в процессе реализации.

Все эти сложные и не имеющие однозначного решения проблемы и получили освещение в монографии профессора И.М. Рагимова.

Автор строит свое исследование на прочной методологической основе. Он тщательно и с должной глубиной рассматривает исторический аспект понятия и значения уголовного наказания в связи со сложнейшей проблемой причин преступности. При этом автор исследует различные ракурсы этой сложной взаимосвязи. Он демонстрирует нам философские подходы древних к этой многогранной проблеме. Показывает значение и содержание религиозных учений о сущности наказания и его влиянии на причины преступности. Характеризует различные подходы к вопросу о понятии наказания и его социальном и правовом значении, которые были выработаны в течение целых столетий представителями различных научных направлений — классической школой (Ч. Беккариа); антропологической школой (Ч. Ломброзо); школой уголовной социологии (Э. Ферри); социалистической советской школой.

При этом автор дает не только отвлеченную характеристику основных постулатов, выработанных ведущими представителями вышеуказанных пенитенциарных учений, а высказывает относительно них собственные критические суждения, увязывая их с близкими всем нам положениями окружающей нас действительности.

Самостоятельному и глубокому рассмотрению подверглась едва ли не основная проблема всей пенитенциарной теории — проблема эффективности уголовного наказания с точки зрения влияния ее на уровень и характер преступности в обществе.

В этой связи автор указывает и рассматривает самые болевые точки этой большой проблемы: цель наказания, средства достижения этой цели, эффективность наказания как соотношения его цели, затрат и результата. Специальному рассмотрению подверглась проблема, имеющая первостепенную актуальность для современности: проблема так называемого «кризиса наказания». Эта проблема имеет не только первостепенное теоретическое, но и важнейшее практическое значение.

Много веков человечество наказывает преступников. В этой борьбе с ними государство прошло огромный путь — от самых жестоких, до самых гуманных видов уголовного наказания. Но все это не помогло устранить ни причины преступности, ни тем более ликвидировать ее как опаснейшее социальное явление. Более того, наша действительность дает нам массу примеров того, что современная преступность приобретает все более опасные общественные формы и нередко угрожает целым странам и народам, приводит к многочисленным бедствиям и жертвам (терроризм, наркотизм, агрессивные войны и т. д.). Неудивительно поэтому, что, все чаще и чаще, и среди специалистов, и среди людей, далеких от криминологической науки, звучат утверждения о кризисе наказания, т. е. о неспособности государства влиять на преступника и преступность мерами уголовного наказания.

Все вышеперечисленные вопросы профессор И.М. Рагимов рассматривает в острополемиическом плане. Он не только подвер-

гает убедительной и аргументированной критике взгляды своих оппонентов, но и обосновывает собственные позиции, утверждает собственные взгляды по дискуссионным моментам. Со многими его утверждениями нельзя не согласиться, например, в вопросе о целях и содержании наказания, о том является ли таковой кара и возмездие за совершенные преступления, является ли наказание средством утверждения социальной справедливости. Конечно, является, и профессор И.М. Рагимов убедительно доказывает это.

В то же время следует отметить, что полемика ведется им в духе уважительного отношения к заочным оппонентам, взгляды которых не просто отрицаются, но подвергаются глубокой, доброжелательной и, главное, конструктивной критике. При этом автор остается на собственных позициях в вопросах принципиального характера.

При этом он рассматривает, казалось бы, совершенно практические вопросы в тесной связи с такими сложнейшими категориями, как: психологический аспект наказания, его социальная составляющая, религиозное содержание страдания, которое претерпевает преступник, отбывая наказание, юридический и нравственный аспект такого страдания, как неотъемлемой составляющей процесса реализации наказания. Данный глубокий подход позволяет делать автору не менее глубокие практические выводы.

Нельзя не отметить и такую особенность рецензируемой работы, как ее социологический характер. Автор постоянно оперирует серьезными данными социологических исследований по основной проблематике своего труда и активно, умело и очень к месту выводит их в ткань повествования. Это придает его утверждениям серьезную убедительность. При этом автор использует не только опубликованные статистические данные по различным зарубежным странам и по Азербайджану, но и приводит результаты выполненных им собственных эмпирических исследований.

Это дает ему право сделать глубоко обоснованный научный вывод: преступность в Азербайджане, после развала СССР, не уменьшилась, а наоборот увеличилась. С учетом всех иных факторов пе-

нителиарной политики, проводимой в республике, он делает малоутешительный вывод о том, что уровень эффективности уголовного наказания в республике в современных условиях можно охарактеризовать как малоэффективный.

Анализируя причины преступности и объективные возможности наказания, автор приходит к обоснованным выводам о том, что с одной стороны наказание способно поражать волю, а поэтому может предупредить или подавить преступление, и в то же время, государство должно действовать не только устрашением наказанием, но и средствами, способными устранить сами причины, изменить характер самих факторов преступлений.

Вместе с тем, совершенно правильно отмечается, что самым лучшим средством против наклонности к преступным посягательствам на личность являются воспитание и образование, развитие духовной стороны человека, его разума и голоса совести. А это уже выходит за пределы объективных возможностей уголовного наказания, ибо оно не в состоянии парализовать злое намерение человека своими силами, так как наказание действует не на внешнюю причину преступления, а на внутреннюю волю.

Рассуждая о так называемом «кризисе наказания», автор делает столь же справедливый вывод о том, что надо совершенствовать его формы и методы, а не заниматься абстрактными рассуждениями о явлении и механизме наказания, все возможности которого до сих пор в полной мере не изучены.

Завершается рецензируемая работа рассмотрением большого блока проблем, связанных с вопросом об эффективности наказания и теории прогнозирования. В этом разделе своего труда автор рассматривает прогностическую сущность наказания, соотношение прогнозирования и законотворческой деятельности, прогнозирования и математических методов в судебной деятельности, проблему индивидуального прогнозирования в процессе исполнения наказания.

Данный раздел отличается существенной новизной и новаторским подходом с точки зрения применения методов прогнозирова-

ния и системного подхода к проблемам эффективности уголовного наказания — во всех его аспектах, начиная с законодательской деятельности и заканчивая прогнозированием индивидуального поведения осужденного при отбытии наказания.

Автор, безусловно, прав, утверждая, что судебное решение о наказании предназначено для будущего. В этом и заключается прогностический аспект назначения наказания, который ни в коей мере не может игнорироваться в практической деятельности судебных органов. В то же время не менее справедливо утверждение о том, что судебный процесс — не технический механизм, а предлагаемый некоторыми авторами «электронный судья» — никогда не сможет назначить справедливое и целесообразное наказание.

В то же время автор на многих страницах весьма убедительно показывает сколь значима, трудна и ответственна деятельность судьи по отправлению правосудия вообще и вынесению наказания в частности.

Именно поэтому важна реализация выдвигаемой в работе идеи о том, что в индивидуальном прогнозировании поведения осужденного при отбытии наказания и после этого важно учитывать именно его индивидуальность. А это сфера чрезвычайно сложная в силу многокачественного характера объекта. При этом особое значение приобретает прогнозирование потребностей осужденного от содержания которых и степени их реализации зависит его дальнейшая судьба.

Говоря о возможностях эмпирического решения данного вопроса, автор в тоже время правильно подчеркивает, что индивидуальное прогнозирование поведения осужденного — это научное предсказание возможного поведения осужденного. А это обуславливает необходимость выработки и применения не только эмпирических, но и научных подходов к такому прогнозированию.

В этой связи очень уместным является обсуждение в работе вопроса полноты информации о личности человека, которая должно быть собрана на предварительном следствии и должна быть предметом тщательного исследования в суде.

Завершается этот интересный раздел, да и книга в целом, не менее интересным и точным утверждением: не вина наказания, что зная о замечательных достижениях таких наук, как прогнозирование, кибернетика, математические методы, — мы сегодня их не используем в целях совершенствования действенности наказания. Поэтому, думается, что будет справедливым говорить не о кризисе наказания, а о «кризисе общества» в борьбе с преступностью.

Работа написана хорошим и, в тоже время, очень доступным юридическим языком; содержит весьма интересные статистические данные о преступности в Азербайджане, СНГ и странах мира.

Убежден, что рецензируемая книга профессора И.М. Рагимова будет встречена с большим интересом не только в кругах специалистов в области уголовного права, криминологии и пенитенциарного дела, но и у широкого читателя и получит заслуженный благоприятный отклик.

Рекомендую книгу к опубликованию и выражаю надежду на то, что профессор И.М. Рагимов продолжит свое научное творчество в избранной им сфере научных интересов, которая никого не может оставить равнодушным.

Рецензент

Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Почетный работник юстиции РФ,
Почетный работник органов прокуратуры РФ
генерал-полковник юстиции
Председатель Следственного комитета РФ

Мне очень понравилось
завершить
эту работу
и благодарю за
предоставление
материала
для рецензирования
24.10.2011

Об авторе

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы

Родился 14 января 1951 года в Азербайджанской Республике, в селе Джиловдарлы Таузского района.

В 1969 году окончил русский сектор средней школы № 2 в городе Барде. В 1970 году поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета, по окончании которого, в 1975 г., поступил на очное отделение аспирантуры по кафедре уголовного права Ленинградского государственного университета. В 1978 году получил ученую степень кандидата юридических наук.

С 1978 по 1980 год работал в Институте философии и права Академии наук Азербайджанской Республики.

С 1980 по 1996 год занимал различные ответственные должности в Министерстве юстиции Азербайджанской Республики и был членом Коллегии.

В 1988 году, защитив докторскую диссертацию в Ленинградском университете, стал самым молодым доктором наук в области уголовного права на постсоветском пространстве. С 1996 года — профессор.

Автор около ста научных статей по юриспруденции, в частности уголовному праву, исполнительно-трудовому праву, а также девяти монографий, последние из которых — «Преступность и наказание», «Философия преступления и наказания», «О нравственности наказания».

С 2006 года является вице-президентом Международного союза юристов.

В 2011 году указом Президента Азербайджанской Республики награжден почетным званием «Заслуженный юрист Азербайджанской Республики».

В 2011 году Ильгам Рагимов был награжден Французской международной ассоциацией «Международный комитет защиты прав человека» международным орденом «Полумесяца и Звезды» I степени (высший) и званием Кавалера международного ордена «Полумесяца и Звезды».

В марте 2014 года удостоен награды Международного фонда сотрудничества и партнерства Черного моря и Каспийского моря (МФЧМКМ) «За особый вклад в развитие деятельности МФЧМКМ».

12 ноября 2014 года в Софии удостоен Болгарской академией наук почетного звания «Доктор Хонорис Кауза».

В 2015 году за вклад в созидание демократического общества и развитие институтов правового государства Ильгам Рагимов удостоен Высшей юридической премии «Фемида» — старейшей и одной из самых авторитетных правовых наград России, учрежденной Московским клубом юристов, Ассоциацией юристов России и Международным фондом поддержки правовых инициатив.

Является Почетным профессором Академии Следственного комитета Российской Федерации. Награжден знаком отличия Гильдии российских адвокатов «За вклад в развитие адвокатуры».

С 2016 года — Президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона.

В сентябре 2017 года удостоен премии Международного фонда имени Махмуда Кашгари за заслуги в сфере углубления российско-азербайджанских и турецко-азербайджанских отношений.

Мы ждем Ваши отзывы и предложения

Издательство «Юридический центр»:

По вопросам сотрудничества

+7 911 977 67 25

Электронная почта

izdat@hotmail.com

urizdat@mail.ru

www.juridcenter.ru

Научное издание

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы

ПРЕСТУПНОСТЬ И НАКАЗАНИЕ

Издательство «Юридический центр»

Редактор Ю.А. Безуглая

Компьютерная верстка С.Л. Кузьминой

Подписано в печать 21.12.2018 г.
Формат 60×90/16. П. л. 22,0. Уч.-изд. л. 22,2.
Тираж 500 экз. Заказ . Цена свободная.

Адрес

Издательство «Юридический центр»

Тел. +7-911-977-67-25

E-mail: urizdat@mail.ru, izdat@hotmail.com

Отпечатано в типографии ООО «Литография»
191119, СПб., ул. Днепропетровская, д. 8

ISBN 978-5-94201-767-5

